

Карина Шаинян

Западня

Книга первая
ШЕЛЬФ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Шаинян, К.

Ш81 Западня. Книга первая: Шельф / Карина Шаинян — М. : Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

Лизе девять лет и она изо всех сил старается быть обычной девочкой. Лето она проводит в теплом краю у дедушки и бабушки. Но однажды всё начинает меняться. Совершенно случайно к девочке попадает предмет Воробей, силу которого ей только предстоит узнать. Ссора с подругой, развод родителей — лишь начало череды событий, куда вовлечена Лиза. Её ожидает открытие страшной правды о своём лучшем друге, но главное — девочка с группой взрослых оказывается посреди снежного кошмара, очень скоро превращающегося в кошмар кровавый.

Суровая природа, жестокие шаманские обряды, столкновение могущественных корпораций — всё это тесно переплетено в небольшом дальневосточном городке Черноводске. За которым — океан и шельф.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

ISBN 978-5-904454-74-6

© Рыков К., 2012
© Шаинян К., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

Что такое «Этногенез»?

Сериал «Этногенез» представляет собой литературную версию эволюции человечества.

С помощью магических артефактов (небольших фигурок из неизвестного металла) люди получают возможность влиять на ход исторических процессов.

Завладев одним из предметов, человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее...

Отличительный признак владельца предмета — разноцветные глаза (зеленый и голубой). Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга.

Существуют целые сообщества людей, ставящих своей целью сбор предметов и контроль над ними — Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения до конца неизвестны.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории.

ПРОЛОГ

Ветер бешено трепал облака, рвал их на куски. Иногда через клочья тумана выглядывала луна, и тогда вершину сопки заливало ледяным светом, изрезанным странными тенями. Здесь росла только карликовая береза, скрытая сейчас под твердым снегом, да низкорослые, навеки искореженные листовенницы. Пахло морем и талой водой; мокрый снег бил в лицо, но человек, стоящий на вершине, как будто не замечал этого. Он пристально всматривался в клубящуюся тьму, из которой доносился рев невидимого моря. Оттуда на него медленно надвигалось скопище висящих в пустоте огней. Иногда снег с дождем усиливался, и огни исчезали из виду, но потом появлялись снова, с каждым разом все ближе и ближе. Человек бормотал что-то, сжимая кулаки, упрямо наклонял голову, будто пытался остановить их силой мысли. Но то, что двигалось на него с моря, было неумолимо.

К рассвету ветер стих; небо, плотно затянутое тучами, медленно серело, и уже можно было рассмотреть широкую лыжню, ведущую на сопку. Человек замолчал и устало пошевелился, разгоняя кровь в затекшем теле. На месте темной пустоты проступило море — морозное, ярко-зеленое море; обломки льда у берега походили на остатки древней мозаики. А там, где еще лишь вчера был бесконечный чистый горизонт, теперь высились четыре красно-белые вышки буровой платформы.

Пожилый мужчина, с головы до ног закутанный в тюлений мех, безнадежно сгорбился. Проваливаясь по колено в снег, он двинулся к листовнице, под которой лежал брезентовый рюкзак и широкие, подбитые шкурой лыжи. Шторм не помешал; платформа прибыла на место; разработка шельфа начнется вовремя. Он ничего не мог с этим сделать. Над головой пролетела крупная чайка-поморник, крикнула сердито и насмешливо. Человек устало поднял голову, вглядываясь в птицу. Знак ли это? Указание? Или просто случайность, ничего не значащее совпадение вроде тех, из которых состоит жизнь людей из города?

Он закрепил лыжи, повернулся к морю спиной и неторопливым, длинным шагом охотника двинулся вниз. Перед ним, как на ладони, лежал Черноводск: ряды и ряды одинаковых пятиэтажек, площадь перед мэрией, темное пятно парка. Собачий поселок, примыкающий к городу, походил издали на кучу мусора. Черноводск окружали рыжие, перепаханые проплешины в ровной серой шерсти лесотундры, над каждой из которых торчала черным остовом буровая вышка. Когда-то эти земли принадлежали детям Поморника, и правили ими старшие мужчины его рода. Человек, спускающийся с сопки, еще помнил эти времена, хоть и был тогда сопливым мальчишкой. Он помнил, как люди, пришедшие с юга, называли его отца эксплуататором и увезли навсегда. Он видел, как дети Поморника превращаются в людей города...

Человек снова что-то бормотал. Его плоское и широкое, смуглое лицо было неподвижно, шевелились лишь губы; и очень странно, почти пугающе смотрелись на этом лице узкие, неестественно яркие и светлые глаза — один голубой, другой — зеленый. Над головой человека кружила чайка, и он знал, что она голодна.

ГЛАВА 1

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АРЫКЕ

Ореховое дерево, раскидистое и ветвистое, было будто создано для того, чтобы по нему лазали. На одну толстую ветку Лиза уселась сама, на соседнюю — повесила пластиковую канистру с обрезанным верхом, уже наполовину полную. Не самое худшее задание от деда — мог отправить собирать мелкую черную смородину, а то и заставить полоть клубнику, — мол, ты уже взрослая, осенью в третий класс пойдешь, так что давай, трудись. А здесь, на дереве, тенек, и видно далеко-далеко. Прямо под Лизой — крыша ржавого вагончика, который дед поставил вместо садового домика, и круглые обводы машины, старого-престарого бежевого «Москвича». Дальше — тянутся широкой полосой сады; по одну сторону от них — шоссе, а за ним леса, где текут кристальные ручьи, источник воды для всего города. По другую — поля и тонкая синяя полоска гор, там растет дикая вишня и мушмула, и стоят загадочные древние башни. Под босыми ногами — гладкая, прогретая солнцем серая кора, под руками — зеленые орехи, до того твердые, что походят на волшебную морскую гальку.

Недозрелые грецкие орехи приходится класть на асфальт и подолгу колотить булыжником, сминая толстую зеленую оболочку и разбрызгивая едкий, остро пахнущий йодом сок,

который оставляет на коже несмываемые пятна. Пальцы Лизы давно стали темно-коричневыми и шершавыми, и она знала, что отмоются они разве что к октябрю. Но под сочной кожурой и светлой, еще тонкой скорлупой таилась терпкая, щиплющая губы йодная горечь бледно-желтых оболочек и восхитительная молочная сладость самих ядрышек, и это было так вкусно, что испачканные руки и напрочь испорченная одежда никого не останавливали.

Правда, это было во дворе. Сейчас же, в дедушкином саду, Лиза собирала орехи на варенье. Каждое лето бабушка заготавливала десятки банок, которые потом с трудом тащили из самолета в самолет по дороге домой — «чтобы у вас там, на Севере, хоть какие-то витаминчики были». Варенье из зеленых грецких орехов; а еще — малиновое, клубничное, грушевое, смородиновое, и самое вкусное, из айвы. Бабушка всегда так старалась, так заботилась, а родители так мучились, перевозя все это добро, что Лиза боялась даже заикнуться о том, что больше всего на свете любит перетертую с сахаром морошку.

Лиза бросила в канистру еще пару орехов, колупнула ногтем подсохшую царапину на загорелой острой коленке и покосилась на деда. Тот копался у кустов крыжовника, что-то подрубал маленькой острой лопаткой, что-то сердито отбрасывал. Лиза зацепилась коленями за ветку и повисла вниз головой. Русые волосы, собранные в хвост, защекотали шею; короткий сарафан свесился на лицо, и мир стал размытым, окрасился в ярко-желтые тона. Лиза засмеялась, отбросила подол и принялась раскачиваться, стараясь достать руками до ветки соседнего абрикоса.

— Лиза! — донеслось снизу. Она качнулась сильнее, ловко ухватилась за ветку руками и уселась, свесив ноги. Внизу

стояла Лена — Лиза познакомилась с ней недавно, когда дед отправил ее за водой к колонке. Лена была на год старше, но девочки быстро подружились: лазать по окрестностям садовых участков, охотиться на толстых зеленых ящериц и таскать чужую малину было намного веселее вдвоем. К тому же оказалось, что и в городе они живут в соседних дворах — правда, там, у Лены была своя, взрослая компания, в которую Лизу не брали.

Вот Никита никогда не отказывался играть с ней, грустно подумала вдруг Лиза и тут же сердито тряхнула головой. Она уже слишком взрослая, чтобы водиться с воображаемыми друзьями. Когда ты маленькая — можешь говорить о чем угодно, взрослые будут улыбаться тебе и кивать; но потом ты вырастаешь — и что-то меняется. Тебе приходится думать, о чем можно рассказывать, а о чем — лучше не надо, если не хочешь быть наказанной. А потом понимаешь, что есть вещи, о которых говорить вообще нельзя, потому что мама бледнеет, и у нее начинает дрожать подбородок, а папа наоборот каменеет лицом. «Ничего, ты это скоро перерастешь», — говорят они, но ты понимаешь, что это вовсе не «ничего», это что-то очень серьезное и очень страшное, и лучше бы тебе молчать.

Однажды ты снова проговариваешься, и папа говорит: присядь, надо поговорить. Лиза послушно садится, и он какое-то время смотрит поверх ее головы, размышляя о чем-то. Потом спрашивает: Лиза, ты же понимаешь, что Никита — воображаемый друг? Что ты сама его придумала? Конечно, удивленно отвечает Лиза. Отец будто не слышит ее, он снова смотрит поверх ее головы. Лиза, воображаемые друзья — это для малышей, говорит он. А ты ведь уже взрослая девочка, правда? Лиза медленно кивает, предчувствуя неладное, и отец продолжает: а если взрослый человек разговаривает

с воображаемым другом, это значит, что он ненормальный. Ты знаешь, что такое «ненормальный»?

Лицо Лизы немеет от страха, и она едва находит силы кивнуть. «Ненормально» — это как мальчик из соседнего подъезда, который не ходит в школу, не умеет разговаривать, а только мычит и пускает слюни. Или тот страшный бородатый человек, который шел по шоссе из Черноводска в аэропорт, размахивал руками и грозил кулаком кружащему над аэродромом самолету. Это запах мочи, грязи и страха. «Ненормально» — это значит, что никто с тобой не дружит, а родители растягивают губы в фальшивой улыбке и отводят глаза.

Она переросла. Никита как-то забылся, как забывались постепенно летние друзья, когда Лиза возвращалась в Черноводск. Последний раз она играла с ним давным-давно — как раз в этом саду, когда отправилась лазать по арыку. Ну, надо же с кем-то играть, в самом деле! А других детей Лиза до знакомства с Леной в садах не встречала...

— Мама сказала — сегодня воду пустят, — тихо сказала Лена. Лиза радостно взвизгнула и тут же зажала рот ладошкой, чтоб не услышал дед. Не то, чтобы ей запрещали купаться в садовых канавах — но и однозначного разрешения не было; Лизе часто говорили, что вода там очень грязная и холодная. В общем, в этом, как и в большинстве других, по-настоящему интересных дел, главное было — не попадаться взрослым на глаза.

Сеть канав для полива покрывала все сады, а одна из самых больших и глубоких проходила как раз по границе их участка. Большую часть времени арык оставался сухим, и его дно покрывала причудливая мозаика растрескавшегося ила. Края густо поросли кустами, которые сажали вместо изгородей, — это превращало сухое русло в таинственный

путь, ведущий сквозь джунгли, и одним из любимых Лизиних занятий было путешествовать по нему, каждый раз втайне от взрослых забираясь все дальше и дальше.

Но иногда — неведомо где, неведомо кто это делал, — открывались вдруг таинственные шлюзы, и сеть заполнялась водой. Говорили, что где-то дальше канавы становятся еще больше, никогда не пересыхают, и на их берегах в зарослях живут нутрии; а еще дальше — арыки соединяются с настоящим большим каналом, а тот — с рекой, текущей из гор... Лиза мечтала когда-нибудь добраться до тех мест.

Сад тоже пересекали канавки — и когда давали воду, дед, следуя каким-то хитрым соображениям, открывал и закрывал ржавые заслонки, направляя поток. Лиза любила смотреть, как он это делает, — но еще интереснее было плескаться под прикрытием густых зарослей смородины. В арыке Лизе было по грудь — вполне достаточно для того, чтобы пытаться плавать и даже нырять...

— Деда, мы пойдем полазаем! — крикнула Лиза, спрыгивая с дерева.

— Ты орехов набрала, стрекоза?

Лиза подхватила канистру обеими руками и побежала к вагончику.

— Вот, — гордо сказала она.

Дед довольно улыбнулся в усы.

— Дальше дяди Гришиного участка не ходи, — ритуально предупредил он, и Лиза серьезно кивнула.

Они пробирались сухим руслом. Иногда приходилось вставать на четвереньки — так низко склонялись над арыком ветви кустарников. На крыжовник и смородину они не обращали внимания, но вот против малины, перегородившей путь, Лиза устоять не могла. Крупные, чуть подернутые

сизым налетом ягоды, казалось, светились в зеленой полутьме, и Лиза остановилась.

— Знаешь, у нас в Черноводске тоже растет малина, — сказала она, — только мелкая совсем и кислючая.

Лена протиснулась мимо, поближе подбираясь к кусту.

— Ты здесь у бабушки с дедушкой живешь? — спросила она. Лиза кивнула, обирая с колючей ветки теплые крупные ягоды. — А где твоя мама?

— Мама дома, ей отпуска не дали. А папа на полевых работах.

Лена метнула взгляд в сторону полей, и Лиза поспешно добавила:

— Только не здесь, а очень-очень далеко. Он там на разведке.

— Врешь ты все, — скривила рожицу Лена, — разведчики только на войне бывают.

— А вот и нет!

— А вот и да!

Лиза пихнула Лену острым локтем, бросила ветку и быстро поползла вперед. Кусты по краям канавы становились все гуще, так что она постепенно превращалась в зеленый тоннель. Подруга ползла следом — Лиза слышала ее обиженное сопение. Наконец, она не выдержала.

— Он в институте разведки работает, вот! Геологической. Зимой ходит на работу, а летом — в это самое поле.

— И что он там делает?

— Живет в лесу, ест тушенку и ходит по горам с молотком, — сказала Лиза, наконец оборачиваясь, и отвела с лица грязный мокрый локон. — Берет образцы. Это называется разведка. А еще — экспедиция.

— Как же он живет в лесу и ходит по горам, когда он на полевых работах?

— А вот так, — буркнула Лиза. Этого она сама не понимала, просто привыкла, что каждое лето папа уезжает «в поле», а потом рассказывает про горы и тайгу. — Просто так называется. А твой папа где?

— А я не знаю, — беззаботно ответила Лена. Лиза опешила.

— Как это?

— А вот так. Мама с папой развелись. Ругались, ругались, а потом папа ушел и больше к нам не приходит.

Лиза замерла от страха. Как это ужасно — когда папа вдруг просто исчезает... нет, это невозможно даже представить!

— А ты по нему скучаешь? — тихо спросила она. — Я вот по своему папе ужасно скучаю, когда он в поле.

— Неа. Мама говорит, что он... — Лена замычала, покраснела, — в общем, очень плохой. И он нам не нужен.

Лиза присела на край арыка, грустно посмотрела на подругу — та увлеченно обдирала покрытые легким пушком ягоды японской вишни. На Лизу она не смотрела; вот Лена отправила в рот целую пригоршню ягод, лихо выплюнула косточки и замычала какую-то мелодию. Вроде бы ей было весело, но Лизе почему-то стало неловко и грустно — как будто Лена плачет, а Лиза никак не может обнять ее и утешить. В уголках Лениных губ запузырился вишневый сок — словно она упала и разбила губы. Лиза отвернулась.

— Мои родители тоже ругаются, — тихо сказала она.

— Ну и что? У всех родители ругаются. Дальше полезем?

— Мне дед только досюда разрешил, — ответила Лиза, осмотревшись. Впереди темной громадой вставал огромный старый тутовник, росший на участке дяди Гриши.

— Ну и подумай! Ты что, боишься?

— Нет, конечно, — фыркнула Лиза и соскользнула с края канавы.

Они пробрались мимо еще пары участков, когда Лена вдруг остановилась и наклонила голову набок, прислушиваясь.

— Воду пустили, — сказала она.

Лиза пискнула радостно и испуганно. Теперь и она услышала глухой отдаленный рокот. Внезапно ей стало тревожно; захотелось выпрыгнуть из арыка — уж больно грозным показался ей этот шум, не похожий на обычное бульканье и журчание. Лиза огляделась: берег, как назло, густо покрывал малинник, колючие ветки переплетались, не давая выбраться наверх. Ленка попятилась, ударилась спиной об выставленные Лизины руки. Девочки одновременно увидели, как на них движется мутный, доверху заполняющий канаву вал, на гребне которого кружились ошметки коричневой пены и мусор. Они дружно завизжали; вода сбила их с ног и потащила вдоль русла. Лиза снова попыталась закричать; рот наполнился жидкой глиной, ветка царапнула язык. Паника холодными щупальцами проникла в мозг. Лиза успела представить, как вода тащит ее — уже мертвую, с залепленными илом глазами — дальше, дальше, мимо участка, где дед возится с заслонками и не видит, как мимо проплывает труп его внучки, и дальше, в неведомые болота, где в ее белое раздутое лицо вцепятся черные пиявки... Лиза судорожно забилась, пытаясь вынырнуть. Наконец, сумела приподнять над водой голову. Жадно вдохнула, закашлялась.

Воздух показался ей сладким и почти горячим. Лиза рассмеелась от облегчения. Рука чиркнула по дну, зачерпывая горсть ила. Вокруг пальцев обмоталось что-то длинное, тонкое, отвратительно скользкое, как сопли.

— Ой, фууу! — вскрикнула Лиза. Отплевываясь и чихая, она встала на ноги, цепляясь за скользкие края канавы. Рядом фыркала и мотала головой Лена.

— Вот это дааа!.. — выдохнула она.

Лиза хихикнула. Подруга выглядела как чучело из мультика — мокрые волосы слиплись, платье превратилось в грязную тряпку.

Лиза машинально обтерла ладонь о мокрый сарафан, пытаясь избавиться от скользкой гадости, обвившейся вокруг пальцев. На солнце вдруг вспыхнуло что-то серебристое. Лиза вскрикнула снова — в унисон с Леной; девочки склонились над находкой. Это оказалась небольшая металлическая фигурка; то, что вызвало у Лизы такое отвращение, было когда-то сыромятным ремешком — а теперь просто прогнившими насквозь ошметками кожи.

— Вроде как птичка, — сказала Лена.

Лиза кивнула и еще раз прополоскала фигурку в мутной воде, смывая остатки глины.

Птичка заблестела на солнце, засверкала полированными гранями. Она завораживала. Лиза осторожно провела пальцем по металлической грани. Размокший ремешок был неприятно склизким и, казалось, разлагался под руками. Лиза с отвращением сорвала его и бросила обратно в канаву.

— Воробушек, — сказала она, рассмотрев фигурку получше. — Серебряный такой!

— Такой клевый! — протянула Ленка. — Дай!

Лиза быстро отдернула руку и сжала в кулак. Фигурка очень нравилась ей, и она не собиралась с ней расставаться. Она была знакома с Леной недавно, но уже успела узнать ее достаточно, чтобы понимать — если просто дать ей воробушка в руки, то потом вряд ли получится его забрать.

— Это я нашла! — сказала Лиза и на всякий случай спрятала руки за спину.

— Ну, дааай! — заканючила Ленка. — Хотя бы поносить. Я тебе верну, честное слово!

Лиза закусила губу и упрямо покачала головой.

— А я тебе вкладыш от «Дональда»!

Лиза заколебалась. Вкладыш от «Дональда», ничего себе! У Лизы был всего один, и она чувствовала себя неудачницей. У некоторых во дворе было по десять, даже по двадцать этих восхитительно пахнущих ярких бумажечек с рисунками из диснеевских мультиков. Более того, ходили невероятные слухи о девочке, которая сумела собрать все вкладыши, какие только бывают, — целых сто «Дональдов», — но в такое Лиза уже не верила. Жвачки «Дональд» можно было купить только на центральном рынке, у цыган, и стоили они целый рубль. Как Лиза ни умоляла бабушку и деда, ей ни разу их не покупали — мол, дорого, вредно, подозрительно... да и черт знает, откуда они у цыган берутся и где делаются, еще дизентерию подхватишь! «Зачем тебе эта дрянь химическая!» — возмущалась бабушка, и у Лизы наворачивались слезы на глаза от невозможности объяснить, как это важно, как это нужно, просто необходимо — вкладыши от «Дональда»... «У всех во дворе есть», — шептала она. «А если все во дворе с крыши решат сигать, ты с ними пойдешь?» — ядовито спрашивала бабушка, и Лиза замолкала.

Ей удалось скопить денег, но ехать на рынок одной, на трамвае было страшно, да и куда идти, когда приедешь, где искать этих таинственных цыган, она не знала. Так что целую жвачку Лиза видела один-единственный раз в жизни, когда один мальчик вынес ее во двор, и тогда же смогла попробовать — пожевать целых десять раз, как и все друзья-приятели того пацана. Она до сих пор помнила этот восхитительный, ни на что не похожий запах, эту сладость, этот ярко-розовый невиданный цвет. Даже попыталась надуть пузырь — правда, ничего не получилось, тут, конечно, нужна была тренировка.

— Я тебе целый «Дональд» дам, мне мама завтра купит, — сказала Лена. — Только, чур, дашь пожевать!

Против целого «Дональда» Лиза устоять не смогла. Он кивнула, как загипнотизированная, и Ленка требовательно потянулась к ее по-прежнему крепко сжатому кулаку.

— Нет, — замотала Лиза головой, очнувшись. — Вот принесешь жвачку, тогда дам. И только поносить! На один день.

— На два, — быстро поправила Ленка.

— Ладно, на два, — неохотно кивнула Лиза.

Подумав, она выдернула из сарафана тонкую веревочку — поясик и крепко обмотала вокруг птичьей головы. Теперь фигурку можно было повесить на шею. Прикосновение металла показалось ледяным даже по сравнению с довольно холодной водой. Лизе почудилось, что от него даже слегка покалывает кожу, как на морозе.

— Красивый, — сказала Лена, с завистью глядя на кулон. — Везуха тебе!

Лиза промолчала. Водяной вал, несущий грязь, укатился вниз, и теперь канаву заполняла почти чистая, спокойная вода. Девочка сняла с хвоста резинку и наклонилась, чтобы вымыть из волос мусор и глину. Отражение фигурки серебристыми зайчиками запрыгало по поверхности воды, кольнуло глаза. Лена демонстративно отвернулась.

— Мама меня убьет, — сказала она, сдирая платье и пытаясь прополоскать его. — А твой дедушка ругаться будет?

— Нет, — качнула головой Лиза. — А вот бабушка раскричится, конечно.

— Слушай, я вот все думаю про это поле, которое лес, — сказала Ленка, когда они, наплескавшись вдоволь и замерзнув до синевы, выбрались на тропинку между участками и побрели по ней назад. Лиза с подозрением покосилась на

подругу, но вид у Лены был невинный и задумчивый. Вроде бы никакого подвоха, решила Лиза.

— Ну, это просто так называется — поле, а на самом деле горы, — снова терпеливо объяснила она.

— Да ну, так не бывает, — отмахнулась Ленка. — Знаешь, что я думаю?

— Ну что? — насупилась Лиза.

— А вот что! Врет все твой папа. Мама говорит, мой папа все время ей врал. Так, наверное, и твой тоже.

— Мой папа никогда не врет! — крикнула Лиза с внезапной яростью. — Мой папа самый лучший! А ты... а ты... — Лиза сжала кулаки. — Дура!

— Сама дура, — ехидно фыркнула Ленка. Она уже собиралась сказать что-то еще, но тут из-за яблонь донесся голос ее матери.

— Зовут, — ненужно сказала она и вышла на дорожку между участками. — Ну, я завтра за тобой зайду, — добавила она, глядя на висящую между Лизиными ключицами фигурку воробья.

Лиза молча кивнула, все еще сжимая кулаки и глотая невесть откуда взявшиеся слезы.

— Что-то ты притихла, стрекоза, — заметил дед, когда Лиза вернулась на участок. — Умаялась?

— Угу, — пробормотала Лиза. — Скоро поедем уже, да?

— Тащи в машину, — сказал дед, вручая ей банку с крыжовником. Окинул взглядом превратившийся в грязную тряпку сарафан. — Ох и влетит нам от бабушки!

— Влетит, — вяло кивнула Лиза. Под тонкой мокрой тканью холодила кожу найденная фигурка — почему-то Лизе больше не хотелось никому ее показывать.

ГЛАВА 2

ССОРА

В квартире вкусно пахло чесноком, вареной картошкой и укропом. Из коридора Лиза увидела бабушку, — она стояла у тумбочки с телефоном и будто налезала на трубку, горбясь и приподнимаясь на цыпочках одновременно. Шипела:

— Погуляет и вернется. Что значит — не можешь больше? Терпи, все терпят! Кому ты с ребенком будешь нужна? О Лизке подумай!

— Мы дома! — громко и как-то очень бодро крикнул дед. Бабушка вздрогнула и оглянулась. Вид у нее был странно виноватый.

— Кто погуляет? — спросила Лиза, глядя на нее в упор.

— Собачка, собачка у соседей потерялась, погуляет и вернется, — быстро проговорила бабушка. — А вот и они, — сказала она в трубку совсем другим, сладким голосом. — Дать тебе Лизочку? Поговори с мамой! — сказала она, оборачиваясь к внучке.

Лиза взяла в руку тяжелую теплую трубку. Очень хотелось рассказать про вредную Ленку, и про найденную фигурку, и спросить... нет, спрашивать, пожалуй, не стоило.

— Как ты, Лизок? — спросила мама. — Хорошо себя ведешь, слушаешься?

Голос у мамы был какой-то неправильный. Бесцветный и ломкий, как серые лиственничные веточки зимой.

— Слушаюсь, — сказала Лиза. — Мам, а...

— Фрукты кушай обязательно, Лизок, — перебила ее мама. — Книжки читаешь?

— Я уже почти все, что задали, прочитала, — уныло ответила Лиза. — Мам, а когда вы с папой меня заберете?

— Ну как обычно, к школе. Папа за тобой приедет.

— Урааа! — завизжала Лиза, но сейчас же снова загрустила. — Мам, а заберите меня сейчас, а? Я соскучилась так...

— Ты же понимаешь, Лизок, папа в поле, а меня не отпускают — из-за этого шельфа весь институт на ушах стоит. Да и играть тебе не с кем будет, знаешь же — все разъехались на лето.

— Знаю...

— Вот и не канючь. Радоваться надо, что не в Черноводске сидишь. Знаешь, какая здесь холодрыга сейчас? Бабушку слушайся... дай-ка ей трубку.

Лиза протянула телефон бабушке и нога за ногу поплелась на балкон. Губы ее дрожали, глаза жутко щипало — будто в них попало мыло. Девочка присела на диванчик, на котором спала в хорошую погоду, и невидяще уставилась в крону пирамидального тополя, растущего напротив. В Черноводске холодрыга. В Черноводске колючий ветер швыряется горстями песка, тормозит чахлые деревца ольхи и корявые лиственнички перед их пятиэтажным домом. Пустынный двор порос низенькой аптечной ромашкой, смешные цветы — серединки без лепестков — пахнут остро и тревожно, а еще пахнет морем, и скрипят под ветром ржавые качели... Лизе очень хотелось в Черноводск. Домой, к маме с папой. Бабушку с дедушкой она, конечно, тоже очень любила, но...

Заскрипели пружины, густо пахнуло табаком, и на вздрагивающее плечо Лизы опустилась тяжелая теплая рука.

— Ну, хоть за сарафан не заругала, — сказал дед. Лиза громко всхлипнула. — Ну, с чего реветь надумала?

Лиза молча замотала головой, и дед шумно вздохнул.

— С подружкой поругалась? — спросил он. Лиза пере-дернула плечами, и он легонько похлопал ее по спине: — Не реви, это чепуха, помирись. Давай вытирай глазки и иди руки мыть, сейчас ужинать будем.

— А что мама должна терпеть? — тихо спросила Лиза.

— Не бери в голову, — ответил дед, — это... на работе у нее...

— Опять шеф дурит? — деловито спросила Лиза, копируя мамины интонации.

— Вот-вот, шеф.

— А почему...

— А ну марш руки мыть, почемучка!

Лиза испуганно кивнула, и дед, тяжело ступая, вышел.

Вымыв руки и поменяв мокрый грязный сарафан на футболку и шорты, Лиза тихо пошла на кухню. Больше всего ей хотелось спрятаться и не попадаться никому на глаза, но Лиза точно знала, что так будет только хуже — найдут и замучают расспросами и нотациями. А вот если все делать как обычно, как положено — то, скорее всего, никто и не обратит на нее внимания. Бабушка будет говорить с дедом, а дед — читать газету, иногда выглядывать из-за нее и бормотать «угу», а на Лизу никто и не посмотрит.

— Света говорит — у них там опять ребенок пропал, ищут, — донесся из-за кухонных дверей голос бабушки. — Первоклашка из соседнего дома. Говорит — второй уже... Да и взрослые...

Бабушка перешла на совсем уже тихий шепот. Лиза не смогла разобрать ничего, кроме слов «следователь» и «кишки».

По спине ходила холодная мохнатая лапа; Лиза изо всех сил напрягала слух, стараясь расслышать что-нибудь еще, но так и не смогла, — все глушило журчание воды из крана и грохот посуды.

— Куда их родители только смотрят, не понимаю, — наконец сказал дед нормальным голосом.

— А куда ты сегодня смотрел, когда она в канаве бултыхалась? Сарафан теперь хоть выкидывай, не напасешься.

Лиза на цыпочках попятилась от кухонных дверей. Сейчас входить точно не стоило — весь бабушкин гнев обрушится на нее, а так она просто поворчит на деда. Но что такое рассказала ей мама? Лиза задумалась, могла ли она знать пропавшую первоклашку. Наверное, та играла одна в гаражах или пошла в Собачий поселок, и по дороге...

Или в парке. В городской парк ходить без взрослых нельзя; там случаются всякие вещи. Что-то страшное. Взрослые потом разговаривают об этом шепотом, ничего не подслушать, и только твердят: никогда, никогда не ходи туда. Все равно, что смотреть фильм ужасов по виду — в единственный в Черноводске видеосалон совсем уж маленьких детей не пускали, но у Лизиной одноклассницы было несколько кассет дома. Всякие ужасные вещи всегда происходят не с тобой и не с твоими друзьями, а где-то далеко. Если ты хорошая — то ничего страшного с тобой никогда не случится. Но если поймают... Лизе даже думать не хотелось о том, что будет, если взрослые застукают тебя с друзьями в парке.

После купания Лизу слегка знобило — все-таки даже в самый жаркий день можно промерзнуть до костей, если долго не вылезать из воды. Она лежала на своем диванчике, натянув одеяло до носа. Южные звезды, крупные и мохнатые, выглядывали из-за тополей; волнами накатывал звон

многочисленных цикад. Хотелось спать, но почему-то Лиза боялась закрыть глаза. В голове все крутились обрывки сегодняшних разговоров: и Ленкино «он все врет», и сердитое шипение бабушки — Лиза так и не поняла, почему та ругалась на маму. Она чувствовала, что за этим разговором кроется что-то ужасное... а взрослые врут. Например, когда делают прививку — говорят, как комар укусит, а на самом деле это жутко больно. Взрослые врут. Так, может, и папа врет про «поле»? Лиза изо всех сил зажмурилась. Не может быть такого, это Ленка — дура... Звезды за тополями задрожали и раздвоились; Лиза сморгнула слезы и устало повернулась набок. Фигурка, которую она так и не сняла с шеи, больно впиалась в грудь, и девочка обхватила металлического воробья ладошкой, чтоб не кололся. Ленка — дура. Вот Никита бы никогда не стал говорить ей таких гадостей...

«Кишки», — громко сказал кто-то под ухом. Лиза вздрогнула, открыла глаза и тут же поняла, что спит: вместо балкона она оказалась в городском парке Черноводска, на детской площадке, окруженной густым и высоким кедровым стлаником. Она стояла перед «гигантскими шагами»; в одной из резиновых петель сидел Никита, болтал ногами и хитро поглядывал на Лизу.

— Смешное слово — кишки, — сказал он и хихикнул.

— Гадость, — сморщилась Лиза. — Перестань!

Под ногами заскрипел промерзший песок; впереди пылали густо-оранжевым лиственницы. Ветви стланика кивали на ветру под тяжестью пурпурных, с сизым налетом шишек, будто говорили: иди к нам, Лиза; беги скорее, шишки такие вкусные, и чем дальше — тем больше, тем спелее... Торопись, Лиза!

— Кишки, — повторил Никита.

Лиза остановилась, сердито оглянулась на друга — с края детской площадки он казался совсем маленьким. От запаха хвои тошнило, во рту появился горький привкус, и казалось, что губы слипаются от смолы. Никита спрыгнул с карусели и как-то сразу оказался рядом. Теперь они стояли бок о бок и вместе смотрели на заросли стланика.

— Пойдем? — предложил Никита. Лиза покачала головой.

— Гадость эти твои шишки, от них все липкое!

— Тогда просто полазаем.

— Не хочу.

Серые, как и у Лизы, глаза мальчика потемнели.

— Почему ты больше не хочешь играть со мной? — спросил он.

Лиза покраснела.

— Я не хочу, — сказала она. — Просто я уже выросла. А ты... ну... ты же придуманный!

— Тебе надо играть со мной, — ответил Никита. — Ты же помнишь, что случилось, когда ты не захотела?

Лиза упрямо замотала головой.

— Папа сказал, я не в детском саду, чтобы с тобой играть... Я же уже в школу хожу!

— Это тебе только кажется, — тихо ответил друг.

Из-за спины волной накатили крики и визг, пронзительный скрип вращающихся «гигантских шагов». Лиза испуганно оглянулась. Площадка была заполнена играющими детьми; они казались крошечными и далекими, будто Лиза смотрела на них в перевернутый бинокль. У песочницы стояла воспитательница, и, приложив руку к глазам, всматривалась в заросли.

— Лизааа! — закричала она. — Никитааа! Уходим! Лиза, вы где?

Вокруг довольно кивал сизыми шишками стланик. Никита взял Лизу за руку; ладонь у него была ледяная. Внезапно девочка почувствовала, как запульсировала на шее серебристая фигурка воробья. Никита улыбнулся:

— Ты же пойдешь играть со мной, правда? Я же твой лучший друг

Девочка кивнула.

— Лизааа! — снова донеслось с площадки.

Она заворочалась, сбрасывая одеяло, и выпустила из ладони фигурку.

— Да что ж ты за соня такая, — ворчливо сказала бабушка, стоящая в дверях балкона. — Подружка тебе кричит, кричит, а ты и ухом не ведешь!

Лиза соскочила с диванчика и бросилась к парапету. Под балконом на тротуаре стояла недовольная Ленка; вот она снова набрала воздуха, собираясь закричать — и смешно осеклась, увидев подругу.

— Выходи! — крикнула она.

Лиза кивнула и бегом бросилась в ванную.

Ленка ждала у подъезда, нетерпеливо притопывая ногой. На лавочке под тополем вокруг огромного двухкассетного магнитофона стояли кружком взрослые девочки; оттуда доносились звуки «Ламбады». Лиза с завистью взглянула на высокую красивую Фатиму, которая ловко переступала с ноги на ногу, покачивая бедрами. Как Лиза не старалась, ей эти движения не удавались, а Фатима танцевала точно так же, как те девушки в коротких юбках из телевизора. Лиза шумно вздохнула. Может, когда ей будет четырнадцать, как этим девчонкам, у нее тоже наконец, получится...

— Ой, а что это у тебя с глазами? — спросила вдруг Ленка. Лиза растерянно моргнула. — Какие-то они у тебя разные.

— Они у меня серые, — озадаченно ответила Лиза.

— Нет, не серые. Один голубой, а другой вообще зеленый какой-то.

— Не знаю, — сказала Лиза и зачем-то поморгала. Глаза слегка пощипывало, будто она плакала во сне.

Ленка пожала плечами и полезла в карман фирменных вареных джинсов.

— Вот, — сказала она, протягивая жвачку. — Давай воробушка.

Розовую обертку украшал веселый утенок; не отрывая от него глаз, Лиза потянулась к веревочке, на которой висела фигурка. Она уже чувствовала замечательный вкус «Дональда»...

Воробушек был холодный, и от него покалывало руку.

«Не отдавай!» — крикнул Никита. Лиза вздрогнула и замерла с фигуркой в руке. С детского сада она не слышала своего воображаемого друга так отчетливо. «Не отдавай, не отдавай, — канючил Никита, — а то я к тебе больше никогда не приду!» «Я с тобой и так не играю, — фыркнула Лиза, — я уже взрослая. Я нормальная!». «Со мной нельзя не играть, ты же помнишь, что...»

Лиза побледнела и прикрыла глаза.

— Ты что там шепчешь? — удивленно спросила Ленка.

— Ничего.

— Я же вижу, у тебя губы шевелятся!

— Ничего я не шепчу!

Лиза опустила руку, так и не сняв фигурку с шеи, и мрачно посмотрела на Ленку. Та еще протягивала ей жвачку — но взгляд у нее был настороженный и злой.

— Извини, — сказала Лиза. Она уже понимала, что никак не может отдать найденный кулон... и вовсе не из-за Никиты, нет. Просто не может — и все. — Хочешь, я тебе...

— Ты чего? — удивилась Лена. — Первое слово дороже второго!

— Я не могу, — робко сказала Лиза и попятилась. — Ну, понимаешь, не могу никак... И вообще, что ты ко мне пристала?

— Дай сюда! — крикнула Лена и потянулась к фигурке. Лиза возмущенно отпихнула ее; Лена покачнулась, отступила на шаг.

— Тогда я тебе даже пожевать не дам! — крикнула она и сердито сорвала со жвачки обертку.

Перед Лизиными глазами мелькнул розовый прямоугольничек; она умоляюще потянулась к нему, готовая передумать, но Лена только зло усмехнулась и быстро затолкала жвачку в рот.

— Я тебе даже вкладыш не покажу, — пробормотала она с набитым ртом и, чтобы окончательно добить Лизу, выдула огромный, отливающий перламутром пузырь.

— Больно надо, — буркнула Лиза.

— Надо-надо! Тебе-то жвачку не покупают! А знаешь, почему?

— Почему? — тихо спросила Лиза.

— А потому что тебя сплавили с глаз долой!

— Что?

— Мне мама сказала, что твоим предкам не до тебя, вот они тебя и сплавили сюда к...

Договорить она не успела — Лиза, не выдержав, с визгом вцепилась ей в косу. Ленка ответила тем же; это было так больно, будто голову ошпарили кипятком. Из глаз Лизы брызнули слезы, но косу она не выпустила. Какое-то время они, пыхтя, таскали друг друга за волосы, но более сильной Лене удалось повалить Лизу на землю. Рот тут же наполнился пылью, губы слиплись, на спину обрушилась тяжесть, так

что стало трудно дышать, — Ленка навалилась сверху. Лиза завизжала и слепо зашарила рукой, пытаясь достать противницу.

Внезапно тяжесть со спины исчезла. Лиза почувствовала, как кто-то схватил ее за плечи и дернул. В горячке она лягнула ногой; раздался девичий вскрик, и Лизу ощутимо ткнули в ребра.

— Вы совсем офонарели? — спросила Фатима, уперев руки в бока. Одна из ее подруг крепко держала Лену за руку.

— Она первая начала, — выкрикнула Ленка, отчаянно выдираясь.

— А мне все равно, — усмехнулась Фатима. — А ну проваливай с нашего двора!

— Да щас, — буркнула Ленка, сверля Лизу злыми глазами.

— Ты на кого залупаешься? — удивленно протянула Фатима. Лиза ядовито усмехнулась, глядя, как сникает бывшая подруга. Отец Фатимы, приземистый усатый дядька, был кооператор. Он ездил на «Чайке» с водителем, носил на пальце гигантский золотой перстень и никогда не появлялся на улице без двух амбалов со стертыми лицами. Наезжать на Фатиму было самоубийством, и Ленка, видно, совсем обалдела, раз не сообразила это сразу. Теперь ее взгляд блуждал с одной девочки на другую; она явно пыталась сообразить, как выбраться из этой переделки.

— Давай, мотай отсюда, — повторила Фатима. Ее подруга отпустила Лену и слегка оттолкнула. Ленка попятилась, оглядываясь по сторонам, а потом развернулась и бросилась бежать.

— Да, вали отсюда! — крикнула Лиза и хлопнула носом. Кое-как обтерла лицо, перепачканное смешанной со слезами пылью.

— Ты мне еще попадешься, — пригрозила Ленка, на секунду приостановившись.

— А вот и не попадусь! — отгрызнулась Лиза и покосилась на своих защитниц. Фатима отвесила ей легкий подзатыльник.

— Не нарывайся, — сказала она.

Лиза покраснела и отвернулась. Фатима перевернула кассету, и над двором поплыл сладкий голос Юры Шатунова. Лиза застыла, раздумывая, прогонят ли ее, если она попытается присесть на лавочку. Сидеть с большими девочками и слушать магнитофон — это круче любых жвачек! Лиза сделала робкий шаг.

— Ну, чего уставилась? — хмуро спросила Фатима. — Брысь отсюда!

Лиза побрела прочь. Теперь она не понимала, почему вдруг отказалась меняться — ведь не навсегда даже, на два дня поносить! Взяла и поссорилась зачем-то. А то, что говорил Никита... мало ли что он говорит, он же воображаемый, и вообще, она давным-давно его забыла. Лиза вытерла ладонью нос и присела на ступеньках подъезда. Сняла с шеи воробья, положила на ладонь, разглядывая. Красивая все-таки штукавина. А может, даже серебряная. Правильно не дала Ленке — вдруг бы она не вернула? А ей скоро уезжать, лето кончается, вот-вот приедет папа, чтобы вместе с ней вернуться в Черноводск... Лиза шумно вздохнула, повесила фигурку на шею и прикрыла футболкой.

Было что-то еще, что-то странное. Лиза убрала со лба отросшую челку и вдруг вспомнила — Лена что-то говорила насчет ее глаз. Домой бежать не хотелось; Лиза подошла к окошку в двери подъезда, привстала на цыпочки и нахмурилась, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь. На улице было солнечно, в подъезде — почти темно; по стеклу разбегалась

сеть трещин, но Лизе это почти не мешало. Она отвела рукой челку и заглянула себе в глаза.

Дверь распахнулась — Лиза едва успела отскочить, и из подъезда вышла пожилая соседка с третьего этажа.

— В разбитое зеркало к несчастью смотреть, — прошамкала она. Лиза пожала плечами и отвернулась. Глаза у нее и правда были разные, и она понятия не имела, почему и что с этим делать. Увидят — начнут дразнить... Лиза расстроено прикусила губу, чтобы снова не расплакаться, и принялась пальцами вытягивать челку, пытаясь скрыть за ней разноцветные глаза. Как-то это было некрасиво, неправильно и даже немного страшно — разноцветные глаза. Ненормально.

«Скажи взрослым», — тихо шепнул голос Никиты с непонятным ехидством. Лиза сердито тряхнула головой — вот же лезет не вовремя! — и задумалась. К бабушке идти глупо, опять будет кричать — она последнее время постоянно Лизу за что-то ругает, как будто на всякий случай. Как будто... боится чего-то? Боится и чувствует себя виноватой.

А вот с дедом поговорить можно, решила Лиза. Он хотя бы не кричит.

Дед сидел за кухонным столом, читал газету и почему-то грыз дужку очков. Лиза подергала его за рукав.

— Угу, — откликнулся дед, — чего тебе?

— Деда, у меня глаза...

— Угу. Бабушке скажи.

— Ну, деда! — она снова дернула его за рукав и отвела челку, чтобы лучше было видно. Дед прикусил дужку очков так, что она сломалась, и зашелестел газетой. Лиза вздохнула.

— Что такое «гэкэчэпэ»? — спросила она, заглядывая через плечо. Газета выглядела странно: текст крошечный, убогий, а заголовки — громадные, чуть ли не на пол-листа.

— Ох, не знаю, Лизок, ох, не знаю, — пробормотал дед как-то растерянно. — Сходи лучше погулять.

— Что-то случилось? — спросила Лиза. — Что-то ведь случилось, правда? И с мамой, и с папой, и вообще...

Дед, наконец, оторвался от газеты, скользнул взглядом поверх ее головы. Как папа тогда, в том единственном разговоре о Никите. Что-то ненормально, поняла Лиза; и, наверное, ненормально что-то именно с ней.

— Все нормально, — сказал дед. — Все нормально, понятно? Будь хорошей девочкой, иди, не мешай.

Лиза тихо вышла из кухни.

— Ужасно, когда с тобой не хотят разговаривать, — пробормотала она.

— Ну, ты же им все время мешаешь, — ответил Никита, и Лиза судорожно вздохнула. — Давай лучше в самолет поиграем.

— Чур, я — стюардесса! — быстро сказала Лиза и принялась рассаживать вдоль дивана игрушки.

ГЛАВА 3

ЛИЗУ ЗАГОНЯЮТ В УГОЛ

Мокрый ноябрьский ветер нес желтые листья и мелкий мусор; кроны пирамидальных тополей походили на огромные кисти, красящие небо в оттенки серого. Лиза, пригибаясь под моросью и оскальзываясь на мокрой тропинке, бежала из школы. Серебристый воробушек, спрятанный под школьной формой, уже привычно холодил кожу: Лиза воспринимала его как волшебную нетающую льдинку, хрусткую и узорчатую, чудесное напоминание о холодном Черноводске. Там уже была зима, настоящая зима, и тропинка из дома до школы идет между сугробами выше человеческого роста. Девчонки роют в них пещеры; можно принести туда свечи — и будет тепло, как в настоящей комнате, и желтые лучи огня станут отражаться от снега, а сверху — просачиваться дневной свет, ярко-голубой, как крыло сойки.

А здесь, на юге, все еще была осень. Жирная черная земля перемазала туфли; гольфы совсем забрызгало грязью, и несколько капель долетело даже до белого фартука. Бант Лиза сорвала и запихала в портфель сразу после линейки, и теперь мокрые волосы липли к лицу, а совсем уж отросшая челка, вытянувшаяся от влаги, мешала смотреть по сторонам. Впереди были осенние каникулы, но радости Лиза не чувствовала.

Странное это было время. Будто в самом воздухе была разлита какая-то смутная тревога; все будто выжидали чего-то, но где-то на окраинах, на периферии Лизино мира уже закипало, заваривалось что-то новое. Внезапно подорожал хлеб; чтобы купить молоко и кефир, надо было вставать в шесть утра и выстаивать огромную очередь. Лицо Фатимкиного отца стало еще толще и настороженнее, и, проходя по двору, он озирался так, будто ждал, что его вот-вот укусят. По вечерам над дворами плыл низкий голос Цоя — все взахлеб слушали последний, посмертный альбом, и даже девчонки, морщившие носы от всего, кроме «Ласкового мая», распевали на переменах «Кукушку». Странное это было время.

Идти домой Лиза не собиралась. Она обязана была приходить в квартиру не позже восьми — и приходила минута в минуту, не раньше. Уроки можно было сделать и вечером, когда, как ни крутись, приходилось возвращаться — иначе бабушка отправлялась на поиски. Днем Лиза приходила домой только когда знала, что в квартире никого нет. Такое иногда случалось — бабушка отправлялась в гости, а дед тут же шел к магазину, где стояла огромная бочка с надписью «Пиво», рядом с которой всегда шевелилась и гудела длинная очередь. Тогда Лиза проскальзывала в квартиру и с бутербродом в одной руке и книжкой в другой заваливалась на диван. Это было счастье, — но выпадало оно редко. Обычно Лиза отсиживалась в беседке за домом — днем она пустовала, и только вечером туда приходили взрослые ребята с магнитофоном, а то и с гитарой; тогда Лизу прогоняли, и она плелась домой.

Жить с бабушкой и дедом и одновременно учиться в школе оказалось вовсе не так весело, как приезжать к ним на лето. Ребята, с которыми она дружила во дворе, тоже были приезжими; в конце августа она с ужасом смотрела, как

они один за другим разъезжаются по домам. А папа все не появлялся. Пару раз звонила мама, разговаривала с Лизой все тем же страшным, ломким, мертвым голосом, говорила, что папа задерживается, что полевые работы затянулись, что Черноводск сейчас — неподходящее место для детей... Нипочему, просто — неподходящее. Ешь фрукты, слушайся бабушку. Ругается? Веди себя хорошо и не приставай с глупыми вопросами, тогда не будет ругаться... Подожди немного. Мы тоже скушаем. Подожди.

И сердитые перешептывания деда с бабкой, когда они думали, что Лиза их не слышит. Черноводск — неподходящее место для детей, говорили взрослые, и Лиза подозревала, что догадывается, что они имеют в виду.

Кажется, это было в конце мая — снег почти сошел, и коротенькая зеленая травка, проросшая вдоль теплотрассы, первые одуванчики, куски чистого сухого асфальта рождали ощущение пронзительного, ликующего счастья. Тротуар перед подъездом расчертили на классики, прыгали по очереди, болтали ногами, сидя на лавочке. Кто-то притащил пакет черемши — они грызли крупные зеленые листья, морщась от острого чесночного вкуса. Была как раз Лизина очередь прыгать, когда к подъезду подошли двое пацанов — одного Лиза знала, он жил в соседнем подъезде; второй был незнакомый. Пацаны встали напротив лавочки и, тихо переговариваясь, начали пихаться локтями, подталкивая друг друга к стайке насторожившихся девчонок. «Ты давай», — услышала Лиза; «Нет, ты». Наконец тот, который жил в соседнем подъезде, выступил вперед. Он сунул руки в карманы, лихо сплюнул и спросил:

— Девчонки, хотите на мертвеца посмотреть?

— Настоящего? — спросила Наташа, старшая из девочек.

— Конечно, настоящего, — презрительно ответил он. — Пойдете?

Пошли все — никому из девочек не хотелось, чтоб ее посчитали трусливой. Их пятиэтажка образовывала северо-восточный угол города; за ней проходила дорога, ведущая вдоль всего Черноводска, мимо Собачьего поселка через сопки на восток, к морю. Они какое-то время бежали — дорога хорошо просматривалась из окон, и никому не хотелось, чтобы их случайно засекли. Выбежав, наконец, из зоны видимости, сбавили шаг и пошли тесной гурьбой, разбрызгивая рыжую грязь в лужах, — стайка детей в разноцветных болоньевых курточках, в резиновых сапожках и кедах. Летом обочины дороги густо зарастали высокой пижмой и полынью, но сейчас из мокрой земли торчали лишь мертвые сухие стебли, забрызганные красной глиной. Они прошли метров двести, когда один из пацанов остановился.

— Здесь, — сказал он и перепрыгнул через узкую придорожную канаву, воду в которой покрывали пятна нефти. Из сухостоя с воплями взлетели несколько чаек; из клюва одной из них свисало что-то темное. Мальчик многозначительно оглянулся. «Не надо!» — хотела крикнуть Лиза, но он уже медленно раздвинул серые стебли.

Поначалу Лизе показалось, что она видит всего лишь грудку тряпок, мозг отказывался пропускать в сознание то, что воспринимал. Лицо мертвеца было белым и одутловатым, покрытым темными пятнами, и белым был глаз, а на месте другого чернела яма. Почерневшие губы были растянуты, обнажая желтоватые зубы. Дубленка распахнута, и из-под нее выглядывало что-то багрово-черное. Длинное. Покрытое слизью. Грязная пакля волос закрывала часть лица, но открывала ухо — темное, распухшее ухо, в котором ярко блестела сережка. Лиза видела такие сережки — маленькие

гвоздики с розовыми стразами продавались в коммерческом магазине на улице Маркса. От них невозможно было отвести глаза.

Они смотрели широко распахнутыми глазами, впитывая, пропуская через себя ужас. В животе у Лизы лежал ледяной булыжник весом в тонну, щеки и кончик носа онемели, воздух с трудом проходил в горло; она хотела моргнуть — но не могла. За спиной хрипло дышал кто-то из девочек, и Лиза знала, что никто из стоящих перед мертвецом не в силах отвернуться. Кошмар спаял их в единое испуганное животное; никогда Лиза не чувствовала себя настолько слитой с другими — и такой одинокой перед лицом запредельного ужаса.

Дети не заметили женщину, идущую со стороны Собачьего поселка; но она не могла не обратить внимания на компанию ребят, молчаливо и неподвижно рассматривающих что-то на обочине.

— Что здесь у вас такое? — спросила она заранее сварливо, отодвинула одну из девочек и осторожно шагнула вперед. Какое-то время она смотрела молча, не понимая, а потом громко, нелепо вскрикнула — это было похоже на вяканье кошки, которую пнули ногой.

— Атас! — крикнул кто-то, и дети с диким визгом бросились прочь. Лиза бежала вместе со всеми, задыхаясь от пронзительного, неконтролируемого смеха, который одолевал их всех. Ее вытаращенные глаза заливала ледяная влага. Позади что-то кричала женщина, и каждый ее окрик вызывал новый приступ истерического хохота. Они добежали до двора, повалились на лавочку и долго не могли отдышаться. Стоило им переглянуться — и кто-нибудь начинал мелко визгливо хихикать, и остальные подхватывали; в этом не было ни капли веселья — только произвольная нервная разрядка, которой невозможно управлять. Что, если мы не

сможем остановиться, с ужасом думала Лиза, а ее губы тем временем растягивались в кошмарную ухмылку. Что, если мы так и будем смеяться, смеяться, смеяться до слез, и это никогда не кончится, наши глаза станут пустыми, а смех — пронзительным и бессмысленным, как крик попугая. Она чувствовала, что соскальзывает куда-то, и волосы на затылке шевелились, рассылая по спине полчища ледяных мурашек.

Они остановились. Затихли. Смотреть друг на друга было неприятно, как-то стыдно, и они быстро разошлись по домам. Потом этих пацанов и двух или трех девочек расспрашивала милиция, и им здорово влетело от родителей, но до Лизы никто не добрался. Когда мама заговорила с ней об этом случае, Лиза сделала вид, что впервые о нем слышит, — и отделалась всего лишь еще одним напоминанием о том, что гулять можно только во дворе. Потому что Черноводск — плохое место для детей. И для взрослых тоже, поняла тогда Лиза. Ее дом. Очень плохое место для всех.

И все-таки она хотела домой. Тридцатого августа Лиза все еще надеялась, хотя об отъезде не было сказано ни слова. Но тридцать первого бабушка повела ее покупать школьную форму, и на Лизу нахлынуло чувство обреченности. Она покорно ждала в магазине, где работала бабушкина знакомая, пока взрослые рылись на складе. Покорно мерила колючее шерстяное платье и шерстяной же черный фартук — на улице по-прежнему стояла летняя жара, которую ничуть не разгоняли вентиляторы, и Лиза чувствовала, как между зудящими лопатками стекает струйка пота. (Взрослую, «пионерскую» форму — белую рубашку, синюю юбку и такой же пиджак, который можно было снять в жару, — разрешали носить только с четвертого класса.) С тем же чувством обреченности она смотрела, как бабушка покупает ручки,

тетрадки, простенький пенал — Лизе было все равно, какой. С тем же чувством отправилась на другой день в школу, сгибаясь под тяжестью огромных гладиолусов из сада.

Новых друзей Лиза искать не стала и держалась от одноклассников в стороне, не обращая внимания ни на подначки, ни на проявления симпатии. К ней быстро потеряли интерес — Лиза была так отстраненна, что просто выпадала из поля внимания, и даже учителя то и дело о ней забывали. Лизу это только радовало. Она спряталась за завесой русой челки, скрывавшей уродливую разноглазость, чтобы даже случайно ни с кем не встретиться взглядом. Зачем, если все равно скоро уезжать, снова расставаться, терять? К тому же у нее был Никита...

Когда Лиза поняла, что осталась одна, она пообещала себе, что совсем немножечко поиграет с ним, а потом сразу перестанет. Но Никита вернулся... каким-то другим. Станным. Неправильным. Лиза все с большим ужасом понимала, что больше не может управлять своим воображением — стоило ей на секунду отвлечься, замечтаться — и Никита приходил, не важно, звала она его или нет. Учительница жаловалась, что на уроках Лиза время витает в облаках — и девочка не могла признаться, что ее отвлекает воображаемый друг. Она не могла больше управлять его появлениями. Не могла заставить его делать то, что она хочет. Не могла хоть как-то повлиять на то, что он говорит...

А Никита говорил. Раньше он был немногословным, послушным товарищем по играм; изредка он удачно шутил — и Лиза гордилась этим, понимая, что приписывает другу свои собственные шутки. Теперь же не умолкал. Бабушка кричит на тебя, говорил он, потому что ей стыдно: она хочет, чтобы ты поскорее уехала, и стесняется этого. Дед не услышит тебя: он давно привык никого не слышать, не видеть,

иначе его жизнь была бы слишком печальной. Когда-то он надеялся, что хотя внучка принесет ему радость, но ты разочаровала его, ты оказалась слишком ленивая, тебе неинтересно копаться в саду, у тебя нет никаких талантов, которыми можно хвастаться перед приятелями. Твои родители... Лизе хотелось зажмуриться и завизжать, чтобы заглушить тихий мальчишеский голос.

Призрак ненормальности стал перед ней во весь рост. Лиза подолгу тревожно всматривалась в зеркало, чтобы убедиться: ее лицо не перекошено, изо рта не течет слюна. Из зеркала на нее смотрели яркие разноцветные глаза в обрамлении выгоревших за лето волос. Пожалуй, испуганные, грустные глаза — но совсем не безумные, нет. Хотя откуда ей было знать? Внешне все было нормально, но папины слова все время звучали в ушах.

Если бы кто-нибудь сказал Лизе, что она одинока, заброшена и очень напугана, она удивилась бы и, пожалуй, даже возмутилась. Лиза всегда старалась быть хорошей. А хорошие девочки так себя не чувствуют. И поэтому она просто ждала, когда ее заберут домой.

Лиза снова смахнула с глаз челку и внимательно посмотрела по сторонам. До двора еще было метров двести; тропинка шла между оградой детского сада и зарослями одичавшей, разросшейся сирени. Впереди тропинка поворачивала; проскочить этот угол — и, считай, уже в безопасности. Обычно уроки у младших классов заканчивались раньше, но сегодня после праздничной линейки отпустили всю школу. А значит, и четвертые классы. А значит, и Лену с компанией...

Лиза иногда сталкивалась с бывшей подружкой на переменах, но вокруг всегда были учителя, старшеклассники, на худой конец — техничка или просто открытая дверь класса,

в которую можно было незаметно прошмыгнуть. А после уроков Лиза не выходила со своего двора — туда Ленка, помня о стычке с Фатимой, не совалась. Но сегодня... Когда Лиза уходила из школы, Ленка с двумя подругами стояла в углу школьного двора. Лиза надеялась, что ее не заметили, была почти уверена, что не заметили. Когда она поняла, что ошиблась, было уже поздно.

Плеск дождя по лужам как будто стал громче. Лиза встревожено оглянулась и поняла, что ее надежды не оправдались: Ленка с подругами быстро шагала по тропинке. Они уже догоняли Лизу; лица у всех троих были сосредоточенные и решительные. Она бросилась бежать и услышала за спиной плеск и топот. Она неслась, не разбирая дороги, чувствуя, как грязная вода забрызгивает ноги, подол формы, фартук, который еще утром был белоснежным. Поворот уже рядом, еще немного... Лиза рванулась к спасительному двору, срезая угол; ноги неудержимо заскользили по палой листве. Лиза отчаянно замахала руками, пытаясь сохранить равновесие, припала на колено и тут же снова вскочила — но драгоценные секунды были потеряны. Ленка схватила ее за плечо и столкнула с дорожки.

— Я же говорила, ты мне еще попадешься, — довольно сказала она и оглянулась на подружек. — Давай теперь моего воробушка.

— У меня... у меня его нет, — тихо ответила Лиза. Если оттолкнуть Ленку изо всех сил и успеть проскочить мимо девчонки справа, то, может быть, получится убежать. Будто прочитав ее мысли, девочки подошли поближе — теперь они стояли полукругом, прижимая Лизу к углу между забором и непроходимым кустарником.

— Как это нет? — Ленка подбоченилась. — И куда же он делся?

— Я... я подарила! — выкрикнула Лиза

— Говори тогда, кому отдала.

Глаза Лизы забежали. Ленка схватила ее за локоть и ловко завернула руку за спину. Лиза с воплем согнулась пополам; это можно было вытерпеть, но Лиза понимала, что стоит Ленке усилить нажим, и боль станет невыносимой. Она не могла пошевелиться; от ощущения полной беспомощности подступала паника. Лиза понимала, что еще немного — и она совсем перестанет соображать. Мозг лихорадочно работал, но она никак не могла придумать, кому же могла отдать кулончик, придумать что-то, чему Ленка поверит и сможет проверить. В глазах темнело от боли, и голова просто отказывалась работать.

— Ты ее не знаешь, — пробормотала она, задыхаясь.

— Я всех знаю. Не врать мне!

— У меня правда нет! — закричала Лиза. Ленка потянула локоть вверх, и руку пронзило такой дикой болью, будто ее выдернули из сустава. Лиза не выдержала. — Он дома, дома!

— Тогда пойдем домой, — сказала Ленка с ухмылкой и отпустила руку. Лиза схватилась за ноющее плечо. — Давай, пошли. И попробуй только убежать, хуже будет! Я тогда сама к твоей бабушке пойду и скажу, что ты у меня его украла!

Лиза похолодела. Она соврала, чтобы потянуть время, но теперь видела, что это не поможет. Ленка не шутит, не блефует — правда может пойти и сказать бабушке, что Лиза — воровка. Выхода не было. Что, если, придя домой, просто отказаться отдавать фигурку? Ленка не отстанет, будет звонить в дверь, кричать под балконом. В конце концов, бабушка спросит, что у них происходит, — спросит не у Лизы, а у ее «подружки» — и та расскажет историю про воровство. Лиза не знала, кому поверят взрослые. Может быть, даже

поверят ей. Но точно знала, что будет, если она сама расскажет правду. «Нехорошо быть такой эгоистичной, — скажет бабушка. — Вы же вместе нашли эту штучку, вот и играйте с ней вместе. Отдай девочке кулончик, прекрати жадничать». От отчаяния Лиза тихо застонала и тут же получила тычок кулаком в спину. Что, если сейчас дать сдачи? Ее сильно побьют, это чепуха, но на шум сбегутся взрослые, начнут спрашивать — и будет то же самое, только еще и влетит за неумение договариваться словами.

Лиза поднималась на свой пятый этаж, как на эшафот. Когда она потянулась к звонку, ей показалось, что на руке висит гиря. Девчонки за спиной настороженно сопели; Лиза все пыталась найти слова, которые ее спасут, дадут защиту — и не могла. Выхода не было.

Дверь открыла бабушка. Лиза молча глядела на нее исподлобья, так и не придумав, что сказать. Ленка опередила ее.

— Здравствуйте, — вежливо сказала она из-за спины, и Лиза услышала в ее голосе улыбку. «Такая милая девочка, — скажет сейчас бабушка, — не понимаю, Лиза, откуда у тебя манера ссориться из-за чепухи». От ненависти и страха внутренности сжались в тугой холодный узел.

— Добрый день, — заулыбалась бабушка, — Лиза, наконец-то ты явилась, гулена! Мы тебя жаждали. Девочки, у нас гостя, Лиза должна с ней поговорить. Поиграете чуть позже, хорошо? Подождите полчасика.

— Хорошо, — послушно пропела Ленка. Лиза обернулась, поймала злой взгляд прищуренных глаз. «Мы подождем, сколько надо, — говорил этот взгляд, — не думай, что все кончилось».

В коридоре стояла большая спортивная сумка с надписью «Adidas». Сердце Лизы екнуло — на секунду она подумала, что наконец-то приехал папа, но тут же увидела в комнате

невысокую черноволосую женщину с короткой стрижкой и круглым лицом. На ней были блестящие спортивные брюки и жутко модная блуза в мелкий черный горошек — Лиза знала, что такие бывают красные, белые и желтые, но эта была изумительного бирюзового оттенка — в цвет блестящим спортивным штанам.

Гостья казалась знакомой — присмотревшись, Лиза вспомнила, что встречала ее пару раз в институте, когда папа брал ее с собой на работу. Перед глазами встали темные, пахнущие пылью, прелым деревом и табачным дымом коридоры с деревянными панелями на стенах. Массивные шкафы с множеством ящиков — Лиза знала, что там хранятся образцы керна, узкие каменные цилиндрики всех оттенков серого и бежевого, которые так интересно рассматривать. Папин кабинет — прокуренный, тоже забитый шкафами с образцами; огромная, древняя раковина забита окурками папирос. Смешной рисунок снежного человека на стене. Столы, заваленные разноцветными картами, листами бумаги, исчерченными странными ломаными линиями («это сейсмограммы» — непонятно говорит папа), бесконечными таблицами. И эта женщина, столкнувшись с папой в коридоре, сердито щурит и без того узкие, черные глаза. «Отчет... каротаж... Кыдыланьи...» — слышит Лиза; папа шутиливо скидывает руки, смеется. «Лизок, это тетя Нина, — говорит он, — бежим скорее, а то она стукнет меня молотком». Лиза тоже смеется, но смотрит на тетю Нину с опаской: никакого молотка у нее в руках нет, но мало ли...

Может быть, тетя Нина пришла рассказать новости из Черноводска? Или передать что-нибудь? Лиза вошла в комнату, вопросительно поглядела на взрослых.

— Лизочек, нам надо серьезно поговорить, — сказала бабушка.

Лиза медленно присела на диван. Ее взгляд панически метался от бабушки к тете Нине, к деду и опять к бабушке. Серьезный разговор никогда не приносил ничего хорошего. Оценки за четверть? Долгие прогулки, уходы со двора? Или — Лиза похолодела — они как-то узнали про Никиту, и сейчас скажут: «Лиза, мы узнали, что ты ненормальная. Нам придется отдать тебя в психушку».

— Покажи-ка нам свои оценки, — сказала бабушка. Лиза медленно достала из портфеля дневник; к горлу подступили слезы, но все-таки она чувствовала облегчение. Оценки — это не самое худшее. Но сейчас, конечно, начнется... Только почему при госте? Обычно бабушка не ругала ее при посторонних. И обходилась без предисловий...

Тем временем бабушка открыла дневник на последней странице, где выставлялись оценки за четверть. Лиза уставилась в пол, ожидая криков. Две четверки. Остальные — тройки. А ведь она была отличницей, и ее родители всегда гордились этим.

Бабушка не стала кричать — только шумно, театрально вздохнула, захлопнула дневник и бросила его на диван. Это напугало Лизу больше, чем ругань. Это было непонятно; теперь Лиза не знала, чего ожидать.

— Видишь ли, Лизок, — проговорила бабушка, — видишь ли... Понимаешь, Лизок...

— Заладила, — раздраженно вмешался дед. Лиза вздрогнула. — Понимаешь, Лиза, твоим родителям было бы удобнее, если бы ты осталась у нас.

Лиза подняла расширившиеся от ужаса глаза, и бабушка торопливо добавила:

— Ненадолго, только на год. И мама обязательно приедет на Новый год.

Лиза, не в силах сказать ни слова, медленно покачала головой.

— Но с другой стороны, — снова заговорила бабушка, пряча глаза, — маму очень тревожит то, что ты съехала на тройки.

— И папу тоже, — торопливо вставил дед. Бабушка быстро кивнула.

— Да, маму с папой. Ты бы постыдилась, ведь отличницей была, а тут вдруг распустилась! Прогулки эти... Разве ты не понимаешь, что если друзья мешают тебе учиться — то это плохие друзья, дурная компания? Скоро докатишься до...

Тетя Нина громко кашлянула, и бабушка растерянно замолчала.

— Через два дня я еду в Черноводск, — заговорила, наконец, гостя, увидев, что старики совсем потеряли нить разговора. — У твоей бабушки есть возможность достать на тебя билеты, и ты могла бы поехать со мной.

— Но мы не уверены, что тебе стоит туда ехать, и хотим, чтобы ты осталась с нами, — добавила бабушка, и улыбка, появившаяся было на Лизинем лице, снова погасла. — Но ты уже взрослая девочка, так что решать тебе. Поступай, как знаешь.

Бабушка замолчала. Вид у нее был холодный и слегка обиженный. Лиза растерянно замерла. Ловушка, это была ловушка, вроде того дурацкого вопроса, который так любят задавать взрослые: кого ты больше любишь, маму или папу? Это была привычная, мелкая мышеловка... но теперь на пути Лизы лежал настоящий капкан. Ей так хочется уехать к родителям, — но если им это неудобно, это будет так... эгоистично. А эгоисткой быть нехорошо. Что важнее: не мешать родителям или не расстраивать их плохими оценками? Сказать бабушке, что она не хочет с ними жить, — или не вернуться в дом, по которому так скучает, и увидеть маму

только на новый год? Кто разозлится и обидится на нее больше? Чья обида... опасней?

— Лизааа, выходи! — донесся с улицы крик, и она вжала голову в плечи, узнав голос Ленки.

— Я хочу домой, — прошептала она, глядя на тетю Нину и изо всех сил стараясь не заплакать. — Пожалуйста.

Дед пожал плечами и развернул газету, а бабушка поджала губы и скорбно качнула головой.

— Беги, тебя подружки зовут, попрощайся, — сказала она. Лиза быстро кивнула. Схватив куртку и сунув ноги в сапоги, она выскочила за дверь.

— Какая все-таки черствая девочка, — успела услышать она.

Дверь захлопнулась. Лиза спустилась на несколько лестничных пролетов, уселась на ступеньку и разрыдалась, пряча лицо в коленях.

Может, надо было послушаться поморника и прогнать того человека, думал Петр. Может быть, зря он открыл тогда дверь и пустил надежду. Хватит ли у него теперь сил?

Они сидели на его кухне. Один — угрюмый, настороженный. Второй с деланным равнодушием разглядывал чайник с отбитой эмалью и бубен, висящий на стене, и все говорил, говорил.

— ...Вы же знаете, Петр, как птицы вцепляются в скалу.

— Знаю.

В ответ на слова пришедшего чайки, кружившие на помойке за домом, закричали согласно и коротко — раз, другой. Мелькнуло за окном рыжеватое крыло, оранжевый и блестящий, как сердолик, глаз. Петр вздрогнул. Не просто чайка — поморник, редкий гость в городе. Будто глянул в душу, проверил, подсказал — не гони. Выслушай.

— Пока они только выбирают место, чтобы усесться, их легко спугнуть. Но уж если уцепились когтями за камень, то намертво. Могут и крылом ударить, если попытаться прогнать.

— И клювом.

— Именно. Не буду тянуть. Знаю, вам не слишком нравится Черноводск. Ваш отец был большим человеком, а вы...

— Да.

Он оглядел пузырьки на столе, эмалированную кружку, почерневшую от чайного налета, дешевые трикотажные штаны, вздувшиеся пузырями над тощими старческими коленями. В его квартире пахло лекарствами и вареной картошкой, и совсем чуть-чуть — мокрыми шкурами.

— Вам оставалось только мстить. Всем известно, что погода в Черноводске всегда хуже, чем парой километров в любую сторону. Здесь почти не бывает солнца, бураны обрывают провода, а лето — промозглое и сырое. Плохое место, говорят люди. Но им все равно. Ваша месть для них — что укусы комаров.

Петр молчал. Его собеседник, неведомо как появившийся в совхозе, почтительно расспрашивавший об «отцах племени, что хорошо знают местный фольклор», не нравился ему. Дети Поморника совсем оглупели, раз дали ему адрес. Он тоже был человеком города — хитрым и слабым, его цели были непонятны, а слова — мутны. Но он знал слишком много.

— Только если вы считаете, что они уже зацепились за скалу, захватили и перекроили под себя вашу землю и ваших людей, то вы ошибаетесь. Это они лишь примерялись. Месторождения истощаются. Если не будет нефти — люди города уйдут. Они не захотят здесь жить. Плохое место...

— Знаю.

— И детям Поморника снова понадобится тот, кого слушают чайки.

— Да.

Он смотрел из-под опущенных век, как чужак, морщась, тянет из кружки пахнущую веником жижу — Петр нарочно распечатал пачку гнусного краснодарского чая, нарочно дал алюминиевую кружку, обжигающую губы. Этот пришлый знал его тайные мечты, и Петру это не нравилось, сильно не нравилось.

— Но теперь на шельфе решено ставить буровые. И если им позволить...

— Откуда вы пришли? — спросил Петр. Его собеседник недовольно повел плечами, но старик уже не мог остановиться. — Таких ботинок, как у вас, нет даже у больших начальников, и курток тоже, и ваши часы... — он ткнул в электронный циферблат, похожий на небольшое колесо от трактора. Его собеседник невольно одернул рукав. — Так откуда вы?

— Из очень большого города. Из Москвы.

— Вы думаете, я старый человек, совсем глупый? Думаете, раз я здешний — так совсем дурак? Я охотник, я умею замечать следы и различать двух мышей из одного помета. И я смотрю телевизор. Таких, как вы, нет ни в Москве, ни за границей.

Его собеседник смутился, отвел глаза, и Петра охватила злобная радость.

— А если я сейчас позвоню в милицию, что вы им расскажете? — спросил он.

— Придумаю что-нибудь. А вы так и останетесь нищим, никому не нужным пенсионером.

Петр пожал плечами. Отвращением нахлынуло волной. Что ему надо, этому человеку? Зачем он приехал, откуда?

— Вы хотите, чтобы люди города ушли из этих мест. Я хочу, чтобы разработка шельфа прекратилась.

— Почему? Вы же любите нефть, обожаете нефть... вы, любители мертвечины, которой побрезгует даже росомаха. Я видел, как люди, которые работают на буровой, обливаются ею и смеются от радости. Всем вам, городским, нужна нефть, разве не так?

— Не всем. Есть люди, которым надо это остановить. Вам не нужно знать, почему.

— Тогда зачем вы говорите все это мне?

— С кем же разговаривать, если не с исконным хозяином этих мест, — мужчина пожал плечами. Его смущение прошло, и теперь он говорил с искренним удивлением. Такая же искренность была в словах тех, кто забирал детей племени и отвозил их в интернаты, а потом отравлял городом... Но те лишь сами верили себе, а этому верили еще и чайки. Такое нельзя было не почувствовать.

— Я давно не хозяин. Мой отец был великим шаманом. А я — пенсионер. Люди города дают мне деньги и лечат мои старческие болячки.

— Но поморник говорит с вами.

Петр снова пожал плечами и кивнул. Кивнул.

ГЛАВА 4

НЕ ЗДЕСЬ И НЕ ТАМ

Наконец-то Лиза ехала домой. Рейс был дневной, но выехать пришлось рано утром. Дед долго кружил по центру города, маленькими тенистыми улочками со старыми дубами и тутовниками вдоль тротуаров, между частными домами в окружении фруктовых садов, пока не нашел нужный адрес. Нина вышла сразу, как только услышала сигнал, — все в тех же спортивных штанах, с сумкой через плечо. Лиза посмотрела, как Нина несет ее, и позавидовала, — ее рюкзак, хоть и маленький, был тяжеленным. Большую часть вещей, конечно, пришлось оставить, но зато бабушка впихнула в сумку несколько банок варенья. А ведь очень красивый свитер, который Лизе не разрешили взять с собой («Куда столько набрала? Надорвешься!») был намного легче. Лиза старалась не думать об этом — в конце концов, она точно знала, что бабушка хочет как лучше.

Наконец, дедушкин «Москвич» подкатил к аэропорту. Лиза вытянула голову — здесь через ограду было видно летное поле; небольшой самолет бежал по полосе, постепенно разгоняясь и задирая нос. Лиза узнала Ту-154 — на таком же они полетят до Москвы. Самолет оторвался от земли, серебристо сверкнул на солнце. Лиза тихо ахнула от удовольствия — на взлетающие самолеты она могла смотреть бесконечно.

Лиза любила эти ежегодные переезды — с севера на юг в начале лета, с юга на север — в конце. Она легко выдерживала перелеты и втайне гордилась тем, что ее никогда не укачивает, и что она знает, как называются самолеты. Она любила суету аэропортов; обожала вслушиваться в объявления, и даже соленая шипучая минералка, которую она в нормальной жизни не терпела, казалась ей вкуснейшим напитком, когда стюардессы разливали ее в маленькие коричневые чашечки и развозили на тележке по салону самолета. Но больше всего Лизе нравилось просто уезжать и приезжать; это странное состояние — когда ты уже не здесь, еще не там. Время вне жизни, похожее на бесконечный летний вечер в старом сквере. Особенное время. Оно давало ей чувство свободы и ожидания чего-то нового, неизвестного, но обязательно хорошего.

Единственное, чего Лиза опасалась на этот раз — что рамки-металлоискатели будут звенеть из-за воробушка, и его придется снять. Конечно, тетя Нина — не бабушка и не родители, вряд ли прицепится, но вдруг? Или расскажет дома, и мама с папой начнут расспрашивать о кулоне, просить, чтоб показала... Но рамка промолчала, не зазвенела, и Лиза, машинально прижимая руку к груди, будто пряча и так скрытый свитером кулон, проковыляла на посадку.

Лиза не знала, почему ей так не хотелось рассказывать о фигурке. Просто не хотелось — и все. Это был ее секрет. Тайна. Ее и Никиты... Никита, конечно, знал о воробушке, и Лиза была уверена, что знал больше нее. Это было обидно и нечестно — у Лизы от Никиты секретов никогда не было, а вот у Никиты... Лиза не понимала, как такое может быть — ведь она сама его придумала! Однако она чувствовала, что Никита очень многое от нее скрывает.

Например, он точно знал, что на самом деле творится в Черноводске. Знал и не говорил. Отмалчивался, когда Лиза пыталась спрашивать, и это пугало Лизу еще больше, чем оговорки бабушки и деда. Дома что-то не так, но узнать, что именно, можно только самой. Ждать подсказок неоткуда.

Лиза летела навстречу своему страху.

В аэропорту Внуково их встретил знакомый Нины. По каким-то неуловимым признакам Лиза определила, что он тоже геолог. Москва, как обычно, разочаровала: город совсем не походил на нарядные картинки из телевизора. Вдоль шоссе тянулся бесконечный, серый, скучный лес; потом появились заборы, следом — бетонные коробки домов. Это был тот же Черноводск, растянутый до бесконечности. Правда, дом, где жил знакомый Нины, слегка примирил Лизу с действительностью: целых двадцать четыре этажа, подумать только! Лиза в жизни не поднималась выше пятого, и на двадцатом ей было слегка не по себе. Из окна кухни люди внизу казались крошечными. Лизе выдали бутерброд с майонезом и огромную кружку сладкого чая; она сидела за столом вместе со взрослыми, болтала ногами и слушала. Незнакомый геолог, растерянно посмеиваясь, рассказывал что-то о танках. Лиза понимала, что танки были в центре Москвы, что это было совсем недавно и что дядечка, который сидит напротив нее, вместе с другими людьми не давал им пройти дальше. Это как-то не укладывалось в голове — ведь Лиза знала из книжек, что такое бывает только во время войны, — и она решила, что чего-то недопоняла. Она опять услышала непонятное слово «гэкэчэпэ», вспомнила ссору с Ленкой, и ей стало грустно — и одновременно радостно от того, что все это осталось позади. А взрослые тем временем уже говорили о работе, и все становилось еще непонятней. У Лизы

была куча вопросов, но она обещала вести себя хорошо, а это значит — сидеть тихо и к взрослым не приставать. Девочка вертелась на табуретке, как на иголках.

— Что такое шельф? — не выдержала она и заранее съежилась, готовая к тому, что от нее сердито отмахнутся.

Тетя Нина и ее знакомый замолкли, растерянно глядя на девочку, и переглянулись. Нина усмехнулась, достала из сумочки листок бумаги и ручку.

— Ты у нас преподаватель, ты и объясняй, — сказала она, отдавая их хозяину квартиры. Геолог шумно вздохнул и, прямо как маленький, погрыз кончик ручки. Потом он нарисовал две длинные скругленные ступеньки, одна из которых была совсем низенькая, а другая обрывалась куда-то в пустоту, и перечеркнул их волнистой горизонтальной линией.

— Это у нас море, — сказал он, указывая на линию, — эта низкая ступенька — материк, а вот эта — шельф. Это подводное продолжение материка, уже не суша, еще не океан. Понятно?

Лиза кивнула, зачарованно глядя туда, где вторая ступенька — шельф — обрывалась в океанскую глубину. Там была черная вода, там чудовищное давление сплющивает морской ил в твердую породу... там, в темноте, водятся монстры, зубастые рыбы с фонарями-приманками, висящими перед пастью, огромные кальмары со смертельными щупальцами, и, может, еще другие чудища, никому не известные, но смертельно опасные. Вот оно как, подумала Лиза, между сушей и бездной есть широкая полоса, уже подводная, но все еще принадлежащая материку. Ничейная полоса. И если ты поплывешь по ней... то, может быть, выберешься на сушу. А может — заплывешь в Марианскую впадину и сгинеешь там во тьме...

— Состав пород там такой же, как на суше, — сказала тетя Нина, — поэтому если, например, мы находим нефть

в Черноводске, то, скорее всего нефть будет и на шельфе рядом с Черноводском. Материковые месторождения мы разрабатываем давно, и они постепенно истощаются. А залежи нефти на шельфе — огромные, надо только их найти и добраться до них.

— Ты понимаешь? — спросил геолог чуть насмешливо, заметив, как постепенно расфокусировался взгляд Лизы. Она быстро кивнула и улыбнулась.

— Спасибо, — вежливо проговорила она, — кажется, я поняла.

— Вот и умница, — откликнулась тетя Нина.

Лиза болтала ногами и пила чай. Ей было очень хорошо и уютно на этой незнакомой кухне, с этими незнакомыми взрослыми. Она не понимала, почему так, и ей было слегка стыдно, — ведь бабушка с дедом лучше незнакомой тети, правда? Думать наоборот — это почти... предательство, да. Никита бы точно сказал, что это предательство, — или это он и сказал. Лиза склонила голову набок, прислушиваясь, а потом сердито тряхнула челкой и потянулась за новым бутербродом.

Снова московский аэропорт, на этот раз — Домодедово. Прохладный голос из репродукторов объявляет рейсы. От названий городов сладко захватывает дух. Магадан, Благовещенск, Чита... города дальние, незнакомые, волшебные. Хабаровск. Тетя Нина подхватывает сумку; Лиза влезает в свой рюкзачок и торопится следом. Это их рейс. Огромный Ил-62 воет турбинами. Им лететь целых восемь часов.

Высокая, очень красивая стюардесса в синем костюме поставила перед Лизой прямоугольный лоточек с курицей и рисом. Лиза не любила ни курицу, ни рис, но то — в обычной, нормальной жизни. А еда в самолете — это чуть ли

не самое вкусное из всего, что она пробовала. Лиза жадно обгладывала тощую вареную ногу, запивала сладким лимонадом. Поглядывала на часики — лететь еще долго... Повозившись в кресле, Лиза свернулась в клубок и задремала.

...Она снова была на детской площадке в парке. Осень сменилась зимой, но Никита все так же сидел на «гигантских шагах» в своей легкой красной куртке. От слегка отталкивался то одной, то другой ногой, качаясь туда-сюда, и незанятые резиновые петли болтались черными змеями. Присмотревшись, Лиза вдруг поняла, что одной не хватает — карусель была рассчитана на четыре места, но петель было только три, а вместо четвертой лишь болтался на уровне роста взрослого какой-то обрывок. Почему-то это очень напугало Лизу, так напугало, что она даже не стала подходить — стояла и смотрела на Никиту. Он пожал плечами, соскочил с карусели и медленно подошел к ней.

— Я знаю хорошее место, чтобы играть, — сказал он. — Пойдешь со мной?

Лиза невольно оглянулась туда, где еще осенью стеной стояли заросли стланика. Сейчас все было завалено снегом; сугробы выглядели ровными, почти гладкими, но Лиза знала — стоит наступить туда, и ты провалишься в кустарник, застрянешь ногами в ветках, и выбраться будет очень, очень трудно... Она вспомнила, как во время урока физкультуры — в этом же парке, только чуть дальше — упала, соскользнула с лыжни и вынуждена была снять лыжи, чтобы встать. И тут же провалилась по пояс; ногу защемило в развилке куста стланика, занесенного по макушку, и, если бы не помощь учителя физкультуры, Лиза, наверное, так и не сумела бы выбраться...

— А весной бы нашли твой труп, — подсказал Никита, и Лизу затошнило. — Ты пойдешь со мной?

— Куда? — спросила Лиза.

Вместо ответа Никита взял ее за руку и повел к выходу из парка. Получалось это у него удивительно быстро: вот они прошли здание института, вот уже идут по южной окраине города, через совхоз (Лиза почувствовала острый запах силоса, запах, который одновременно напоминал ей и о канализации, и о весне). Слева мелькнула замерзшая гладь Бурундучки; Лиза поняла, что они идут по дороге в аэропорт, но тут Никита резко свернул в сторону — и они оказались на законсервированной буровой.

— Вот это место, — сказал Никита. — Отличное место, чтобы играть.

Лиза огляделась и сердито пожала плечами. Место не казалось ей интересным; и зачем он привел ее сюда?

Никита присел на корточки перед сугробом, наметенным вокруг домика для вахты, и начал копать. Лиза еще раз пожала плечами и принялась помогать — играть, так играть. Хотя пещеру можно рыть где угодно, зачем для этого было забираться аж за город — непонятно...

— Вот интересно, — спросил Никита, энергично отбрасывая снег, — а почему за тобой приехала тетя Нина?

Лиза остановилась, поправила шапочку.

— Как это почему? — спросила она. — Тетя Нина ехала из санатория, ей было по пути...

— Почему за тобой не приехал папа? Он же собирался.

— Не знаю, — грустно ответила Лиза. — Не смог, наверное. Этот... шеф не отпустил.

— А ты спроси у тети Нины, — предложил Никита. — Интересно же.

— Ничего не интересно, — буркнула Лиза. — Скучно просто так рыть пещеру, — сказала она, отряхнула с варежек снег и отошла в сторону. Никита выглянул из уже довольно глубокой снежной норы и показал ей язык.

— Спроси, — снова сказал он. Лиза незаметно пожала плечами.

— Тетя Нина, — окликнула она, открывая глаза.

Нина отложила книжку, вопросительно взглянула на Лизу. На секунду Лизе захотелось сделать вид, что она ничего не говорила и не собиралась спрашивать. Она уже понимала, что зря послушалась Никиту, что ничего хорошего из этого не выйдет, что не вовремя заданный вопрос может разрушить что-то... что-то очень важное. Но Нина не отворачивалась, ждала. Лиза набрала побольше воздуха, как будто собиралась прыгнуть в холодную воду, и быстро проговорила:

— Тетя Нина, а почему папа или мама за мной сами не приехали?

— Потому что после развода им...

Нина запнулась и замолкла, глядя на потрясенную Лизу.

— Ты не знала, — сказала она после паузы. Голос у нее был странный, осуждающий и виноватый одновременно.

Лиза не ответила. Она чувствовала себя так, будто спускалась по лестнице — и внезапно вместо ступеньки под ногой оказалась бездна. Она ощутила, как онемело лицо. Как будто она смотрит широко раскрытыми глазами на нечто настолько ужасное, что невозможно отвести взгляд. Как будто Нина раздвинула сухие стебли полыни, а за ними оказался мертвец, разложившаяся мертвая женщина с выпущенными кишками и яркой сережкой в остатках уха. «Привет, Лиза, — говорит она, — добро пожаловать в Марианскую впадину, Лиза! Теперь это случилось с тобой!»

— Лиза? — окликнула ее Нина. Вид у нее был растерянный.

— Я хочу спать, — тихо прошептала Лиза, снова сжимаясь в комок. — Спать хочу...

— Вот и хорошо, — ответила Нина, и в ее голосе было плохо скрытое облегчение. — Поспи, конечно.

Лиза нашарила под свитером фигурку воробья, сжала в кулак. Прохладное прикосновение металла странно успокаивало. Она прикусила кулак и закрыла глаза.

— Ты ничего не можешь с этим сделать, — грустно сказал Никита. — Ничего не исправишь.

— Неправда, — мысленно ответила Лиза. — Если я буду хорошей... они помирятся, вот увидишь.

— Да им все равно, хорошая ты или плохая.

— Нет. Нет, не все равно.

Как жаль, что воображаемого друга нельзя побить, подумала Лиза. Ее охватила странная смесь возбуждения и бессилия — ее трясло, сердце колотилось, как бешеное, но при этом она не могла даже пошевелиться. «Добро пожаловать в Марианскую впадину, Лиза! — вопил мертвец, — здесь монстры, и они любят маленьких девочек! Они хотят есть!»

Лиза вспоминала прошлый июнь, когда они в последний раз летали на юг все вместе, втроем, — мама, папа и Лиза. В Черноводске еще лежал снег, а Хабаровск уже утопал в зелени, и сквер напротив аэропорта пах липкими тополевыми листьями и теплой землей. Они пошли в гостиницу рядом с аэропортом, где было две половины — мужская и женская, в огромных комнатах стояли рядами пружинные кровати и пахло сырым постельным бельем, а из репродукторов доносились объявления о регистрациях и посадках. Они сняли там три койки, а потом нашли свободную лавочку и ели пирожки с картошкой; вокруг сидели и даже лежали на газонах люди с чемоданами, солнце прыгало в листьях, а в траве ковырялись черные галки. Лизе разрешили снять куртку, и она сидела в одном тонком свитере, ощущая спиной легкий ветер и солнечное тепло. Она чувствовала себя совершенно счастливой. Вот бы всегда так сидеть, думала

она. Жевать пирожок, запивать вкусным «Дюшесом» и слушать, как хохочет папа. Смотреть, как мама иногда отбирает у него бутылку пива и делает маленький глоток. Ей хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Их рейс на Москву был только утром, времени было полно, и родители решили сводить Лизу в зоологический музей. Они долго ехали в автобусе по незнакомым улицам, расспрашивали прохожих, потом уже в темноте шли по пустынному бульвару, и шелестящие листвой деревья казались Лизе гигантскими. Таинственно светились фонари, полускрытые кронами. На маме было светлое летнее платье с кружевом у подола и бежевые туфли, губы покрашены блестящей помадой, она держала папу под руку и что-то тихо говорила ему про номера в гостинице, про скрипучие кровати. Лиза не вслушивалась в смысл и улавливала лишь интонации — мама говорила особенным, насмешливо-певучим голосом, от которого Лиза чувствовала себя смущенной, счастливой и немного одинокой: мама с папой были вместе, а она — слегка отдельно, и это было хорошо, но все-таки чуточку обидно. Она крепко держала папу за руку, то и дело спрашивала его — про музей, про Хабаровск, про самолеты, и папа отвечал, а потом снова поворачивался к маме.

Музей оказался закрыт, но в сквере перед ним был выставлен скелет кита. В обрамлении тополей, освещенный тусклыми фонарями, он казался волшебным, невозможным чудищем из сказки. Лиза зачарованно обошла его кругом, задирая голову, — скелет был гигантский, огромный, как самолет, он нависал над головой и, казалось, слегка покачивался в бархатном звездном небе. А когда она вернулась, услышала хихиканье и увидела, как мама с папой целуются в тени; она подбежала к ним, и папа подхватил ее на руки, а мама обняла их обоих...

Что же, теперь такого не будет? Никогда-никогда? Лиза не могла понять, что случилось. В их жизни что-то сломалось, и Лиза чувствовала, что, может быть, в этом виновата она. Хотелось заплакать, но сил на это не было. Лиза нашарила воробушка, привычно сжала в кулаке. «Зато я тебя никогда-никогда не брошу», — сказал Никита, и Лиза вздохнула благодарно и разочарованно.

Внутри екнуло, заложило уши, — самолет шел на посадку.

Хабаровский аэропорт гудел и жужжал, как огромный улей. Невиданные толпы пассажиров метались у касс, стояли у табло, препирались в очереди в буфет. Большая часть этих людей была из Черноводска. Когда-то Лиза узнавала земляков по неуловимой общности, что проскальзывала у каждого, — даже лица у них были чуть-чуть одинаковые, и у местных жителей, круглолицых и узкоглазых, и у тех, кто много лет назад приехал по распределению, едва закончив московский или бакинский институт. Черноводцы даже казались Лизе красивее, чем жители других городов. Теперь же обитатели Черноводска были заметны любому — группы людей в одинаковых пуховиках, куртках, спортивных костюмах. Странное явление под названием «бартер» дало Черноводску не только видеомагнитофоны и машины с правым рулем, которые застревали в снегу или глине, стоило лишь свернуть с главной улицы. В контейнерах, приходивших из Японии в обмен на нефть, была и одежда. В результате все женщины Черноводска носили пуховики, которые отличались друг друга лишь цветом (малиновый, зеленый или бежевый) и размером. Все девочки ходили в одинаковых кофтах. Все мальчишки — в одинаковых дутых куртках... В общем, жителей Черноводска было видно издали, и аэропорт Хабаровска походил сейчас на съезд близнецов.

Если бы Лиза не была так оглушена, она и сама сразу сообразила бы, что это значит.

— Нелетная погода, — пробормотала Нина, не глядя на табло. — Неделю уже, наверное...

Теперь Лиза видела, что многие расположились на манер цыган — полы главного зала были устелены какими-то тряпками, на которых сидели и лежали люди. Над всем этим табором уже витал легкий запахок давно немых тел. Места в гостинице при аэропорте закончились еще три дня назад, а уезжать в город никто не рисковал: буран мог кончиться в любой момент, и в любой момент начаться снова. Кровать и душ не стоили риска застрять еще на неделю.

— Так, Лиза, — решительно сказала Нина, — сиди здесь с сумками, мне надо позвонить.

Лиза послушно присела на чемодан — каким-то чудом клочок пола у телефонной будки был не занят, здесь никто не толкался и не наступал на ноги. Нина, поджав губы и побрякивая монетами в ладони, переминалась в очереди. Будку целиком заполнял здоровенный дядька с жирным складчатым затылком; розовая кожа просвечивала сквозь короткую белобрысую шерсть, на толстой шее блестела золотая цепь.

— Что значит, не дают? — орал он в трубку. — Что значит — аэропорт закрыт? Я здесь вторые сутки кантуюсь! Оно мне надо? Организуй! Меня не... Ты мне...

Лиза покраснела и отвернулась. Не то, чтобы она никогда не слышала мата — но этот дядька ругался как-то особенно отвратительно. Раздался грохот и жалобный звон — мужик швырнул трубку и вывалился из будки. Лицо у него было бесформенное, как пельмень, и красное. Лиза внезапно поняла, что он — копия тех здоровяков, которые провожали от

машины до квартиры отца Фатимы. Интересно, у него есть пистолет? Лиза присмотрелась, ища на толстом брюхе очертания оружия, но ничего не заметила.

— Хамы, — тихо проговорил невысокий старичок. Лиза, кажется, даже знала его — вроде бы он работал в детской поликлинике.

— Трубку не сломал? — тревожно спросила Нина.

— Гудок есть, — ответил старичок и принялся скармливать автомату монеты. Разговаривал он недолго. — Прошу, — старичок любезно распахнул дверь перед Ниной. Та царственно кивнула и вошла в будку.

— Папа, мы в Хабаровске, — услышала Лиза. — Да, с девочкой. Да, ждем. Ты... Хорошо. Что?! — Нина надолго замолчала. Повторила сухо: — Хорошо. Пока.

Повесив трубку, она какое-то время стояла, обхватив локти — пока следующий в очереди не забарабанил по стенке телефонной будке. Нина вздрогнула, будто приходя в себя, и подошла к Лизе.

— Твой папа нас встретит, ему передадут, — сказала она.

— У вас неприятности? — тихо спросила Лиза, вглядываясь в лицо Нины. Та с досадой пожала плечами, вздохнула:

— Папа у меня старенький уже. Иногда таким бывает... — она махнула рукой.

— Злым? — спросила Лиза. — Мой папа иногда бывает ужасно злым, не разрешает мне всякое или ругается сильно. Но я все равно... — голос Лизы задрожал, — все равно его очень люблю.

— Да, — вздохнула Нина и притянула девочку к себе. Взъерошила волосы. — Подстричься тебе пора, а? Хоть бы ободок носила или заколки.

— Я потеряла, — быстро сказала Лиза и отвернулась.

Холодный ветер забирался под меховую одежду, трепал волосы, выбившиеся из-под шапки, заставлял глаза слезиться — ресницы покрывались звездочками инея. Любой из людей города давно бы уже сдался, отступил, сбежал в тепло. Там бы прихлебывал горячий чай, грея ладони о стакан, приговаривая: «Ухх, ветрило, буран, чтоб его...»

— Буран, — губы человека, катящего на лыжах по снежной равнине, искривились в ухмылке. Ветер подталкивал в спину, помогал сохранять равновесие на поворотах. Это был еще не буран — так, ветер. Погода испортится позже, и тогда уже — испортится по-настоящему.

А этот ветер был свой, с детства знакомый. Петр мог бы, закрыв глаза, угадать по запаху, откуда он прилетел. Издалека ли, с океана, или примчался с юга, вдоль неровного берега, или с материка... Или из ненавистного города, с запахом бетона, песка, сдавленного человеческого дыхания и мусорных свалок.

Петр скрипнул зубами и опустил веки. Здешние места он знал наизусть, и можно было какое-то время нестись по снежной глади вслепую, не цепляясь взглядом за белые горбы сопки и угрюмое серое небо.

Из глубин зимней памяти всплыли картины прошлого.

Пронзительные крики чаек. Глухой стук бубна, попадающий в такт с ударами сердца. Огненные точки в темной синеве ночи — кедровый стланик горит искристо. Тяжело бухающее о берег море. И кружение, кружение, кружение. До одури, до вкуса крови во рту, до бессилия. Закружиться и упасть на колени перед морем, вдохнуть непослушным ртом холодного соленого воздуха, вытолкнуть из себя: «Й-эээ-ее-хх!», взмахнуть отяжелевшей рукой.

Отец поднимет и опустит костяной нож, по снегу, истоптанному в ритуальной пляске, расплывутся темные

пятна. Ешь, Поморник, ешь, рви клювом теплое мясо, глотай гладкие теплые потроха, твои дети не забыли тебя! Будь ветер, направляй волны, пусть косяки чавычи идут прямо в сети! Разгоняй тучи — пусть олени телятся в добрую погоду, чтоб молодняк не погиб в снегу, чтоб ягеля, добытого тебеневкой, было вдосталь, чтоб жирным стало молоко. Принеси случайный заморозок, чтоб стая чирков, летящих на юг, села прямо на ближнем озере... Дети Поморника будут рады, понесут шаману мясо, шкуры, самую жирную рыбу. Будут отводить взгляд от страшных разноцветных глаз, робко просить погоды, платить икрой и денежкой.

Петр открыл глаза. Вовремя, чтобы затормозить перед неожиданным препятствием — из-под снега выглядывал ржавый автомобильный остов. Уже совсем близко был город с его железной отрыжкой. С его неистребимым умением вспарывать брюхо земле и снегу. С его людьми, которые прячутся за каменными стенами и сосут черную кровь земли, людьми, которым не нужна помощь чайки.

Пальцы Петра пахли кровью и железом, и под ногтями виднелась багровая кайма. Его отец был большим человеком, а он живет в бетонной коробке на подачки, называемые пенсией, и наглые мальчишки кричат ему вслед... Ничего, еще есть время все исправить. Он щедро кормит поморника, и чайка не оставит его. Даже если он начнет просить слишком многого — поморник не откажется ему помочь. Поморник вечно голоден, и его надо кормить.

Петр поднялся на вершину сопки, повернулся лицом к невидимому отсюда морю. Медленно развел руки в стороны, закинул подбородок к небу и запел. Сначала это была одна нота, стон, будто с усилием выбирающийся из груди,

из-под ребер, из легких, в которых плескалась боль напололам с тьмой. Потом звук усилился, и ему ответили с неба и с берега пронзительные птичьи голоса. Мелодия понеслась над сопками, взлетая и опадая следом за их волнами, взмывая до облаков и ныряя в лощины, заваленные снегом.

Из темных логов стала подниматься растревоженная белая муть, крошечные вихри вмиг смешали морской ветер, снежинки и крики чаек. Петр мелко затряс ладонями. Пальцы у него задергались, будто у припадочного, спина выгнулась — казалось, вот-вот не удержится на ногах и упадет назад. Однако что-то его держало, будто с неба в грудь к нему прилетело копьё и пришпилило к берегу, изгрызенному морем. И теперь он, как утка на стреле, бьется и пытается вырваться и взлететь... Но острие держит крепко.

Шум ветра нарастал, снежные волны бежали во все стороны — как от брошенного камня. В Черноводске снова объявили штормовое предупреждение.

ГЛАВА 5

В ЖЕЛЕЗНОМ БРЮХЕ

Мелодичный удар гонга заставил Лизу подпрыгнуть. Весь аэропорт замер, затих, и даже маленькие дети, казалось, перестали плакать. Холодный и прекрасный женский голос произнес:

— Объявляется посадка...

Толпа ахнула и качнулась.

— ...на рейс... Хабаровск — Черноводск.

— Так, — сказала Нина. Она вся подобралась и походила теперь на готовую прыгнуть рысь. — Сиди здесь. Собери свои карандаши, книжки, все, — чтобы могла сразу вскочить и бежать.

У выхода на посадку уже было не протолкнуться. Там стоял рев. Лес втянутых кверху рук с билетами колыхался над сплошной людской массой, и на лице стюардессы читалось отчаяние. Толпа напирала. На помощь стюардессе уже бежал милиционер, но бежал слишком медленно; она беспомощно вскинула руки, будто сдаваясь, но тут снова ударил гонг, и объявили посадку на следующий рейс. Толпа заколебалась, разваливаясь, разбиваясь на потоки. Люди потерянно метались между выходами. Никто не знал, насколько велико окно тайфуна; никто не знал, когда придет следующий буран и сколько он продлится. Главное — любой ценой сесть в самолет. Лизу задела чемоданом. Она шарахнулась,

вжалась в угол. Сейчас она готова была прожить в аэропорту неделю — лишь не лезть в эту злобно копошащуюся людскую массу.

— Объявляется посадка...

Маленькие винтовые Ан-24, северные трудяги, способные приземлиться на крошечный аэродром, один за другим запускали моторы. Успеть, пока есть погода. Пока можно взлететь — и, главное, приземлиться...

— Объявляется посадка...

Нина появилась только через два часа — растрепанная, оскаленная. Рывкнула: «Бегом!». Лиза подхватила свою сумку, и они понеслись куда-то в сторону от пассажирских выходов, проскочили в коридор с надписью «служебный выход», вылетели на улицу. Под распахнутую куртку Лизы тут же ударил холодный ветер, она попыталась застегнуться на бегу, но Нина уже втолкнула ее в автобус. Лиза перевела дух и огляделась.

— Ой, собачка! — воскликнула она. Длинноногий дратхар с жесткой коричнево-белой шерстью поглядел на нее умными желтыми глазами. Лиза робко протянула руку — пес сдержанно шевельнул куцым хвостом и позволил почесать себе уши.

— Здравствуй, Нина, — сказал его хозяин, пожилой мужчина с выцветшими добрыми глазами.

— Здравьте, Вячеслав Иванович, — процедила та и отвернулась. Пенсионер грустно пожал плечами.

— Не приставай к девочке, Шмель, — сказал он. Пес оглянулся на него и снова подsunул мокрый розовато-коричневый нос под ладонь. Лиза радостно рассмеялась.

Двери с шипением закрылись, и автобус тронулся. Лиза оторвалась от собаки и посмотрела по сторонам. Странно — автобус уже едет через летное поле, а пассажиров всего человек пятнадцать. Кроме Вячеслава Ивановича, здесь

был давешний амбал из телефонной будки — он смотрел на остальных исподлобья, будто ждал нападения. На краешек заднего кресла присела стюардесса — вид у нее был ужасно усталый, даже измученный. На коленях она держала маленький чемоданчик. Еще человек десять, судя по их виду, были из института — Лиза решила, что они возвращаются из командировки. Автобус резко повернул, один из геологов качнулся, и Лиза увидела еще одного пассажира. Он был высокий, худощавый, в джинсах и коротком пуховике. Длинные черные волосы собраны в хвост, — Лиза тихо ахнула и чуть сдвинулась, чтобы получше рассмотреть такое диво. До сих пор мужчин с длинными волосами она видела только по телевизору и на папиных студенческих фотографиях. У хвостатого был твердый восточный профиль, щетина и удивительные живые глаза. Лиза, за лето осилившая трилогию Яна, немедленно решила, что незнакомец похож на молодого Чингисхана. Интересно, зачем он едет в Черноводск? Непроизвольно Лиза принялась выдумывать историю, в которой ей пришлось бы сталкиваться с этим человеком снова и снова... А вдруг он — новый учитель в их школе? Например, физкультуры? Вот было бы здорово... Но Лиза не успела замечтаться — ехидный и обиженный голос Никиты оборвал фантазии.

— Он в командировку едет, — сказал воображаемый друг. — Дня на три. Или вообще пилот...

— Пилоты в автобусах не ездят, они сидят в самолете, — огрызнулась Лиза. — И они в форме.

— Ну и ладно, значит, в командировку.

Лиза шумно вздохнула. Скорее всего, Никита прав. Но как было бы здорово...

Двери автобуса с шипением разошлись, и Лиза раскрыла рот от удивления. Самолет, стоящий перед ними, никак не походил на знакомый Ан-24 — разве что тоже был с винтами.

Толстый, приземистый... и никаких привычных дверец в бок. Пока Лиза хлопала глазами, пассажиры уже начали заходить в самолет — они попадали внутрь с хвоста, по широкому наклонному трапу.

— Что это за самолет такой? — спросила Лиза с ужасом и восторгом. Нина ее не услышала, зато из-за спины ответил «Чингисхан».

— Это ан двенадцать, грузопассажирский, — сказал он. — Ни разу таких не видела?

Лиза быстро оглянулась, замотала головой и почти бегом бросилась к самолету. Щеки заливала краска. Девочка догнала Нину, пристроилась к ней за спину и по грохочущему под ногами железу вошла, наконец, в самолет — как в огромную пещеру, как в брюхо невиданного зверя.

Внутри было темно и холодно; металлические стены выкрашены в темный хаки и покрыты заклепками. Никаких мягких кресел, стоящих рядами, никаких кнопок над сидениями, и иллюминаторов совсем немного. Пассажиры постепенно рассаживались на две узкие металлические лавки, которые тянулись вдоль бортов; между ними сложили багаж. Дратхаар Шмель сидел над чемоданом хозяина и нервно зевал. Его жесткая коричневая борода промокла и слиплась от слюны. Стюардесса неловко пробиралась по проходу в своих сапожках на высоких ломких каблуках; вот она склонилась над Лизой, вручила бумажный пакет и вытянула из-за ее спины ремни. Вблизи лицо стюардессы выглядело совсем уж изможденным, бледным, с темными кругами вокруг глаз; ее руки дрожали.

— Ой, я не знала, — смущенно проговорила Лиза и пристегнулась.

— Затяни потуже, — велела стюардесса. Лиза потянула за конец ремня и грустно развела руками: затянутый до упора

пояс болтался так, что в него можно было пропихнуть еще одну такую же девочку. Лиза беспомощно взглянула на стюардессу, но та уже шла дальше, раздавая пакеты и помогая найти ремни.

— Меня никогда не укачивает, — сказала Лиза, мрачно глядя на пакет. Ее действительно никогда не укачивало, но была и другая правда: вид этих серых пакетов всегда вызывал у нее тошноту; ей казалось, что она чувствует исходящий от них кисловатый теплый запах. Лиза безразлично положила пакет под сиденье и сложила руки на коленях. Перелет обещал быть скучным: в самолете было слишком темно, чтобы читать, и даже поспать не получится: уж очень эти скамьи жесткие и неудобные. А спать хотелось: Лиза уже больше суток не ложилась в кровать. Если бы она была постарше, она сообразила бы, что в отупляющей усталости есть и плюсы: девочка могла воспринимать только то, что происходило вокруг и касалось ее напрямую; ошеломляющие новости были забыты, боль утихла и затаилась... Но Лиза просто чувствовала себя усталой и сонной.

Басовое гудение моторов усилилось, в самолете стало быстро темнеть, и Лиза в восторге увидела, как пологий трап, по которому они входили в самолет, медленно поднимается, превращаясь в часть борта. Дневной свет окончательно померк; зажглись тусклые желтые лампочки. Взвыли винты; самолет дрогнул и медленно выкатился на взлетную полосу.

...Гнусно, пронзительно запищали динамики, и в салоне раздалось неразборчивое, торопливое ворчание пилота.

— Что он сказал? — спросила Лиза. Нина открыла было рот, и тут самолет тряхнуло первый раз. У Лизы клацнули зубы; она попыталась схватиться за подлокотники, забыв,

что их нет, и вцепилась в локоть Нины и колено толстого геолога, сидевшего справа.

— Тише, девочка, аккуратней, — сказал он сдавленным голосом.

— Турбулентность, — выговорила Нина, — немножко потрясет...

Самолет дернулся и ухнул вниз. Шмель громко взвизгнул и заскулил, уткнувшись мордой в колени хозяина. Сердце Лизы подскочило к горлу; захотелось закричать, и, чтоб удержаться, она вцепилась зубами в палец. Самолет выправился, но легче не стало. Его трясло и мотало, как резиновую куклу в зубах разыгравшегося терьера. Кто-то издал горловой звук и зашуршал пакетом. Самолет снова ухнул вниз, тревожно мигнули лампочки; Шмель тихо завыл, поджимая обрубок хвоста, и попытался забиться под лавку.

Теперь тошнило полсамолета. Браток — тетя Нина сказала Лизе, что так называются амбалы с золотыми цепями, и что это никак не связано ни с какими родственниками, — громко и непрерывно матерился, оттирая мерзкую жижу с черного полушубка с бараньим воротником; никто и не пытался заставить его замолчать. Лиза держалась из последних сил; она знала, что если достанет пакет, увидит эту плотную серовато-зеленую бумагу, — ее точно вырвет, и поэтому старалась не смотреть по сторонам. Ей было так страшно, что почти хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Шмель выбрался из-под сидения; теперь он стоял посреди прохода, расставив длинные лапы и низко склонив голову. Пса мучительно тошнило. Вячеслав Иванович виновато прижал руки к груди.

— Я его сутки не кормил, чтобы вот... неудобства не вышло, — сказал он.

Шмель закашлял, и его вырвало слюной и желудочным соком на чей-то рюкзак. Вячеслав Иванович позеленел

и схватился за пакет. Самолет снова швырнуло. Лиза беспомощно взмахнула руками; непреодолимая сила сорвала ее со скамьи и швырнула в проход. Лиза успела выставить ладони и всем весом обрушилась на лежащий чемодан. Обитый металлом угол воткнулся в ладонь, и Лиза взвыла от боли. Громко хрустнула крышка; замок распахнулся, и новый толчок швырнул чемодан вдоль прохода, рассыпая содержимое — упаковки каких-то таблеток. Помогая себе руками, Лиза кое-как взобралась обратно на сиденье; из глубокой царапины на ладони текла кровь. Лиза сунула пораненную руку в рот и тут же забыла о ней, изумленная тем, как отреагировала на ее падение стюардесса.

Она, теряя равновесие, бросилась к чемоданчику. Самолет тряхнуло, и стюардесса упала на четвереньки, вцепившись худыми пальцами в Лизино колено. Их глаза встретились, и губы стюардессы раздвинулись в жутком оскале. Одно мучительно длинное, кошмарное мгновение Лизе казалось, что стюардесса сейчас ударит ее. Но она лишь оттолкнулась и упала грудью на чемоданчик. Самолет выправился. Стюардесса встала на колени и принялась обеими руками сгребать лекарства обратно.

— Милая, еще пакет, — простонал кто-то.

Стюардесса прошипела что-то сквозь зубы, собирая разлетевшиеся коробки. Каблуки мешали ей; она села прямо на пол и яростно содрала с себя сапоги. Лиза увидела, как она поджимает пальцы в тонких носках, и подумала, что грязный металлический пол, наверное, страшно холодный. Стюардесса подобрала последнюю упаковку, захлопнула крышку и наконец, встала, бросив на Лизу еще один яростный взгляд.

Лиза смущенно отвела глаза. У крови был вкус соли и железа, и она никак не останавливалась. И нечего так злиться,

подумала Лиза, я же не нарочно! Попробуй удержись на этой лавке, когда так трясет, и так страшно, и так мерзко пахнет... Внезапно она наткнулась взглядом на «Чингисхана», сидевшего чуть наискосок от нее. Длинноволосого не тошнило; среди измученных и перепуганных лиц он выглядел так, будто вышел на приятную прогулку. «Чингисхан» смотрел то на стюардессу, уже бегущую к кому-то босиком и с пачкой пакетов в руках, то на ее чемоданчик. В его длинных глазах светилось живое любопытство и легкая усмешка. От удивления Лиза даже забыла про рану; кровь капнула на брюки, оставив темное пятно.

— Паке... — умоляющий голос прервался отвратительными звуками. Рядом мучительно застонала тетя Нина. Лиза услышала шуршание бумаги, уткнулась лицом в колени и закрыла уши.

Самолет все еще потряхивало, но основная зона турбулентности уже была пройдена. Над Черноводском, как ни странно, было спокойно, и теперь можно было быть уверенным, что самолет благополучно приземлится в аэропорту. Пахло табачным дымом — два или три геолога не выдержали и закурили. Никто их не останавливал — табак хоть немного перебивал запах рвоты. Стюардесса забилась в угол и обхватила себя руками. Ее трясло. Перед ней дремал на боку, вытянув ноги, измученный тряской пес; он поскуливал во сне, подрагивал лапами — то ли гнался за кем-то, то ли убегал. Глядя на него, Анне тоже хотелось заскулить. Они все видели. Пятнадцать человек видели, что она везет в Черноводск полный чемодан кодеина. Пятнадцать человек, каждый из которых достаточно пронырлив, наблюдателен и сообразителен, чтобы суметь попасть на дополнительный, нигде не указанный рейс.

Сказать Барину? Он убьет ее. Промолчать? Но как только кто-нибудь из пассажиров стукнет на нее, это дойдет до Барина, и будет еще хуже.

Анна со стоном закрыла глаза, закашлялась. Боль усиливалось; кто-то говорил ей, что во время ломки мозг начинает воспринимать любые сигналы тела как болевые. Она выдержит еще час, может, два. Потом ей нужен будет укол. Она встала, покачнувшись; с удивлением посмотрела на свои босые ноги, оглянулась. Сапоги валялись в проходе, как мертвые зверьки. У Анны не было сил надеть их; она пошла в туалет в носках.

Одна из упаковок кодеина лежала в кармане. Анна убедилась, что это не воровство — ведь Барин дает ей столько вещества, сколько надо, так что плохого в том, что она сама возьмет немножко? Она вылущила несколько таблеток, проглотила, запила из-под крана, черпая ее ладонями. Вода отдавала ржавчиной и какой-то химией, но ей было все равно. Все так же покачиваясь, она вернулась на место.

— Худо тебе? — сочувственно спросил хозяин собаки. Анна подозрительно взглянула на старика. «Да, я наркоманка, у меня ломка!» — хотелось ей завопить на весь салон, но в интонациях деда не было издевки: похоже, он спрашивал искренне. «Этот ничего не понял, — внутренне усмехнулась Анна. — Чертова девчонка, наверное, тоже. Остается еще человек двенадцать... двенадцать свидетелей».

— Умаялась, бедная, — проговорил старик. Анна кивнула.

— Да, я устала, — пробормотала она, — очень устала.

Она снова закрыла глаза. Самолет опять тряхнуло — совсем легко, будто тайфун отвесил вдогонку легкий шлепок. Лучше бы мы не долетели, подумала Анна. Никаких свидетелей... все чисто. Мысли под действием таблеток становились все легче, все медленнее. Можно ничего не говорить

Барину... Заложило уши, и Анна привычно сглотнула. Самолет заходил на посадку, и в иллюминаторы уже можно было рассмотреть сопки и буровые вышки Черноводска.

Лиза, наконец, смогла побороть тошноту и разогнуться. С удивлением посмотрела на ноющую ладонь — она и забыла, что поранилась. Кровь остановилась, но порез довольно сильно болел.

— Смотри, у тебя все лицо в крови, — сказала Нина. Она вытащила носовой платок, поклонила и принялась оттирать засохшие пятна с Лизиних щек. Она не сопротивлялась, хотя терпеть не могла, когда с ней так поступали — как будто ей три годика! Дым дешевых папирос напоминал о папином кабинете. Усталость отступила, и теперь Лиза чуть ли не подпрыгивала в нетерпении. Она чувствовала, что самолет снижается. Еще полчаса — и она увидит папу, он обязательно приедет забрать ее из аэропорта. Почему-то ее охватила уверенность, что как только они встретится — все сразу наладится, и все смутные разговоры, все предчувствия, все, сказанное Ниной, развеется, исчезнет.

— И волосы перепачкала, — вздохнула Нина. — Что я твоему папе скажу? Покажи-ка руку.

Лиза послушно протянула ладонь. Нина нахмурилась, рассматривая порез, потом махнула рукой.

— До свадьбы заживет, — сказала она. — Приедешь домой — зеленкой помажь, не забудь.

Снова загудели динамики, пилот что-то пробормотал — Лиза успела выхватить смысл. Еще двадцать минут — и они приземлятся в Черноводске. Впервые за долгое время Лиза выпрямилась и улыбнулась. Провела ладошкой по лбу, убирая волосы, оглядела салон. Хихикнула, увидев спящего Шмеля, смешно завалившегося на бок. Украдкой покосилась

на длинноволосого. Ужасно красивый, подумала она. Вот бы он оказался учителем. Или еще лучше, подружился бы с папой и приходил к ним в гости каждые выходные. Или помогал бы ему возиться с машиной в гараже, а Лиза приносила бы им чай в большом термосе...

«Чингисхан» почувствовал ее взгляд, повернул голову и вздрогнул. Его узкие глаза расширились, он подался вперед, будто хотел сейчас же подойти к девочке и сказать что-то очень важное. Лиза покраснела и поспешно отвернулась, не понимая, почему он так странно смотрит на нее — с изумлением, радостью и испугом.

Петр сидел у окна и смотрел на буран. За стеклом танцевал и бесился снег, по квартире гулял ночной сквозняк, шептал, свистел, завывал, временами начинал плакать. Как живой. На плоском равнодушном лице плясали блики от свечи — буран оборвал провода, лишил город электричества. Так им и надо. Так правильно.

Заблестели глаза, будто сверкнул в ночи сердолик на мокрой белой гальке. Вот нос, кажется, вытянулся вперед и загнулся, словно превратился в острый клюв поморника. Вот губы растянула дикая, исступленная ухмылка. Задрожал подбородок. Поплыли черты лица. А потом огонь вновь загорелся ровно — и коричневое лицо опять похоже больше не на человеческое, живое, а на бесчувственную маску.

Под маской теснились воспоминания.

Ему было тогда семь лет. Неуклюже переваливаясь и оступаясь на глинистом обрыве, он выбрался на берег и побежал вдоль пенного следа волны. Упоительно пахло водорослями и рыбой. На губах было солоно. Волосы растрепались, ветер хлестал по щекам, ноги вязли в мокром песке, но он

был безмерно счастлив. Так, что не скажешь словами и не уместишь в улыбке — только зажмуриться до синих кругов перед глазами и раскинуть широко руки, будто хочешь обнять весь мир.

Хотя можно и не весь. Ему вполне хватало багровых, облизанных морем камней, кривых листовенниц на холме, почти черных островков стланика и облачного неба. И моря с чайчыми криками. «Все это — мое», — шептал он про себя, а через несколько шагов уже и не шептал, а пел.

— Ма-й-ооо! — «о» подпрыгивало вместе с ним, билось эхом о каменный берег. Над головой кружились поморники и отвечали пронзительными, скрипучими голосами, как будто поддакивали.

Мальчик споткнулся о камень, ткнулся ладонями в мокрый песок, засмеялся. Впереди кто-то испуганно всхлипнул. Петр мгновенно подобрался, зашарил под ногами в поисках подходящего камня... Затем пригляделся и облегченно выдохнул.

Между камнями возился выброшенный на берег детеныш тюленя. Серая шкурка в черных пятнах, большие нелепые лапы и усаемая мордочка с доверчиво-испуганным выражением. Черные блестящие глаза, обведенные мокрыми кругами, и пузыри из носа. Мальчик подошел ближе. Присел. Осторожно протянул руку, готовый отдернуть ее в ту же секунду, если зверь решит кусаться. Но зверь, наоборот, довольно засопел, когда его коснулась человеческая ладонь, и завалился на бок, раскинув лапы. Мол, вот он я, весь перед тобой, чеши пузо.

Он был гораздо лучше щенков и даже взрослых собак, он щурился и шумно посапывал, шкурка на солнце блестела и переливалась, а главное — тюлень пах морем. Он выполз оттуда будто нарочно, чтобы хороший день превратился в просто отличный. Петр зажмурился от удовольствия... и будто очнулся. Его окликал отец.

Тот шел вслед за сыном — медленно, неторопливо, по-хозяйски оглядывая свои владения. Землю детей Поморника. Он приблизился к тюлененку и несколько секунд внимательно на него смотрел. Губы отца беззвучно шевелились, он наклонял голову то в одну, то в другую сторону, будто прикидывал что-то. Потом положил руку на плечо сыну:

— Пойдем.

— Но...

— Пойдем, — он крепко ухватил Петра за руку и повлек за собой. Тюлений детеныш вскинул голову и поглядел вслед людям черными блестящими глазами.

— Не оглядывайся.

— Почему?

— Это не наша добыча, — отец прижал руку к груди. Петр знал — там, под рубахой, амулеты и бусы — для разговора с духами, для защиты от зимней тьмы... И — главная фигурка — та, что связывает с Отцом племени, Поморником. — Это не наша еда.

— Еда? — Петру внезапно захотелось плакать, как девочке, но он сдерживался, кусая губы. Поморник всегда помогал своим детям, и в ответ его надо было кормить..

Одна за другой опускались на берег чайки. Позади раздался обиженный... Крик? Визг? Его быстро заглушили голоса поморников.

Мальчик крепче ухватился за руку отца и сглотнул. Перед глазами стояла усатая мордочка и лапы, загребающие мелкий песок и камушки.

ГЛАВА 6

ЗАПЕРТЫ

Черноводский аэродром в окружении сугробов походил на гигантскую суповую тарелку. Дорога к аэропорту превратилась в тоннель — снежные отвалы достигали крыши автобуса. Глядя на них, Нина тревожно поджала губы и покачала головой. «Надеюсь, дорогу в город расчистили», — пробормотала она.

Лиза ее не слышала. Прилипнув к оконному стеклу, она нетерпеливо притопывала ногой — еще пять минут... три... всего пара минут! Автобус въехал в ангар, весь залитый сумрачным зеленым светом, льющим сквозь пластиковую крышу. Довольно зашипели двери, и Лиза рванула к выходу, едва не запутавшись в поводке дратхаара — пес тоже стремился как можно быстрее выбраться на волю.

— Папа! — завопила Лиза и бросилась к ограде, за которой переминались немногочисленные встречающие. Она с хохотом прыгнула на шею отцу, чувствуя, как его сильные руки подхватывают ее, уносят вверх, и со всхлипом уткнулась лицом в колючую бороду, пахнущую табачным дымом. Все было хорошо. Все как раньше... Лиза изо всех сил обняла отца за шею.

— Ну, ну, хватит, — пробормотал, наконец, Дмитрий и поставил дочку на пол. — Как долетели, Нина?

— Ой, Дима, не спрашивай, — ответила она, закатывая глаза.

— Ну, главное, проскочили, — ответил он. — Надо поторапливаться, штормовое предупреждение опять было... Лиза, — окликнул он. Девочка заглянула в его лицо, и ее улыбка увяла: отец почему-то отвел глаза. — Заросла-то как, стричься давно пора... — пробормотал он. — Лиза, я хочу тебя познакомить кое с кем.

Он оглянулся. Только теперь Лиза заметила, что за отцовской спиной все время маячит какая-то женщина. Теперь она подошла поближе, и Лиза окинула ее подозрительным взглядом. Красивая, решила она. Черные волосы волнами и такая блестящая перламутровая помада... а красный пуховик такой же, как у Нины и у стюардессы, но смотрится совсем по-другому — талия туго обхвачена поясом, и узорчатая шаль на плечах. Да, красивая, но что-то в ней не так; Лиза поняла, что папина знакомая совсем ей не нравится. Губы женщины растягивала широкая улыбка, но густо подведенные глаза смотрели настороженно, почти зло. Она походила на дворовую кошку, что греется ранним утром на крышке люка: милое, пушистое существо, но попробуй только прикоснуться к ней — и в руку вопьются острые когти. А если ты маленькая, если ты мышь, — то все еще хуже. Тогда она будет играть с тобой, пока не заиграет насмерть...

Внезапно Лиза насупилась.

— А я вас знаю, — сказала она, — вы на институтской елке Снегурочкой были.

— Какая умная девочка! — бурно всплеснула руками женщина. — А как меня зовут, знаешь?

Лиза с досадой мотнула головой, вопросительно посмотрела на отца.

— Это Наталья, — сказал он, — моя... эммм... коллега. Я надеюсь, вы подружитесь...

Лиза мрачно кивнула; ее одолевали сомнения. Она помнила, как во время елки выбежала из зала, чтобы сходить в туалет, — и обнаружила в коридоре папу, который о чем-то шептался с этой самой Снегурочкой. Она тогда так и не добралась до кабинки — вместо этого принялась теревить отца, рассказывая о какой-то замечательной елочной игрушке, на которую он обязательно должен посмотреть, и не отставала, пока рассерженный отец не шлепнул ее. Было больно; зато эта красивая тетя перестала с ним шептаться и ушла в зал одна — пора было раздавать подарки. А теперь...

— Это ты теперь с ней жить будешь? — зло спросила Лиза. От неожиданности Дмитрий отступил на шаг, потеряв ладонью щеку.

— Какая умная девочка, — повторила Наталья, как заведенная, и Лизе захотелось ее ударить. — Какая она у тебя сообразительная, Дима!

— Папа...

— Мы с тобой попозже об этом поговорим, — быстро проговорил Дмитрий. — Я тебе все объясню, ты взрослая девочка, ты должна понять...

— Штормовое предупреждение, — буркнула всеми забытая Нина. — Застрянем.

— Ой, застрянем, пап, поехали! — с деланным беспокойством крикнула Лиза.

Она схватила сумку и почти бегом бросилась к выходу. Сзади раздался возмущенный женский вскрик.

— Лиза! — рывкнул Дмитрий. — Как тебя понимать?

Лиза обернулась. Грязное дно сумки ударило по новенькому пуховику Натальи, оставив безобразный след, который

она тщетно пыталась стереть платком. Дмитрий суетился рядом со своим платком, и лицо у него было красное.

— Извините я случайно, — протараторила Лиза и, не удержавшись, ухмыльнулась.

Большинство пассажиров уже разъехались; перед аэропортом стоял только небольшой автобус, в который торопливо грузились те, кого некому было встретить. Взрослые подошли к ним поздороваться, а Лиза побрела к отцовской желтой «Ниве», на носу которой уже вырос небольшой снежный сугроб. Подбежал Шмель, задрал ногу на колесо — Лиза фыркнула. Пес шевельнул хвостом и прислонился к ее бедру. Она рассеянно почесала его жесткую холку, глядя, как длинноволосый незнакомец ловко закидывает чемоданы в багажник. Рядом суетился маленький, с оттопыренными ушами водитель.

Лучше бы папа нас не встретил, думала Лиза. Просто не приехал бы — и сейчас они с Ниной грузились бы в автобус вместе со всеми, и можно было бы всю дорогу гладить Шмеля и смотреть на Чингисхана, а не на эту... эту... дрянь. Даже мысленно обозвать взрослую женщину было трудно — но, позволив себе это, Лиза почувствовала злобную радость. Да, дрянь! Именно так называются люди, которые появляются и все ломают...

Лиза зевнула, продувая заложенные уши, — будто она не стояла на земле, а сидела во взлетающем самолете. В голове гудело. Внезапно Лиза поняла, что на улице стало намного теплее. Когда они вышли из самолета, было ясно, и щеки пощипывал заметный морозец, а теперь небо затянуло тяжелыми тучами, тепловатый ветер бросал в лицо пригоршни мокрого, пахнущего солью снега, и никаких штормовых предупреждений не надо было, чтобы понять: на Черноводск

с моря идет буран. Тихо заскулил Шмель, выскользнул из-под Лизиной ладони и затрусил к автобусу. Девочка тревожно переступила с ноги на ногу: ну, сколько они еще будут болтать?

Наконец Дмитрий еще раз пожал все руки. Взял Наталью под руку, и, пригибаясь под усиливающимся ветром, быстро зашагал к машине. Та что-то говорила — Лиза видела, как шевелятся ее губы и хмурятся темные брови. Дмитрий виновато кивал, махал рукой.

— ...послушная девочка, просто... вот увидишь... — громко ответил отец, перекрикивая ветер, и распахнул дверцы. Лиза привычно протиснулась мимо откинутого переднего сиденья и забила в угол, стараясь не смотреть на черные локоны усевшейся впереди Натальи.

«Нива» зафыркала, и, взрывая утоптаный снег, выбралась на трассу.

Чтобы не видеть Наталью, Лиза прилипла к наполовину занесенному снегом окну. Ничего интересного за ним не было — второпях расчищенную трассу окружали снежные отвалы, загораживавшие обзор. Ветер усиливался; машина все еще шла легко, бодро выкидывая из-под колес снежные комья, но Лиза знала, что едущему следом автобусу уже приходится туго — все-таки у них был почти вездеход, на котором папа ездил на охоту и рыбалку в самые дальние и дикие места.

— Как бы нам не застрять, — тихо сказала Наталья.

— Чепуха, — ответил Дмитрий. — Доедем спокойно.

Снежные отвалы разошлись в стороны, открывая съезд с трассы. Сквозь пургу едва виднелось красивое белое здание, похожее на помещичий особняк из школьного учебника, — с колоннами у широкого крыльца и двумя низенькими флигелями по бокам. Вокруг мягкими округлыми волнами

вставали сопки; Лиза никогда не бывала в этих местах, но слышала, что чуть дальше за домом находится маленькое чистое озеро с песчаными пляжами и большой ручей, в котором водится хариус. Странное здание для Черноводска; в городе его называли «Белым домом». Неизвестно, для чего его строили изначально, но последние двадцать лет в нем помещалась психиатрическая больница — единственная на весь город.

У съезда к Белому дому сейчас стоял огромный черный джип; рядом размахивали руками, отчаянно споря, двое в бараньих полушубках. Лиза с удивлением узнала амбала из самолета; вторым был известный всему Черноводску кооператор по кличке Барин. Кооператором Барин называл себя сам; остальные называли его попросту бандитом — за глаза, конечно. Барину принадлежали оба городских коммерческих магазина, и ходили слухи, что даже старушки, продающие на рынке пресную северную клубнику, платят ему дань. Впрочем, все это было чепухой в сравнении с тоннами икры, которую Барин скупал у браконьеров и переправлял на материк. Лиза вспомнила берег нерестовой реки, где побывали браконьеры. Поросшего ягелем и брусникой берега было не видно под выпотрошенной и брошенной горбушей. Вонь. Обрывки сетей. Бессмысленно разинутые рыбы рты и мухи, кружащие над выпущенными внутренностями...

— Интересно девки пляшут, — пробормотал Дмитрий.

— Что такое? — насторожилась Нина.

— Да так, ходили слухи, — пожал плечами Дмитрий. — Вроде как больницу закроют и устроят здесь санаторий для шишек. Не верил, а, похоже, зря...

— Совсем они... — начала было говорить Наталья и взвизгнула: в лобовое стекло ударил порыв ветра, залепив его мокрым снегом; машину повело.

— Все нормально, — пробормотал Дмитрий; дворники со скрипом елозили по стеклу, с каждым движением сметая целые горсти снега. — Все нормально, не кричи.

— Сейчас будет съезд на буровую, — вмешалась Нина. — Лучше переждать.

— Я сказал — все нормально! — рявкнул Дмитрий, крепче вцепляясь в руль. — Спокойно доедем...

Наталья судорожно вздохнула и крепче вцепилась в поручень. Лиза еще глубже забилась в угол сиденья. В зеркале она видела отцовские глаза, и их выражение пугало. Буран усиливался; еще немного — и машина встанет посреди трассы, и ее начнет заносить. Или, руля вслепую, отец съедет с расчищенного участка и застрянет. Сколько придется ждать, пока буран кончится? В такую погоду они не смогут дойти до города пешком. Лиза представила, как они сидят в темноте и ждут, а снега вокруг «Нивы» все больше и больше... Они будут сидеть часами, сутками, и слушать бесконечный, сводящий с ума вой ветра. У них кончится бензин, и обогреватель выключится. У них кончится еда... Через неделю, две — буран закончится, и бульдозер сбросит машину на обочину вместе с тоннами снега — но они, все четверо, к тому времени будут уже мертвы. И, может быть, это будет не самое худшее из того, что с ними произойдет за это время...

Почему папа не понимает? «Ему очень нужно быть правым сейчас, — вмешался Никита. — Очень-очень надо. Любой ценой. Он готов убить вас всех, лишь бы быть правым, иначе он с ума сойдет». — «Не верю, — Лиза спрятала лицо в ладонях, чтобы никто не заметил мысленного разговора, — ты, Никита, совсем чушь несешь!» — «Не верь, — равнодушно ответил друг. — Вот увидишь...»

Завывая и взрывая, машина подползла к очередному съезду и двинулась дальше, мимо расчищенной от

лесотундры площадки. За завесой бурана мелькнули нефтяные качалки, похожие на призранных чудовищ с длинными шеями и тяжелыми челюстями. Крыша желтоватого общежития едва выступала из сугробов, но к входу все еще была протоптана тропинка-ущелье.

— Сворачивай! — заорала Нина. — Черт бы тебя подрал, сворачивай, угробить нас решил?

— Все нормально, не ори...

— Дима, — умоляюще проговорила Наталья, — может, правда лучше подождать? Ну, пожалуйста...

— Ты еще, — пробормотал тот, — все в порядке, говорю же...

— Тогда останови машину, — ответила Нина. — Мать твою, останови машину, я сама дойду до дежурки! Я тут не собираюсь...

Дмитрий прижал машину к обочине и остановился.

— Прошу, — желчно проговорил он. Наталья встала, чтобы освободить проход; Нина откинула сиденье, выбралась наружу и, проваливаясь в сугробы, побрела к повороту. Наталья стояла, придерживая дверцу, и не торопилась садиться обратно.

— Ну? — спросил Дмитрий. — Долго нас вымораживать будешь?

— Дима, — смущенно проговорила она, — давай переждем, а? Пожалуйста...

— Еще постоим — и точно придется. Садись давай! — Наталья медленно покачала головой. — Садись! Ты мне не веришь, что ли?

— Нет, — ответила Наталья и всхлипнула. — Нет, я верю, — торопливо поправилась она, увидев, как гнев искажает его лицо, — просто... ну... мне страшно...

— Ну и вали тогда, — пробормотал Дмитрий

— Нет, я поеду, — испуганно проговорила Наталья и быстро уселась на свое место. Дмитрий, перегнувшись через нее, захлопнул дверцу.

— Истерички, — проговорил он, — нашли время...

Дворники надрывно скрипели, не справляясь с работой; в машине уже было темно — свет попадал только через расчищенный кусочек стекла, остальное уже плотно облепил снег. Как в пещере, подумала Лиза. Как будто мы играли, рыли пещеру, — но вход обрушился, и теперь непонятно, как выбраться наружу...

Отец неподвижно сидел, уронив голову на руль.

— О ребенке подумай, — тихо сказала Наталья. — Смотри, она белая вся от ужаса.

Дмитрий поднял голову и хмуро ухмыльнулся:

— Ты вроде говорила, что видеть ее не можешь? Что она маленькая невоспитанная дрянь? Скорей бы, говорила, сдать с рук на руки и больше не встречаться? А теперь хочешь с ней весело время провести на буровой?

Наталья порозовела и отвернулась, машинально отряхивая испачканный пуховик.

— Я не боюсь ехать, — проговорила Лиза. — Пап, давай дальше поедem, я домой хочу...

Застрять было страшно, но пережидать буран — еще страшнее: теперь Лизе казалось, что Никита прав и папа действительно вот-вот сойдет с ума. Не удержавшись, она всхлипнула.

— Чего сопли развела? — заорал Дмитрий и в ярости грохнул ладонями по рулю. — Ладно, давай, вылезай! Будем здесь сидеть до посинения!

Наталья, пожав плечами, торопливо выскочила из машины, откинула сиденье. Лиза выбралась наружу и тут же пошатнулась под порывом ветра. Пригибаясь и проваливаясь, они побрели по следам Нины. Лизе приходилось изо всех сил

цепляться за руку отца — иначе она не смогла бы сделать ни шагу; она ослепла и оглохла, и когда ветер внезапно стих — от неожиданности потеряла равновесие и села в сугроб.

Общежитие нефтяников стояло в низине, и к нему вел настоящий ров глубиной больше человеческого роста — но настолько узкий, что Дмитрий задевал стены плечами. Кое-где виднелись следы лопаты; однако тропу уже начало заносить — даже следы Нины были присыпаны снегом. Крыльцо тоже было занесено; зато вдоль стен дома шла узкая, сантиметров в тридцать, полоса почти голой земли — кое-где даже пробивались сухие травинки. Это была зона затишья, почти недоступная снегу и ветру — такие же ущелья вдоль стен домов позволяли черноводским детям гулять даже в самую плохую погоду. Лиза стерла с ресниц налипшие снежинки и моргнула. Под тонким налетом поземки проступали темные пятна — снег в этих местах просел, будто на него пролили что-то горячее. Горячее и темное. От пятен куда-то за дом тянулись две длинные борозды.

— Что ты замерла? — недовольно спросила Наталья и подтолкнула Лизу вперед, ко входу. Дмитрий уже барабанил в дверь кулаком. Ждать пришлось недолго — на пороге появилась Нина.

— Давайте скорее, — проговорила она, пятась в тамбур между двойными дверями.

Перед тем, как войти, Лиза оглянулась. Порыв снега на мгновение отбросил снежную пелену, открыв вид на буровую; и девочке показалось, что железные чудища-качалки довольно кивают головами.

В доме пахло старым табачным дымом, потом, несвежими носками. Еще пахло тушенкой и чуть-чуть — нефтью. Воздух был спертый, какой-то застоявшийся, — будто в доме

давно уже никто не жил. Гаснущий дневной свет едва попадал в коридор сквозь длинные узкие окошки, расположенные под самым потолком, — снаружи их загораживали сугробы. Тусклая голая лампочка, включенная Ниной, света не добавляла — лишь придавала унылый желтоватый оттенок выкрашенным масляной краской стенам и дощатому полу. Вешалка у входа оседала под тяжестью ватников, драных тулупов и синих комбинезонов в пятнах мазута; под ней в кучу были свалены огромные валенки, в каждый из которых Лиза поместилась бы целиком. Маленькая кладовка — папа называл такие темнушками — была приоткрыта; в ней виднелись лыжи, ящики с инструментами, какие-то невнятные тряпки. Рядом висел ободранный телефон. Наталья с заранее скептическим лицом сняла трубку, послушала пару секунд и, пожав плечами, повесила ее на место.

— Не работает, — утвердительно произнесла Нина.

— Естественно, — откликнулась Наталья и задумчиво прикусила губу.

— В дежурке должна быть рация... — задумчиво проговорила Нина.

— Ну и что? — хмыкнул Дмитрий.

Наталья снова пожала плечами. Смысла пробираться в вагончик у качалок и связываться с кем-то по рации не было: в доме им ничего не грозит, а по трассе сейчас никому не пробиться. Лиза поглядела на телефон и вздохнула. Хорошо было бы, конечно, позвонить маме — она наверняка волнуется... но ничего не поделаешь.

Они огляделись. В коридор выходило около десятка комнат, и еще две двери находились с торцов, — левая вела на кухню, правая — в туалет и душевую. Одна из комнат была приоткрыта — сквозь проем виднелась незастеленная койка, наполовину заваленная каким-то тяжелым, темным тряпьем.

— Повезло нам, — сказала Нина, пока все выбирались из шарфов и пуховиков, — генератор включен, отопление работает. Я боялась, что вахтовики поселились в дежурке — месторождение-то законсервировано давно, сидят тут по двое...

— А где они, кстати? — спросил Дмитрий, озираясь. — Поздороваться бы с хозяевами.

Нина пожала плечами.

— Никого, — сказала она, — странно...

— В дежурке? — Дмитрий взглянул на окно, будто и правда, мог увидеть в него вагончик рядом с качалками.

— Света в окне не было, — сказала Наталья, — я видела.

— Странно, — повторил Дмитрий. С кухни донеслось шипение, и все вздрогнули от неожиданности.

— Чайник, — нервно усмехнулась Нина. — Я успела поставить.

Кухня была такой же неудобной, как и коридор. Было видно, что ее пытаются содержать хоть в каком-то порядке, — но получается плохо; руки тех, кто пытался здесь прибраться, явно были привычны совсем к другим делам. Большой стол покрывали газеты, на которых виднелись круги от стаканов. Сахарницу с отбитым краем покрывали липкие потеки. У раковины — корзина с эмалированными кружками и приборами. В отдельном ящике — груда ножей: от бессмысленных здесь столовых и мелких складных — до охотничьих, с опасно изогнутыми лезвиями и зазубринами у потемневших рукояток.

Нина с сомнением понюхала заварочный чайник. Дмитрий выдвинул табуретку; по полу загрохотало, и из-под стола выкатилась пустая водочная бутылка. Трое взрослых проследили ее взглядом.

— Может, они в город за добавкой умотали? — высказала Наталья общую мысль.

— Что, оба?

Наталья пожала плечами. Все смотрели на бутылку, будто именно в ней кроется разгадка исчезновения дежурных. Никто не говорил ни слова, но Лизе вдруг стало понятно: то, что на буровой, пусть и законсервированной, нет ни единого человека, — не просто странно. Это значит — случилось что-то нехорошее.

Пятна у входа.

— Пап, там на крыльце...

Под новым порыв ветра загрохотало окно, и Лиза замолчала. Что будет, если она скажет, что видела на крыльце кровь? Наверное, тогда папе придется выходить наружу. В лучшем случае она ошиблась и темные пятна в снегу — это следы солярки или машинного масла. А в худшем... Отцу придется идти в буран и искать неведомо кого...

— Так что у входа? — спросил Дмитрий.

— Ничего, — прошептала она.

— Ты есть хочешь? — вмешалась Наталья. Лиза замотала головой. Спать хотелось так, что, казалось, даже жевать нет сил.

— Иди-ка ты тогда спать. Топай в любую комнату и ложись.

— Хорошо...

Лиза встала, пошатываясь, и широко зевнула. Глаза слипались, и, когда девочка вышла в коридор, ее качало, как пьяную. Но дойти до комнаты она не успела — стоило выйти из кухни, как в дверь загрохотали в несколько кулаков.

Коридор наполнился гулом голосов и топотом множества ног, — приехавшие сбивали с обуви остатки снега, шумно встряхивали куртки. Выскочив из кухни, Лиза с мимолетным удивлением узнала пассажиров самолета. Не надо долго

думать, чтобы сообразить: раз уж им пришлось остановиться, то аэропортовому «пазику» тем более никак не пробиться в город. Удивительнее оказалось появление братков. Оба были взмыленные — похоже, им пришлось довольно долго брести по сугробам. Недовольные физиономии заливал багрянец — присмотревшись, Лиза решила, что красные они, скорее от злости, а не от ветра со снегом. У приезжего был такой вид, будто он вот-вот лопнет от ярости. Хихикнув про себя, Лиза отвернулась, ища глазами Чингисхана.

В ладонь сунулся мокрый и холодный собачий нос. Вильнув хвостом, Шмель энергично отряхнулся, обрызгав Лизу с головы до ног — та едва успела прикрыть лицо — и громко чихнул.

— Ну, Дима, буду помирать — пса вам отдам, — засмеялся Вячеслав Иванович. — Он в твою дочку прямо влюбился с первого взгляда.

Дмитрий неловко улыбнулся в ответ, кивнул. Один из геологов, маленький, круглолицый, с такими же, как у Нины, хитрыми узкими глазами, устремился к нему, затряс руку.

— Слава богу, — воскликнул он, — я боялся, что ты попробуешь пробиться дальше.

— Ты что, Лешка, я, по-твоему, совсем дурак? — усмехнулся Дмитрий. Подошла Наталья, взяла его под руку.

— Хорошо, что меня не послушал, — сказала она, — я-то не поняла сначала, что дело серьезное, просила дальше ехать...

Лешка недоверчиво хмыкнул и принялся отряхивать гигантскую меховую шапку.

— На «Ниве» можно было попытаться, — пробормотал он. — А у Барина-то японец... — Лешка ухмыльнулся и перешел на шепот, — завяз намертво. Джип, как же! Они там друг друга чуть не поубивали рядом с этим джипом...

Наталья все висла на руке Дмитрия, прижималась к нему боком. Насупившись, Лиза подошла к отцу с другой стороны и подергала его за рукав.

— Пап, а ты меня спать уложишь? — спросила она.

— Ну что ты как маленькая, — засмеялся Дмитрий, — сама не можешь?

— Ну, пап...

Дмитрий переглянулся с Натальей и с досадой пожал плечами.

В комнате стояли две койки, застеленные шерстяными одеялами; на таком же высоком, как в коридоре, окошке нелепо висел клочок серого от старости тюля. Дмитрий заглянул в тумбочку, в шкаф, пожал плечами.

— Не знаю, где постельное белье, — сказал он.

— Я так...

Лиза с наслаждением скинула сапожки и забралась на кровать; Дмитрий, все еще досадливо морщась, присел рядом. От колючего одеяла пахло пылью. Лиза подложила ладонь под щеку, а другую руку подсунула под отцовскую ладонь.

— Ну что тебе, сказку? — насмешливо спросил Дмитрий. Лиза покачала головой, вздохнула.

— Ты больше не любишь маму? — спросила она.

Дмитрий мрачно вздохнул.

— Лиза, ты должна понять, — сказал он, — иногда люди... ну, расходятся... понимаешь...

— А меня? — перебила Лиза.

— Что?

— Меня ты любишь?

— Конечно! Перестань спрашивать глупости!

Лиза вздохнула.

— А кого больше — меня или... ее?

— Я вас по-разному люблю, — буркнул Дмитрий, — ты уже большая девочка и должна это сама понимать.

— Я понимаю, — уныло кивнула Лиза, стараясь не заплакать. — Просто я так скучала по тебе и по маме, а теперь ты от нас уходишь, так нечестно, пап! Давай ты останешься? Давай ты останешься с нами, папа, ну пожалуйста, она же плохая...

Она говорила все громче и быстрее, голос дрожал от слез; сама того не замечая, Лиза уже почти кричала.

— Прекрати орать, — прошипел Дмитрий, оглядываясь на дверь, — тебе не стыдно? Что про тебя подумают?

— Она... дрянь! — выкрикнула Лиза.

— Еще одно слово, и я тебя выпорю.

Лиза медленно покачала головой. Что-то рушилось у нее внутри; с гудением лопались какие-то перетянутые струны, и поток гнева разбухал, готовый снести все на своем пути.

— Она дрянь, дрянь! — выкрикнула Лиза. — Знаешь, кто она? — Лиза уже визжала, зажмурившись и до боли сжимая кулаки. — Она... сука, вот кто! Чтоб она сдохла!

Она опустошенно замолчала и открыла глаза, дыша часто, как запаленная. Такого она не говорила еще никогда. Такого она даже про Ленку не могла подумать... В ушах звенело. От слез все плыло перед глазами, и окаменевшее лицо отца казалось белым пятном.

Скрипнула дверь, и они, одновременно вздрогнув, обернулись на звук. В проеме мелькнула серая шерстяная юбка Натальи. Дмитрий хрипло перевел дух. Несколько секунд он смотрел на Лизу, не отрываясь, а потом неторопливо поднял руку — и щеку девочки ожгло ударом. Лиза в ужасе отшатнулась.

— Папа...

Дмитрий, не оглядываясь, грохнул дверью. Медленно, как во сне, Лиза опустилась на кровать. «Наташенька, ну куда ты собралась, покури на кухне», — донесся из коридора голос отца. «Надо проветриться... успокоюсь немножко и приду, не переживай». «Прости, она совсем не это хотела сказать! Просто устала очень, вот и капризничает... Вот увидишь, выпитая и сама прибежит извиняться, она же хорошая девочка!» Из коридора донесся зевок. «Ты сам еле на ногах стоишь, — слышался голос Натальи, — иди, подремли... а я перекурю, чаю выпью и приду». «Ладно»... Лиза подняла голову, ожидая, что сейчас отец войдет, чтобы устроиться на соседней койке, может, даже заговорит с ней, — но вместо этого лишь услышала, как хлопнула дверь в соседнюю комнату.

Лиза свернулась в клубок, зарываясь под одеяло, как загнанный в нору зверек. В стены с воем и грохотом бился буран, пытаясь добраться до горстки запертых среди сопки людей. Последним, что Лиза услышала перед тем, как заснуть, — скрип двери и тихий женский вскрик, а потом — drobный стук, будто от упавших на пол лыжных палок.

ГЛАВА 7

ПОИСК И НАХОДКИ

Лиза проснулась, как от толчка. Во сне Никита пытался объяснить ей что-то про отца, что-то очень важное, но настолько страшное, что Лиза не могла этого выдержать. Чтобы не слышать его, она зажала уши руками, и тогда Никита схватил ее за локти, стремясь силой убрать руки от головы. У него были неподвижные глаза, а изо рта воняло, как из сломанного холодильника. «Ты должна меня послушать», — сказал он, но Лиза изо всех сил оттолкнула его обеими руками. Никита упал, запутавшись в ветвях стланика; к волосам, склеенным смолой в серый колтун, прилипла хвоя. Гнилая черная ветка придавила ему горло, он захрипел, и Лиза вдруг поняла, что это не ветка, а кусок резиновой ленты, сорванной с «гигантских шагов»... Никита забился и замер, вытянувшись в ветвях. Лиза бросилась его тормошить, но Никита не шевелился, и она поняла, что он умер. Она попятилась; слезы подступили к глазам; и тогда Никита открыл блестящие, как новые монетки, глаза и сказал: «Все из-за тебя».

— Неправда! — крикнула Лиза и села на кровати.

Сердце билось, как сумасшедшее, свитер промок от пота, и Лизу охватил озноб. В комнате было темно и пусто; за заснеженным окном в черноте по-прежнему выл буря. Особенно сильный порыв ветра грохнул об стену. Лиза

вздрагнула и тихо всхлипнула от страха. Ей показалось, что она одна во всем доме: все уехали в город, а ее забыли... или оставили нарочно, за то, что она так плохо себя вела. Или ни за что, просто так, потому что она никому не нужна... Едва дыша, Лиза сползла с кровати. Ей хотелось закричать, звать отца, маму, Нину, хоть кого-нибудь, но от ужаса она не могла издать ни звука.

Наощупь натянув сапожки, Лиза выглянула в безлюдный коридор. У входа по-прежнему висела груда одежды; Лиза узнала пуховик Нины, отцовскую куртку, и страх отступил. Никто никуда не уехал, это глупость — думать, что ее могли оставить одну. Где-то шипела сковорода. Потянув носом, Лиза учуяла запах разогретой тушенки и двинулась к кухне, стараясь ступать как можно тише. За одной из дверей кто-то громко всхрапнул, и Лиза вздрогнула от неожиданности.

У плиты колдовал длинноволосый. Увидев его, Лиза застыла, не зная, войти ей или сбежать. Она уже хотела тихо исчезнуть, когда длинноволосый оглянулся и кивнул.

— Заходи, не стесняйся, — сказал он. Лиза неуверенно подошла к столу и присела на краешек табуретки. Газета на столе вся была в крошках и пятнах от кружек, по заголовку — «Черноводский нефтяник» — расплывалось большое коричневое пятно: видимо, кто-то пролил чай. Очертания пятна напоминали динозавра с тяжелыми челюстями — или нефтяную качалку.

— А где все? — робко спросила Лиза.

— Разбрелись по комнатам и спят. Час ночи все-таки.

— А вы, почему не спите?

— А я сова.

Длинноволосый помешал в сковороде, поглядывая на девочку.

— Тебя зовут Лиза, я знаю. А меня — Тимур, — он поймал вопросительный взгляд и добавил: — Я не учитель, так что обойдемся без отчества. Просто Тимур.

— Темучин, — выпалила Лиза.

Тимур рассмеялся.

— А ты много читаешь, да? Тимур тоже был крутой, не огорчайся.

Лиза застенчиво улыбнулась.

— Есть хочешь?

— Ужасно!

Лиза сглотнула. Только сейчас она сообразила, что последний раз она ела в Хабаровске — сжевала принесенный Ниной пирожок из буфета. В желудке заурчало, и запах тушенки показался ей самым прекрасным ароматом в мире.

Тимур нырнул в небольшую дверь в торце кухни. Мелькнули стеллажи, уставленные консервами и пакетами, — очевидно, это был склад. Хлопнула дверца холодильника, и Тимур появился, прижимая к груди полдюжину яиц.

— А вы в командировку приехали? — спросила Лиза, глядя, как он ловко разбивает яйца в сковороду. Скрестила под столом пальцы: хоть бы нет! Но Тимур кивнул.

— Жаль...

Тимур поставил на газету сковородку и вручил девочке вилку; другую он взял себе. Лиза очень старалась не торопиться, ведь это было бы невежливо, — но яичница с тушенкой исчезала с удивительной быстротой. Увлечшись едой, Лиза не замечала, что Тимур не столько ест, сколько рассматривает ее.

На вид — самая обычная девочка, думал Тимур, разве что совсем измученная долгой дорогой — вон, даже синие круги под глазами появились. Что-то от лисички в чертах лица — видимо, ее предки жили на юге России, там это довольно

распространенный типаж. Симпатичная и довольно умненькая. И, наверное, очень упрямая, — иначе родители давным-давно бы ее подстригли, не в силах терпеть такое безобразие: отросшую до носа челку, за которой девочка упорно прятала разноцветные глаза. Или они все знают? Вряд ли, судя по всему, Лизин отец вообще плохо понимает сейчас, на каком свете находится, — и девочка прячется в первую очередь от взрослых.

Тимур не верил в слепую удачу. А вот в совпадения — верил, с тех пор как провалил одно из своих первых дел, погнавшись за носителем редкой, но вовсе не уникальной генетической мутации, — в то время как тот, кто был ему нужен, улизнул из-под носа. С тех пор Тимур стал осторожнее и в омут с головой не бросался, всегда держа в уме несколько вариантов. Девочка с разноцветными глазами, так удачно встреченная в самолете, могла вообще ничего не знать о предметах...

...Заказчик с грохотом захлопнул дверцу сейфа — пламя камина бросило блик на стальную дверцу, которую тут же скрыла картина в тяжелой раме. Старик повернулся и бросил на колени Тимуру прозрачный конверт. Внутри лежала пожелтевшая от старости гравюра — Тимур с первого взгляда узнал знакомые, чуть граненые очертания; гравюру удалось даже передать холодный серебристый блеск. А вот сам предмет был незнаком. Тимур аккуратно отложил гравюру на журнальный столик, откинулся на спинку кресла и впросительном взгляде на заказчика.

— Медуза, — сказал тот. — Очень, очень неприятный предмет. Вызывает полный паралич воли. Есть версия, что сейчас находится на территории Союза, хотя гарантий, сам понимаешь, никаких... Здесь все, что мы знаем, — он добавил к гравюре тонкую папку.

— М-да, — пробормотал Тимур, двумя пальцами приподнял рисунок и снова всмотрелся в очертания предмета. — Последний установленный владелец?

Заказчик нехорошо ухмыльнулся.

— Джек-Потрошитель, — сказал он.

Тимур присвистнул. Джек-Потрошитель... понятно, почему жертвы не сопротивлялись. Неприятный предмет? Умеют же некоторые смягчать выражения! Тимур покосился на заказчика. Тот с каменным лицом шуровал кочергой в камине. А зачем вам? Зачем вам этот предмет, хотел спросить Тимур, — но прикусил язык. Такие вопросы заказчикам не задают. Из-за таких вопросов можно не только работы лишиться...

— Гонорар?

— Вдвое от обычного.

Тимур скептически хмыкнул.

Едва начав изучать дело, он пожалел, что не потребовал больше. След, что тянулся за медузой, вызывал ужас и омерзение даже у него, человека много повидавшего. Тимур погрузился в бесконечные криминальные сводки. Информация по Черноводску попала к нему далеко не сразу. События в далеком городке, запертом между сопками и морем, заметно отличались от того, что происходило в Лондоне, но Тимур сразу понял: в этом что-то есть.

Убийства в Черноводске начались едва ли не в год его основания и продолжались по нарастающей. Задушенные и выпотрошенные собаки. Задушенные и выпотрошенные женщины. Дети. Чаще всего — дети. Тела, до неузнаваемости обглоданные чайками. Одно ритуальное убийство в три-четыре года в тридцатые — и полтора десятка убитых за один только девяностый... и это не считая тех, кто пропал без вести. Регулярно кого-то ловили, кому-то давали высшую

меру или пожизненно запирали на принудительное лечение, — на какое-то время все затихало, но потом начиналось снова.

Тимур еще сомневался, но его интуиция, необъяснимый нюх на предметы, благодаря которым он и получил свою странную работу, подсказывал: оно. За этими, бессмысленными на первый взгляд, убийствами скрывается человек, сжимающий в руке маленькую серебристую фигурку. На другой день Тимур вылетел в Хабаровск.

...Лиза, наконец, заметила пристальный взгляд Тимура и смущенно отложила вилку. Стук железа в тишине спящего общежития показался ей оглушительным.

— Спасибо, — пробормотала она.

Тимур ей нравился. Чем-то неуловимым он отличался от большинства взрослых, с которыми была знакома Лиза. Почему-то казалось, что ему можно было бы рассказать про Никиту; что он не стал бы требовать, чтобы она подарила фигурку воробушка Ленке; не нудил бы «ты же взрослая», чтобы заставить ее сидеть тихо.

А еще Тимур был красивый. Рассматривать его прямо Лиза стеснялась и лишь изредка бросала быстрые взгляды исподлобья. Тушенка давно была съедена, и на кухне повисло немного смущенное, но дружелюбное молчание. Лиза рассеянно вслушивалась в звуки, наполняющие общежитие. Чей-то храп. Капанье воды. Свист ветра на улице и едва уловимый гул сквозняков. Иногда особенно сильный порыв заставлял вздрагивать двери, и они хлопали, будто кто-то бродил из комнаты в комнату. Это всего лишь ветер, думала Лиза, всего лишь затянувшийся буран — один из многих, обрушивающихся на Черноводск каждую зиму. Всего лишь ветер.

За стеной тихо, настойчиво скулил пес. Заскрипели пружины койки, и хриплый со сна голос Вячеслава Ивановича произнес:

— Тише, Шмель, тише... ну что пристал?

Скулеж стал громче. Старик завздохал; скрипнула дверь, и из коридора слышалась возня. Нетерпеливо зацокали по доскам собачьи когти; кто-то всхрапнул особенно громко, и Лиза тихо рассмеялась. «Вот приспичило тебе, как же не вовремя», — пробормотал Вячеслав Иванович, и по кухне пробежал порыв холодного ветра.

— Гулять пошли... — проговорила Лиза.

Тимур кивнул, размышляя, как бы половчее разузнать о предмете. Конечно, девочка не может быть убийцей, это исключено; но она может знать что-то, и главная задача сейчас — не спугнуть ее. Тимуру редко приходилось сталкиваться с детьми, и он не знал, с какой стороны лучше начать разговор, как поступить, чтобы девочка не замкнулась. К опасениям усложнить себе работу примешивалась еще и обычная человеческая жалость: перед тем, как все разбрелись по кроватям, Тимур вдоволь наслушался сплетен о романе Дмитрия с Натальей и вызванном им разводе. О скорой свадьбе говорили, как о деле решенном. Да, девочке придется нелегко, и надо бы с ней как-нибудь помягче.

Тимур уже открыл рот, чтобы сказать что-то непринужденное о ее разноцветных глазах, когда с улицы донесся бешеный лай, тут же перешедший в низкий хриплый вой. Тимур вскочил, невольно взяв Лизу за плечо и отодвинув за себя. Они замерли, прислушиваясь. Некоторое время был слышен лишь вой. Потом грохнула входная дверь; ветер взревел, будто пытаясь перекричать отчаянный собачий плач.

— Что...

— Сиди здесь, — бросил Тимур и кинулся к выходу.

Далеко убежать он не успел, уже в кухонных дверях наткнувшись на Вячеслава Ивановича и едва не сбив его с ног. Увидев старика, Лиза испуганно вскрикнула: он был расхристан, из-под распахнутого тулупа неопрятно лез развязанный шарф и полы клетчатой байковой рубашки, а перекошенное, поросшее щетиной лицо было серым, будто присыпанным пылью. Запавший распахнутый рот походил на черный провал; нижняя челюсть прыгала от ужаса — старик пытался что-то сказать, но не мог. С улицы снова донесся вой Шмеля. Тимур взял старика под локоть, и Вячеслав Иванович с неожиданной силой вцепился в его руку.

— Идем со мной, сынок, — прохрипел он, — идем, поможешь...

Тимур заторопился к выходу. Вячеслав Иванович, пошатываясь, зашаркал следом; на пороге он обернулся к Лизе и прошептал:

— А ты, девочка, здесь посиди, тебе не надо... Не надо тебе на такое смотреть...

Лиза, прикусив кулак, опустилась на табуретку. Коридор постепенно наполнялся шумом — разбуженные люди выглядывали из комнат, тревожно спрашивая друг друга, что случилось. Лиза беспокойно склонила голову набок, вслушиваясь. Вот заскрипела дверь; тяжелые шаги, шорох, будто сквозь тамбур протаскивают что-то тяжелое. Придушенно взвизгнула женщина, и гул голосов стих; в мертвой тишине стало слышно, как капает из не докрученного крана. Потом голос братка сдавленно проговорил:

— Что за беспредел...

Лиза приподнялась, чувствуя, как волосы на затылке становятся дыбом, и тут тишина взорвалась диким криком.

— Папа! — взвизгнула Лиза и пулей выскочила из кухни.

— Наташенька! — это был не крик даже, а вой, вопль существа, раздираемого на части отчаянием. Лиза с разбегу уткнулась в чью-то спину, нырнула под руку, упала, поскользнувшись на мокром грязном полу; на четвереньках побежала сквозь лес ног. Почему все молчат, думала она, почему он кричит, а все молчат...

— Наташенька...

Наконец Лиза ужом вывернулась из-под ног на пустой пяточок пола, где лежало нечто — длинное, темное, неважное, — Лиза не видела ничего, кроме стоящего на коленях отца. Дмитрий, зажмурившись, мерно раскачивал головой, и это было так страшно, что Лиза готова была ударить его, лишь бы он перестал.

— Куда... — окликнул кто-то; Лиза не оглянулась. Она схватила отца за плечо, заглянула в смятое, как газетный лист, лицо, затеребила рукав.

— Папа, что ты, па...

Дмитрий внезапно широко, как сова, распахнул глаза, и Лиза испуганно отшатнулась.

— Посмотри, — сказал он почти спокойно.

И Лиза посмотрела.

Накрашенные глаза Натальи были выпучены; на ресницах еще лежал снег, но по щеке стекал тонкий ручеек потекшей туши; мокрое лицо покрывали снежные островки, и снег лежал в широко раззявленном рту. Красивая шаль была обмотана вокруг горла туго, очень туго... так туго, что ее край вдавился в шею. Лиза перевела взгляд ниже и почувствовала, как знакомо немеет кончик носа. Кто-то выпустил Наталье кишки; заиндевелые петли отливали перламутром, и везде, везде лежали комочки быстро тающего снега...

«Девчонки, идем на мертвеца смотреть?»

«Что вы тут делаете?»

«Атас!»

Что, если я сейчас начну смеяться, подумала Лиза, начну смеяться и не смогу остановиться... Волосы на ее затылке зашевелились.

Дмитрий встал на ноги, склонился над Лизой, глядя сверху вниз и мерно покачиваясь.

— Посмотри, — повторил он, и голос дал петуха. — Полюбуйся, что ты натворила!

Петр с шелестом перевернул страницу местной газеты, мрачно ухмыльнулся — установка еще одной платформы сорвана из-за шторма. Было слышно, как в коридоре тихо капает вода — не хватило сил отряхнуть от снега куртку и лыжи, когда вернулся домой. Едва сумел вернуться домой...

Ему пришлось залечь в ложбину между сугробами, чтобы отдышаться. Буран над головой хлопал в ладони, щедро разбрасывался колючими вихрями, жгучими пощечинами ветра, швырял пригоршнями белую крупу. Пальцы, несмотря на две пары варежек, сводило от холода. Так бывало в детстве, когда зимнее, еще не замерзшее море почему-то непременно требовалось зачерпнуть голыми руками, попытаться поймать изумрудную волну, а потом шипеть и приплясывать, дуя на покрасневшие ладони. От пальцев холод поднимался выше, скользил по венам до локтей, цеплялся за плечи, бился в подреберье тяжелым комком. Амулет жег кожу на груди, дрожал в такт заходящему сердцу, но не согревал.

Петр чувствовал, что буран уже взял его в ледяную пасть и пока лишь пробует на вкус, но скоро начнет пережевывать. Это тоже была бы жертва. Пожалуй, справедливая жертва. Но прежде надо накормить Поморника. До отвала, до кровавой отрыжки. Чем сильнее Поморник, тем страшнее тайфун.

Чем дольше будет продолжаться буран, тем больше еды получит птица. Кольцо смерти, замыкающееся само на себя.

Он сумел вернуться домой, в свое постыдное убежище посреди города, но знал, что смертельно ослаб. Годы и годы он просил у Поморника слишком многого, но с тех пор, как к нему явился человек, ненавидящий шельф, — стал требовать еще больше. Птица голодна, очень голодна, и тюленьятиной ее давно уже не прокормить. Хорошо, что есть, кому помочь. Хорошо, что есть кому, кроме Петра, приготовить угощение для чаек.

Этой ночью Поморник получит вдоволь пищи.

Петр прикрыл глаза. Перед веками поплыли отяжелевшие от еды чайки. Он собрался с силами и снова сжал фигурку из серебристого металла, которую веками передавали друг другу местные шаманы. Запел тихо-тихо, загудел под нос — не надо людям знать, что их сосед еще помнит древние слова. Буран будет продолжаться, а поморник есть, — пока проклятый город не снесет в море, пока шторм не разметает буровые платформы, пока снег не погребет сами воспоминания о Черноводске. Пока глупые дети Поморника не поймут, что погибли без человека, умеющего просить милости у чаек.

Сегодня Поморник наестся до отвала — и шторм, который обрушится на город, будут вспоминать веками.

ГЛАВА 8

СНЕГУРОЧКА

— Посиди здесь тихо, — сказала Нина, — вот твой ранец, почитай... или карандаши там у тебя... Поспи, если хочешь. В общем, посиди сама здесь немножко, хорошо?

Лиза кивнула. Нина выложила на кровать пару тонких книжиц, альбом. Внимательно оглядела ее плотно сжатые губы, сгорбленную спину, вздохнула.

— Лиза, ты не должна обижаться на папу, — девочка дернула плечом, и Нина заговорила строже. — Нечего дуться. Это называется шок, понятно? Люди могут говорить всякое, когда у них горе... Ты не должна расстраиваться. Подумай, как сейчас тяжело твоему папе. Ты же его любишь, не хочешь расстраивать?

Лиза снова кивнула — послушно и механически, как китайский болванчик. Без стука распахнулась дверь в комнату, и Лиза безразлично окинула взглядом вошедшего — высокого мужчину в спортивных штанах и толстом свитере, туго обтягивающем заметное брюшко. Рукава свитера были коротковаты, и из-под них выглядывала застиранная серая фланель. Мужчина был лысоват; глаза остро поблескивали из-за очков. Лыжные ботинки, подбитые металлическими пластинками, громко стучали по полу; мужчина ступал неловко, будто каждый шаг причинял боль, — видимо,

ботинки тоже были ему малы. В аэропорту его не было, подумала Лиза с равнодушным удивлением. Нина вопросительно посмотрела на вошедшего; тот сухо кивнул и окинул Лизу оценивающим взглядом.

— Так, девочка, — отрывисто заговорил он. — Как тебя зовут?

— Лиза...

— ...а фамилия?

— Цветкова.

— Где мы сейчас находимся, знаешь?

Лиза удивленно пожала плечами — странный какой-то дядька, зачем спрашивать очевидное?

— На буровой, — буркнула она.

— А почему?

— Из-за бурана застряли.

— А какое сегодня число, знаешь?

Лиза беспомощно оглянулась на Нину, и та, наконец, вмешалась:

— Отстаньте от ребенка, Александр, мы сутки летели, да с разницей во времени. Я сама уже толком не знаю, какое число!

— Месяц и год, — настаивал тот.

— Ноябрь... девяносто первый.

— Молодец, — Александр потрепал Лизу по плечу. — Я должен был проверить, как она ориентируется, — повернулся он к Нине, — девочка могла быть в шоке. Но вроде бы все нормально... насколько это возможно. А вот ее отец, к сожалению... Пойдемте, — он взял Нину под локоть, — все собрались на кухне. А ты, Лиза, посиди здесь.

— Можно мне к папе?

— Он спит, не беспокой его.

— И никуда не ходи, — добавила Нина, и они вышли.

Оставшись, наконец, одна, Лиза затряслась и уткнулась лицом в ладони.

— Я не хотела, — прошептала она.

— А по-моему хотела, разве нет? — тут же откликнулся Никита. Лиза замычала и прижала ладони к ушам, как во сне, но теперь это не помогало: голос Никиты звучал прямо в ее голове. — Ты сама ему кричала, помнишь?

— Нет! Я просто так сказала, я не хотела! Я скажу ему, и он перестанет на меня злиться... и...

Даже Никите Лиза не хотела говорить о мелькнувшей вдруг тайной мысли: может быть, теперь он вернется к ним с мамой... Но как скроешь что-то от воображаемого друга?

— Он не вернется, — вздохнул Никита. — Он считает, что ты во всем виновата, и теперь будет вас ненавидеть...

— Но я не виновата, — прошептала Лиза. — Я...

— Она из-за тебя на улицу пошла, а там — баммм! — кто-то стукнул ее по голове, и задушил, и выпустил кишки. Кишшшки, — повторил Никита с каким-то злобным удовольствием. — И все из-за тебя.

— Нет... — Лиза обхватила голову руками. Больше всего она хотела, чтобы Никита ушел, но понятия не имела, как его прогнать. — Уйди, — попросила она.

— Я не могу уйти, я же твой воображаемый друг, — возразил Никита. — Я появляюсь, когда ты меня зовешь. Когда я тебе нужен.

— Ты мне не друг! И ты вовсе мне не нужен! Ты приходишь, и говоришь всякие гадости, и пугаешь меня. Друзья так не делают!

— Друзья всегда говорят правду, — грустно ответил Никита. — Я же не могу тебе врать. А, правда — она вот такая...

Он, наконец, замолчал; Лиза рыдала, не в силах остановиться, но привычно стараясь не шуметь — чтобы не

услышали взрослые, чтобы не принялись расспрашивать, чтобы не злились и не пугались... Она и без подсказки Никиты знала, что, чтобы ей не говорили, взрослым все равно, что она плачет, — лишь бы им этого было не видно.

Тем временем на кухне собрались почти все застрявшие на буровой. Тимур, умеющий быть незаметным, скромно привалился к стене в углу — на него не обращали внимания, зато он мог видеть всех. Сильно пахло валокордином — отпаивали Вячеслава Ивановича. «Я-то вышел, думал, у стеночки постою, пока он свои дела делает, там сугробом от ветра прикрывает, — бормотал он. — А Шмель-то вокруг дома побежал... и вот...»

Самыми потерянными, как ни странно, выглядели бандиты. Маньяка на стрелку не позовешь, подумал Тимур с легким злорадством, и буран распальцовкой не остановишь. Два здоровых лба, привыкшие рулить и давить, внезапно оказались беспомощными, и это подействовало на них, как нокаут. Барин, впрочем, выглядел получше, чем приезжий Колян: Черноводск был ему родным городом. Он знал, что здесь случается...

Стюардесса в панике. Выглядит так, будто вот-вот сорвется и понесется, как обезумевшая лошадь, не разбирая дороги, ломая ноги, и, в конце концов, врежется в стену и разобьется. На ногах вместо изящных сапожек — огромные валенки, явно выуженные из кучи у входа; худые коленки нервно постукивают друг о друга. Вроде бы жметесь поближе к Барину, бросает на него умоляющие взгляды, а тот отворачивается. Черные круги под глазами. Мелкая дрожь. Да еще тот чемоданчик, что швыряло по заблеванному самолету. Ох, девочка, да у тебя ломка...

Геологи сбились в разномастную, но сплоченную кучку: низкорослый узкоглазый Лешка, носатый Тофик, при виде

которого хотелось говорить с кавказским акцентом и требовать шашлык, и, будто уравнивая их, Аля — высокая и белокурая, прямо Царевна-Лебедь, с синими глазищами и фарфоровым румянцем. Держатся плечом к плечу — и видно, что это им привычно, наверняка не один маршрут прошли вместе и не в одной переделке побывали. А водитель автобуса хорохорится, поглядывает на всех свысока — будто знает что-то, остальным неизвестное...

Последними вошли Нина и лыжник, появившийся вечером. Нина тут же под села к геологам, бессознательно стремясь быть поближе к своим; правда, на какое-то мгновение она замялась — но всего лишь на мгновение. Стоило ей сесть рядом с коллегами, и стало заметно, что они с Лешкой похожи, как близнецы, разве что Нина повыше: потомки маленького народа, жившего в этих местах задолго до основания Черноводска. Они должны знать о буранах и сопках все, подумал Тимур.

Лыжник остался стоять посреди кухни.

— Как девочка? — тихо спросил Тимур. Нина с удивлением взглянула на него. Ее азиатское круглое лицо походило на ритуальную маску.

— Спасибо, все нормально, — холодно произнесла она и отвернулась. Тимур передернул плечами. Похоже, в деле смягчения выражений эта дама могла давать уроки его заказчику.

Кошмарную сцену в коридоре оборвал Вячеслав Иванович. Тимур уже знал, что до пенсии он был воспитателем в местном интернате — и, видимо, неплохим, по крайней мере — добрым... Тимур подозревал, что слова Дмитрия, брошенные девочке, сами по себе могли довести старика до сердечного приступа. Онемевшую от ужаса и горя Лизу по его команде увел один из геологов. Судя по скорости, с которой Лешка, не рассуждая, бросился выполнять распоряжение

старика, когда-то он был его воспитанником. Все нормально, говорит теперь Нина. Что ж — интересные представления о норме...

— Что с Димой? — жалостливо спросила Аля.

— Заснул. Я вкатил ему лошадиную дозу димедрола — хорошо, что здесь большая аптечка, — ответил мужчина в очках, допрашивавший Лизу.

— А ты, собственно, кто такой? — хрипло спросил Колян. Его толстые пальцы нервно шевелились. — Откуда взялся? Я тебя что-то в аэропорту не видел.

— Да вы что, это ж наш главный спец по психам! — ядовито вмешался водитель. Маленький и взъерошенный, он сидел на столе и свирепо сверлил Александра взглядом. При этих словах Колян резко поднял голову, а потом переглянулся с Бариним, и тот слегка кивнул. — Вот откуда он тут взялся — другой вопрос, — продолжал водитель. — А? Откуда ты здесь взялся, сосед?

— Спасибо, Вова, — кивнул тот, — я действительно спец по психам. Главврач нашей районной психиатрической клиники. Сегодня... вернее, уже вчера после обеда я вышел пройтись на лыжах.

— Рассказывай, — с иронией протянул Вова.

— Погода, если помните, была замечательная, — не обращая на него внимания, ровным голосом продолжил психиатр, — и я увлекся. Ну и в результате не успел дойти до больницы, когда начался буран, — еле-еле добрел сюда, мне повезло, что вы уже были здесь и зажгли свет, иначе я бы, наверное, заблудился.

Александр обвел взглядом кухню. Вова насупился и отвел глаза, пробормотав что-то про себя; остальные молчали.

— Я не понимаю, кто, — прошептала Аля, — кто мог это сделать? Психопат? Маньяк?

— Скорее всего, психопат, — кивнул Александр. Вова поднял голову и поглядел на него с каким-то злобным торжеством, но врач не заметил этого. — Сам характер убийства...

— Кто ее последней видел? — спросил Тофик.

— Похоже, что я, — неохотно ответил Александр. Вова громко хмыкнул. — Она была чем-то расстроена, собиралась выйти покурить. Одеваться даже не стала — просто накинула шаль. И вы, Нина, там были, правильно?

Нина кивнула.

— И, судя по состоянию тела... — продолжил Александр, — я не эксперт, но, похоже, убийство произошло именно тогда. Когда я осматривал тело, Наталья была уже мертва несколько часов.

Аля обхватила себя руками и умоляюще взглянула на Александра, видимо, безотчетно признав в нем главного.

— Я вот не понимаю, — проговорила она. — Он что, вот... сделал... это, — Аля сглотнула, — а потом что? Ушел? Или... так и бродит там? — последние слова она еле прошептала, испуганно косясь на окно под потолком — будто ожидала, что за стеклом вот-вот появится безумное пустое лицо маньяка. Тофик приобнял ее за плечи, и она привалилась к нему спиной, ища поддержки.

— Я на лыжах сюда еле пробился, — покачал головой Александр, — ветер с ног сбивает.

— Машина...

— Вездеход, что ли? Мы бы услышали.

— Да...

Все замолчали. В тишине послышалось дребезжание стекла — Вячеслав Иванович капал новую порцию валокордина; руки тряслись так, что горлышко пузырька билось о стакан. Внезапно Лешка подскочил.

— Дежурка! — крикнул он. — В дежурке, гад, отсиживается! Мужики, кто со мной?

— Я в кладовке лыжи видел, — встал Тофик, — пойдем. Триста метров, пробьемся как-нибудь.

— Я с вами, — кивнул Александр. — Вячеслав Иванович, мы собаку возьмем?

— Конечно, ему как раз пора. Старенький он, почки слабые, выводить часто приходится... Иди погуляй, Шмель, — проговорил старик. Пес вскочил, недоуменно поглядывая то на хозяина, то на направившихся к выходу мужчин. — Иди гуляй. Только знаете, — грустно добавил он, — он же у меня бестолковый... утку принести, если под носом упала, может, а так...

— Ничего, — ответил Тофик и сглотнул. — Наталью же нашел.

Помня о наказе не выходить из комнаты, Лиза терпела до последнего, но в конце концов, поняла, что еще немного — и она просто описается. Она крадучись выбралась из комнаты, прислушалась — на кухне бормотали в несколько голосов. Туалет, к счастью, был с другой стороны, что давало надежду не попасться на глаза. Сознание Лизы будто раздвоилось: она понимала, что не делает ничего плохого, но при этом чувствовала себя преступницей, нарушившей запрет. Казалось, если ее кто-нибудь увидит, сразу начнется: мы тебя просили сидеть в комнате; взрослая девочка могла бы и потерпеть; папе плохо, а она ведет себя как маленькая... Беззвучно всхлипнув, Лиза на цыпочках добежала до туалета. Здесь пахивало, и в кафельных стенах металось эхо; если здесь есть кто-нибудь, она точно попадется. Лиза прошмыгнула мимо трех душевых и нырнула в ближайшую кабинку.

Закончив свои дела, Лиза машинально нажала на кнопку слива и присела от ужаса: в унитазае загрохотало, как на Ниагарском водопаде. Лиза выскочила из кабинки, ожидая, что на звук сейчас сбегутся все, кто есть в доме, однако в коридоре по-прежнему было тихо. Никто не спешил выяснять, почему Лиза подняла такой шум и зачем вышла из комнаты. Во рту пересохло; подойдя к раковине, Лиза чуть-чуть отвернула кран — и тонюсенькая струйка, ударившая по эмалированной, покрытой ржавым налетом жести, показалась ей оглушительно звонкой. Лиза сполоснула руки и пару раз зачерпнула горстью. От воды во рту остался привкус железа. Пора было возвращаться в комнату.

Голоса на кухне все бубнили, но теперь они стали громче и вроде бы приблизились. Уже можно было различить отдельные слова: собирались куда-то идти, мужские голоса твердили о ватниках. «Вот, я фонари нашел», — прогудел кто-то. Лиза прикинула расстояние до своей комнаты и решила, что все-таки успеет проскочить незамеченной, пока все толкуются на пороге кухни.

Она ошиблась. Голоса стали еще громче; из кухни убежал Шмель, а следом за ним появился темный мужской силуэт. Рассматривать его Лиза не стала; пригнувшись, она скользнула в ближайшую дверь, прикрыла ее и припала ухом к щели. Голоса доносились уже из коридора. Металлически загрохотало — похоже, кто-то уронил связку лыжных палок. «Еще пара есть? Погодите, я с вами», — сказал Тимур.

Лиза вдруг задохнулась, сообразив, что они идут искать убийцу, настоящего убийцу с ножом... Это не шутки, это совсем не то, что без спросу убежать с друзьями в городской парк, чтобы немножко побояться. Ей захотелось выскочить из коридора, попросить Тимура, чтобы он никуда не ходил. Тут же нахлынул стыд: нельзя вмешиваться в дела взрослых,

тем более — чужих взрослых. Подавив вздох, Лиза отступила от двери и оглянулась.

От неожиданности она придушенно взвизгнула: кто-то лежал на кровати, накрывшись с головой. Она вообразила, что все собрались на кухне, а в это время кто-то продолжал безмятежно дрыхнуть... Получается, она вломилась в чужую комнату без спроса. Лиза зашарила глазами, не зная, как поступить: то ли выскочить в коридор, полный народа, то ли остаться в комнате, с риском, что ее обитатель проснется и возмутится вторжением. Наконец Лиза решила подождать: в конце концов, тот, кто лежал на кровати, явно не собирался просыпаться: ни движения, ни звука, даже одеяло над лицом не колеблется дыханием.

Внезапно Лизу пронзила куда более страшная мысль: а что, если под одеялом прячется убийца? Может быть, он укрылся в комнате, а когда Лиза вошла, быстренько прикрыл лицо, что она не могла его узнать... Что, если ему надоест дожидаться, пока Лиза уйдет, и он убьет и ее тоже?

Лиза попятилась, прижалась спиной к двери, до боли всматриваясь в неподвижный силуэт на кровати. Показалось, что одеяло шевельнулось; Лиза хотела закричать, позвать на помощь, но из горла вырвался только сиплый стон. Нет, все-таки показалось. Человек на кровати даже не дышал. Присмотревшись, Лиза заметила на темно-сером одеяле мокрые темные пятна и тут же почувствовала холодный, какой-то округлый запах. Так пахло мясо, когда мама доставала его из морозильника и оставляла оттаивать в раковине.

Внезапно Лиза все поняла. Коленки подогнулись, и она, хрипло дыша, медленно съехала на пол. Снова показалось, что одеяло шевелится, но теперь это было так страшно, что закричать даже не приходило в голову, это было ужаснее тысячи убийц... Лиза представила, как Наталья встает; одеяло

сползает с кошмарного лица, и заснеженные глаза смотрят обвиняющее...

— Нет, — прошептала Лиза, — нет, я этого не хотела, я не хотела, нет... — сердце стучалось о ребра с такой силой, что, казалось, кулон-воробушек на груди подпрыгивает, подрагивает в такт... Лиза безотчетно прижала его ладонью; руку пронзили ледяные иголки. «Полюбуйся, что ты натворила!» — прогрохотал в голове отцовский голос. — Я не хотела, — снова простонала Лиза. — Папочка... боженька, я не хотела, чтоб она умерла, пожалуйста, сделай так, чтобы этого не было, сделай так, чтобы она ожила, пожалуйста, боженька...

Кулон под ладонью, казалось, был сделан изо льда, пальцы пронзали тысячи игл. Охваченная наваждением, Лиза все твердила — пожалуйста, сделай так, чтобы она ожила, пожалуйста... Привкус железа во рту стал оглушительным. Она не сводила глаз с кровати, но что-то случилось с ее зрением, все расплывалось в светящиеся синевой пятна, и первым в мозг проник невыразимый скрип пружин.

Не понимая, что делает, Лиза забилась в угол и издавала какие-то скрипучие, задушенные взвизги. Гул пружин, казалось, заполнил весь череп. Наталья села на кровати, и одеяло соскользнуло с ее лица. «А теперь, дети, давайте все вместе позовем Снегурочку! — прозвучал в голове голос, жизнерадостный до слабоумия. — Сне-гу-роч-ка!». Но Снегурочка была уже здесь, она уже пришла, ее глаза покрывал иней, а рот был забит снегом. Она пришла, чтобы утащить с собой, в бездну Марианской впадины, где густая и черная, как нефть, вода холоднее льда...

Она хрипела и кашляла, хватаясь за посиневшее горло. От нее шел ужасающий запах давно не чищеного морозильника. Обледеневшие глаза смотрели прямо на Лизу. Она была мертвая.

Лиза почувствовала, как что-то лопнуло у нее в голове, заливая мозг обжигающе холодной жижей. Она встала и посмотрела прямо в мертвые обвиняющие глаза.

— Скажи папе, что я тебя не убивала, — тихо и твердо сказала Лиза. — Скажи ему.

На то, чтобы одолеть через ночной буран триста метров до дежурки и столько же обратно, у лыжников ушел почти час. К качалкам шли по азимуту — у психиатра нашелся компас — и едва не проскочили мимо, сделав изрядную петлю: видимость была нулевая, и огни общежития растаяли в пурге, стоило пройти пару десятков метров. Похоже, буран еще усилился с тех пор, как люди укрылись на буровой.

Остальные ждали; когда истекло полчаса, Нина, не выдержав бездействия, выскочила на улицу с фонарем. Смысла в это не было ни грамма, луч никак не мог быть сильнее света из окон, и все-таки она, кутаясь в какой-то огромный драный тулуп, взятый с вешалки, топталась на пороге и размахивала бессильным фонарем. Одна Нина оставалась недолго: к ней присоединился Вячеслав Иванович, не находящий себе места от волнения.

— Брось, иди в дом, — сказал он, — не мучайся.

Нина фыркнула.

— Толку от фонаря нет, — настаивал старик, — я лучше Шмеля буду звать, должен услышать...

Повернувшись в ревущую белесую темноту, он громко засвистел. Откуда-то издалека донесся лай, и Вячеслав Иванович снова призывно свистнул.

— Иди в тепло, простынешь, — обернулся он к Нине.

— А вы не распоряжайтесь, — ошетичилась та, — я сама как-нибудь разберусь, что мне делать.

— Да я не... Нина, ну что ты, в самом деле, все бунтуешь! Я тебе уже двадцать лет как не учитель.

— Вот именно! — Нина снова яростно взмахнула фонарем, будто подавая сигналы в небо — то ли заблудившемуся самолету, то ли сумасшедшей чайке-поморнику. — Вот именно! — повторила она. — Так что не надо делать вид, что вы до сих все лучше всех знаете. Сама разберись...

— Да я ж не спору, — печально ответил Вячеслав Иванович и снова принялся свистеть.

Шмель выскочил из белесой тьмы, как пятнистый ком снега. С жесткой бородки свисали сосульки, морду покрывал иней. Пес ткнулся хозяину в колени, обернулся — в темноте уже виднелись фонари возвращающихся мужчин — и шумно потянул носом, принюхиваясь к Нине. Та сердито отмахнулась от него фонарем. Шмель присел на задние лапы и низко, угрожающе зарычал.

— Фу, Шмель, — рявкнул Вячеслав Иванович, — нельзя!

Рычание перешло в хриплый, злобный лай.

— Отстань от меня, — буркнула Нина. — Никто твоего хозяина не трогает.

Шмель не умолкал. Фонари лыжником замелькали чаще — мужчины встревожено торопились на звук.

— Да перестань ты, Шмель, — с досадой бросил Вячеслав Иванович, — ну не любит она меня, так что ж теперь?

— Я вас, Вячеслав Иванович, не «не люблю», не надо преувеличивать, — сердито ответила Нина и кивнула взобравшемуся на крыльцо Александру. — Я просто хочу, чтоб вы перестали вмешиваться в мою жизнь. А так я к вам очень хорошо отношусь.

— Так «хорошо», что тебя все мои собаки облаивают, — мрачно проворчал старый учитель и открыл входную дверь.

Александр, Тимур и Лешка, топоча заснеженными валенками и на ходу сдирая с лиц обледеневшие шарфы, ввалились в дом.

— Нашли что-нибудь? — бросилась им навстречу Аля.

— Нашли, — пробормотал Лешка, отводя глаза. — Тут такое дело, Аля... Понимаешь, тут такое дело...

— Дежурных нашли, — жестко оборвал его врач. — Одного у пульта. Другого — здесь, рядом.

— И где же они?..

Алю прервал громкий всхлип — Анна, прижав ко рту руки, привалилась к стене. Ее лоб был изжелта-бледным, как у мертвеца. Тимур, на которого за спинами Лешки и психиатра не обращали внимания, окинул ее внимательным взглядом — стюардесса догадалась... и очень быстро, намного быстрее других. Следующим сообразил, в чем дело, Барин.

— Они что, как эта... — он кивнул на дверь комнаты, в которой положили труп Натальи. — Тоже?

— Да.

За спиной Тимура шумно вздохнула Нина, и тот слегка повернул голову. «Ой, папа» — пробормотала женщина. Тимур удивленно шевельнул бровью — странные иногда реакции выдают люди. Обычно в таких ситуациях зовут маму... хотя папу, конечно, разумнее, а Нина вся — разум и рацию в чистом виде.

— А тела? — тихо спросил Тофик. Лешка виновато пожал плечами.

— Эту... Наталью тоже зря притащили, — прогудел Колян и внезапно покраснел жарко, как ребенок. Отвел глаза, стараясь не смотреть на потрясенные лица. — Ну, следак же, — хрипло пояснил он. — Ментам как работать потом?

Бандит выталкивал слова, будто силой; его круглая физиономия побагровела. Видно было, что сама мысль позаботиться

о расследовании кажется ему противоестественной, однако он продолжал настаивать:

— Нельзя ее было трогать, и этих... правильно вы...

Люди ошарашено переглядывались. Тимур видел растерянность и недоумение в их глазах. Похоже было, что им не пришло в голову, что когда-нибудь буран кончится, что будет расследование. Не задумывались о том, что убийцу можно найти... Что это — сговор? Или все жители города охвачены стокгольмским синдромом? Принимают зверские убийства как данность, с которой ничего нельзя сделать, как природное явление? Как буран...

Колян замолчал и теперь, набывчившись, поглядывал на геологов. Тофик тихо перевел дух и смущенно пробормотал:

— Выходит, он здесь был еще до нашего приезда... а потом спрятался — или ушел?

— Если ушел, то искать уже некого, — ответил Лешка. — Но здесь не спрячешься. В дежурке тоже — голый вагончик, два стола, мы под оба заглянули, и в сортир тоже. Больше укрыться негде.

— Пещера... — раздался тихий голос. Все оглянулись. На пороге комнаты стоял Дмитрий, придерживаясь за косяк; глаза у него были воспаленные, красные, совершенно сухие. — Он мог вырыть пещеру в снегу и сидеть там, сколько надо. Я видел, как дети... Лизка моя...

— Вы как себя чувствуете? — спросил Александр.

— Сушняк, — ответил Дмитрий, — и вкус мерзкий у сигарет...

— Это нормально после димедрола. Вы что, в кровати курили? — Дмитрий кивнул. — А вот этого больше не надо в ближайшее время. Могли опять заснуть. Нам тут только пожара не хватало...

Дмитрий равнодушно пожал плечами.

— Пещеры, — настойчиво повторил он. Врач смотрел на него с сомнением, и он раздраженно дернул щекой. — Я не брежу, понятно? У вас детей нет, да?

— Точно, — хлопнул себя по лбу Вячеслав Иванович. — Мои детишки вокруг интерната целые системы роют — мы запрещаем, конечно, обвалиться может, да разве они послушают?

— Шмель бы нашел, — неуверенно возразил Тофик.

— В такой буран? И потом, я ж говорил, он у меня... ну, дурачок немножко... вон, Нину облаивает, а как всерьез искать — не сообразит... ему бы все к детишкам ластиться, чтобы уши чесали.

— А кстати, где Лиза? — внезапно спросил Дмитрий и тревожно огляделся. — Куда она запропастилась?

— Не волнуйся, я ей велела в комнате сидеть, не путаться под ногами, — ответила Нина, — она у тебя молодец, послушная...

Дмитрий, не отвечая, быстрыми шагами пересек коридор, толкнул дверь в номер, где — казалось, это было сотню лет назад, в другой жизни — укладывал спать дочку. Обе кровати были пусты. Дмитрий хмуро обвел глазами убогую мебель — две койки, две тумбочки, стенной шкаф, выкрашенный бледно-голубой масляной краской, шелушащейся от старости. Буркнул: «Ну, хватит играть, вылезай» — и резко распахнул створки. На него выпал изгвазданный глиной рабочий комбинезон; Дмитрий раздраженно отбросил его в сторону и удивленно оглянулся на стоящую в дверях Нину.

— Нет ее здесь, — растерянно побормотал он. Сквозь хмурую досаду проступил страх. — Лиза! — окликнул он. — Лиза!.. — руки Дмитрия затряслись, и он загнанно оглядел коридор. В его глазах плескался ужас; он был близок к безумию.

— Лиза!

— Пап, я здесь.

Лиза стояла в торце коридора. Дмитрий разом обмяк, схватился за косяк, чтобы удержать равновесие. «Ну, я тебе устрою!» — пробормотал он. Лиза подошла к отцу.

— Я в туалете была, — сказала она, глядя в пол. — Извини.

Она плотно сжала губы и вдруг стала очень похожа на Нину — решительная, неулыбчивая и ужасающе взрослая.

ГЛАВА 9

ВСЕ, ЧТО УГОДНО...

Последние полчаса Лиза провела, закрывшись в душевой кабинке. Руку, пораненную в самолете, саднило, — Лиза сильно задела царапину, когда втаскивала обратно на кровать свесившееся тело Натальи. От напряжения побаливала спина, и мелко дрожали мышцы на руках — вес взрослой женщины оказался слишком велик для девятилетней. Лизе еще повезло, что Наталья не успела встать с кровати полностью, когда... ну, когда ожила.

Если бы не эта боль, Лиза решила бы, что ей все приснилось. Но нет, Наталья и правда ожила. Воспоминание заставило Лизу до боли сцепить пальцы и стиснуть зубы, чтобы не застонать. Наталья сидела на кровати, и в ее глазах были изумление и страх, но какие-то стертые, почти не заметные под затопившей все болью. Вот она спустила одну ногу, нашаривая пол, пытаясь встать — зачем? На какой-то короткий миг у Лизы вспыхнула надежда, что Наталья была не мертва, а только тяжело ранена, а теперь очнулась, — но тут же стало понятно, что это не так. Перед Лизой был мертвец, и девочка могла думать лишь об одном: только бы одеяло не соскользнуло ниже, только бы не увидеть опять сизо-багровые петли внутренностей. «Больно, — простонала Наталья сквозь хрип и кашель. — Что это? Отпусти меня,

отпусти, отпусти... Ты, — ее глаза вдруг сфокусировались на Лизе. В них мелькнуло узнавание, и девочка вжалась в стену. — Наглая паршивка». Она впилась пальцами в шею, будто пытаясь оттянуть что-то, и упала.

Наталья лежала, снова мертвая и неподвижная, но теперь ее нога и половина туловища свешивались с кровати. Лиза услышала тихий шорох — и поняла, что тело постепенно сползает и вот-вот свалится. Ей представилось отцовское лицо — как он заходит, и видит Наталью на полу, и каким-то волшебным образом догадывается, что Лиза заходила сюда...

Страх больше не было — Лиза заглянула за его пределы, и воображаемая холодная жижа, залившая мозг, будто бы парализовала чувства. Все еще беззвучно всхлипывая, она подошла к койке и принялась затаскивать тело обратно, придерживая одеяло, чтоб оно не сползло, и, стараясь не заглядывать мертвой в лицо. Она была холодная, и ее кожа была как гладкая резина, а плоть — твердая и тяжелая, будто бревно, годы и годы пролежавшее в темной воде. Кошмарный запах морозильника бил в ноздри, но Лиза тянула и толкала, пока тело, наконец, не оказалось на кровати полностью. Девочка подоткнула одеяло, стараясь устроить все как было, и только тогда вышла, держа потревоженную руку навесу, чтобы не закапать кровью доски в коридоре.

Да, Наталья была мертва, и ожила — лишь для того, чтобы обвинить Лизу, — а потом умерла обратно. И кулон-воробушек сразу перестал колотиться, как-то... затих, подумала Лиза. Будто тоже ожил и умер вместе с папиной женой. Лиза сняла кулон и оттянула свитер, рассматривая кожу на груди. Там виднелось небольшое красное пятнышко, как от горячего, — хотя это могло быть и простым раздражением от колючей шерсти. Лиза была уверена, что воробей был

как-то связан с оживлением — хоть и не понимала, как. Она недоуменно повертела кулон в руках, огладила блестящие, как зеркальца, серебристые грани. Очень красивый; но это всего лишь металлическая штуковина, ведь так? Непонятно... Лиза со вздохом повесила кулон обратно и прикрыла его свитером. Сейчас это было не важно. Важно было то, что Наталья считает ее виноватой, так же, как и отец.

— Но я этого не делала, — твердо сказала Лиза. Голос отдавался в кафельных стенах и казался слишком громким. — Не делала, — повторила она и прислушалась к эху.

Девочка была спокойна и сосредоточена. Промыв царапину, она заперлась в душевой кабине и присела на низенький бортик, огораживающий место для мытья. Узкое пространство и холодный, гулкий кафель почему-то успокаивали. Лиза обхватила руками колени и задумчиво уткнулась в них подбородком. Ей нужен был собеседник.

— Хватит дуться, — сказала она Никите. — Ну, извини, что накричала, мне просто ужасно не понравилось то, что ты говорил.

— Это ты сама себе наговорила, — обиженно откликнулся Никита.

— Ну да, ну да, — поморщилась Лиза. — Как ты думаешь, папа долго еще будет на меня злиться?

— Ага, я скажу, а ты опять разорешься.

— Нет, не буду, — машинально сказала она. Никита скептически хмыкнул, и Лиза вздохнула, снова задумавшись. То, о чем говорил Никита, было невыносимо, и ей совсем не хотелось его слушать. Но где-то за тонкими стенами бродил убийца, и папины глаза были почти такие же мертвые, как у Натальи...

— Правда не буду, — уныло сказала она. — Я просто не понимаю, что делать...

— А ты не можешь ничего сделать, — ответил Никита. — Понимаешь, твоему папе очень стыдно, что он бросил вас с мамой, и поэтому он на вас злится.

— Не понимаю.

— Да нет же, понимаешь. Помнишь, ты не дала Ленке вобрушка, хоть и обещала? Тебе было стыдно, что ты нарушила слово, и поэтому ты сразу стала считать Ленку плохой, а до того с ней дружила.

— Ты вообще с кем дружишь? — задохнулась Лиза. — Она меня побить пыталась и кулон отобрать, помнишь?

— Ну да. Но ты на нее еще до этого начала злиться, ведь правда?

Лиза обиженно тряхнула головой.

— Ну, вот и твой папа так же. Поэтому он так бесился в машине, когда с ним спорили, — ведь если он не прав в чем-то, значит, может быть не прав и в другом. В том, что ушел, например. Ему надо чувствовать себя хорошим, понимаешь? А теперь, когда Наталью убили, все еще хуже — ведь он уговорил ее ехать за тобой в аэропорт, и она из-за тебя расстроилась и пошла курить, а ты — его дочка. И он чувствует себя еще виноватей, таким виноватым, что ненавидит себя.

— Ужасно... — прошептала Лиза. Ей хотелось разрыдаться.

— Да, ужасно, — равнодушно откликнулся Никита. — Поэтому он делает то, что проще, и ненавидит тебя. И правильно — если подумать, ты же виновата, что она пошла на улицу, ты ж ее обзывала и кричала, что хочешь, чтоб она умерла, так ведь? Он хотел бы тебя убить. Он был бы рад, если бы убили тебя, а не ее.

Он выпучил глаза, высунул набок язык и издал ужасный звук, хватаясь за горло. «Вот так. И выпустить тебе кишки. Так было бы легче». Лиза помотала головой. Груз вины

и ужаса был настолько тяжел, что, казалось, вдавливают ее в кафельный пол, лишает сил, парализует. Все глубже и глубже, туда, где чудовищное давление могут выдержать лишь монстры... Еще немного — и она останется здесь навсегда, раздавленная и неподвижная.

— Я должна все исправить, — сказала она скорее себе, чем Никите. — Я должна придумать, как...

— Да не можешь ты ничего исправить, — встрял воображаемый друг.

— Могу. Могу...

Она снова тряхнула головой, отгоняя картинку самой себя, лежащей с выпущенными кишками в зарослях стланника. Ее мертвые глаза смотрели в небо; там, в серой хмари кружилась чайка-поморник, у нее был большой тяжелый клюв, загнутый на конце, и этим клювом она могла подцепить петли внутренностей и проглотить их... Нет. Лиза жива, и она может все исправить, все-все исправить... Ведь хороших девочек не убивают, хорошие девочки исправляют свои ошибки. Что, если попробовать еще раз оживить Наталью — только совсем? Лиза погладила кулон. Что произошло тогда в комнате? Она захотела, чтобы Наталья ожила... Может, если захотеть по-настоящему сильно, то она не умрет еще раз?

— Чушь, — бросил Никита. — Ты не можешь этого по-настоящему захотеть, тебе же хочется, чтоб ее не было, и теперь ты надеешься, что папа вернется к вам с мамой, раз ее нет.

Лиза сердито отмахнулась.

— Я же не знала, что он из-за этого всех ненавидит, — сказала она. — Лучше пусть он с ней живет, чем так...

Можно попробовать как-то заманить его в комнату, где лежит Наталья, и попросить воробушка снова... очень-очень

попросить, изо всех сил. И она встанет... со снегом на глазах... сможет ли папа ее поцеловать, или ему будет противно из-за кишок и запаха оттаявшей морозилки?

— Ты что, дура? — влез Никита. — Да он же от испуга умрет, разрыв сердца — и все. Он же взрослый!

Лиза неохотно кивнула. В этом Никита, несомненно, был прав. Потому что взрослые точно знают, что правильно, а что — нет, что возможно на этом свете, а чего — точно не бывает... И встающий мертвец не поместится в голову, где есть это знание. Это просто разорвет человека на части, и он умрет. Или того хуже — провалится... провалится во тьму, где нет ничего правильного и ложного, нет реального и выдуманного, ни верха, ни низа... Упадет в бездну и сойдет с ума, и остаток жизни проведет в комнате с забранными решеткой окнами, в красивом белом доме, над которым то и дело пролетают идущие на посадку самолеты... Нет, нельзя даже думать о том, чтобы заставлять папу смотреть, как его мертвая жена встает с постели. Надо придумать что-то другое.

— Если бы папа знал, кто убийца, он бы мог ненавидеть его, — задумчиво сказала Лиза.

— Не помо...

— Иди ты к черту.

Лиза сжала голову, будто пытаясь выдавить из нее своего воображаемого приятеля.

— Ты же знаешь, что я прав, а сама опять на меня орешь.

— Иди ты к черту со своей правотой, — огрызнулась она. — Я так не могу. Я должна попытаться что-то сделать, понимаешь? Я не могу, чтобы он так мучился... и так... так смотрел на меня... не могу!

Она снова схватилась за голову. Никита ей не помощник, это понятно. Ему же скучно одному... а Лиза дружит с ним,

только когда у нее все плохо. И теперь он мстит ей своей ужасной правдой и нарочно мешает придумать, как все исправить. Когда-то он был ей другом — но теперь стал злой...

— Вот видишь, опять, — шепнул Никита. — Ты чувствуешь себя виноватой и поэтому считаешь меня плохим. Прямо как твой папа. А ведь я стараюсь помочь тебе. Может, папа не зря на тебя злится?

Их безмолвный диалог был прерван звуком тяжелых мужских шагов. Лиза настороженно подняла голову и прислушалась. Из кабинки донеслось журчание, потом грохот падающей в унитаз воды. Тоскливо заскрипела, открываясь, дверь. Внезапно человек испуганно выматерился, и Лиза напряглась, безотчетно ожидая, что сейчас рассерженный взрослый появится на пороге ее убежища.

— Ты что, Анька, бродишь тут, как привидение? — спросил мужчина, и Лиза слегка расслабилась: он обращался явно к кому-то другому.

— Извини, Леня, я тебя искала, — ответил женский голос, сбивчивый и какой-то блеклый. — Ленечка, мне бы дозу... Плохо мне...

Интересно, дозу чего, недоуменно подумала Лиза. Лекарства — раз ей плохо? Но почему она не возьмет его в аптечке, а просит у какого-то непонятного Лени... откуда он здесь взялся?

Лиза услышала, как человек подошел к раковине. Теперь она различала и другие шаги — легкое, почти неразличимое шуршание валенок. Неудивительно, что мужчина испугался, обнаружив, что он не один.

Лиза никак не могла понять, почему он молчит. Она различала частое, тяжелое дыхание женщины — понятно было, что ей и правда плохо.

— Пожалуйста, Ленечка, — умоляюще проговорила женщина.

В раковину ударила струя воды, и теперь Лизе приходилось прислушиваться изо всех сил, чтобы разобрать слова — однако она никак не могла понять, о чем идет речь.

— Леня, меня ломает... — простонала женщина.

— Ты совсем сторчалась, наркоманка хренова! — заговорил, наконец, мужчина. — Отцепись, у меня нет.

— Леня, ломает, не могу... ну милый, ну пожалуйста...

— А я сказал, что у меня нет! Я что, по-твоему, везде с собой вожу, мне делать больше нефиг, по углам барыжу? Сожри еще кодеина, я тебе две пачки дал.

— Так не помогает же, ну пожалуйста... Мне страшно, Ленечка, я с ума схожу, не помню, где была, что делала... людей путаю, не помню, с кем говорила... вроде только что на посадку шли — а уже здесь... и они... смотрят все... Смотрят на меня! Не могу, ненавижу их...

Едва дыша, Лиза встала на четвереньки и заглянула в щель под дверь. Ей пришлось лечь на холодный кафель и до боли вывернуть шею, чтобы увидеть что-то, кроме ног. От удивления она чуть не вскрикнула: мужчиной оказался Барин. Он привалился к раковине, раздраженно озираясь по сторонам; перед ним на коленях стояла стюардесса. Вот она попыталась схватить его за руку — Барин раздраженно выбрал пальцы и машинально обтер их об штаны. Стюардесса громко всхлипнула. Внезапно Лиза вспомнила коробочки, рассыпанные в самолете. На них было написано «Кодеин», и стюардесса очень испугалась, когда их увидели...

— Ленечка, — снова скороговоркой зашептала она, — Ленечка, милый, пожалуйста, хоть капельку... я так тебя люблю, милый... — Барин передернул плечами. — Я для тебя... все что угодно...

Внезапно она с неестественной ловкостью подползла к Барину и зачем-то схватилась за его ремень. Лиза задыхнулась от стыда: стюардесса сноровисто расстегнула брюки. Лиза в ужасе зажмурилась; ее уши горели, будто ошпаренные. От стыда ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Ты совсем рехнулась? — прошипел Барин, и Лиза услышала глухой толчок. — Подойдешь еще ко мне — живого места не оставлю, понятно?

Послышался звук застегиваемой молнии, и Лиза решилась приоткрыть глаза. Стюардесса лежала на полу, свернувшись в клубок, и мелко дрожала. Барин, на ходу застегивая брючный ремень, тяжело зашагал прочь. Стюардесса медленно приподнялась; стоя на коленях, она смотрела в спину бывшего любовника. Лицо у нее было такое же белое и неподвижное, как у мертвецов.

Могло ли это как-то относиться к убийству? Лиза попыталась вспомнить все, что слышала о наркоманах. Получилось, что немного — с одной стороны, говорили, что они больные люди, с другой — что могут убить, чтобы раздобыть дозу. Наркоманы представлялись Лизе тощими, как скелеты, лохматыми парнями с бледными лицами и в давно не стиранной одежде. Стюардесса была совсем не такая, но Барин все равно называл ее наркоманкой... правда, он бандит, может, просто обзывался так? С другой стороны — зачем убивать Наталью, вряд ли у нее нашлась бы эта загадочная доза... От напряжения Лиза вцепилась пальцами в волосы и зашипела от боли в царапине. Смутно вспомнились испуг и ярость стюардессы, когда Лиза сломала чемоданчик. Может это что-то значить? Непонятно, непонятно... «Она очень сильно не хотела, чтобы кто-нибудь увидел таблетки», — подсказал Никита. Лиза раздраженно дернула плечом: Наталья их и не видела, ее не было в самолете...

Стюардесса кое-как поднялась на ноги. Она долго умывалась, то и дело, вглядываясь в забрызганное зеркало, а потом, по-стариковски шаркая валенками, наконец, вышла. Лиза уже собиралась выскользнуть следом — но тут в коридоре снова зашумели. Придумать она ничего не успела. Не успела и испугаться вести об убийстве дежурных — все казалось каким-то стертым, поблекшим. Мысли и чувства вытеснила готовность сделать все, что угодно, лишь бы заслужить прощение отца. Все, что угодно, и любой ценой. Она уже взрослая — и будет действовать, ни на кого не рассчитывая. Надеяться на чью-то помощь нельзя, даже если тебе очень плохо, — удивительно, что взрослая стюардесса до сих пор этого не знает...

Так Лиза и сидела на бортике в душевой, выжидая и прислушиваясь, пока испуганный зов отца не сорвал ее с места.

— Почему Нину облаивают ваши собаки? — спросил Тимур, когда Вячеслав Иванович, побряхтывая, устроился на койке и открыл выуженную из портфеля книгу.

— Простите? — проговорил старик, закладывая страницу пальцем. Тимур виновато повел плечами.

— Это вы простите, я случайно подслушал, когда мы заходили. Вы говорили Нине, что на нее лают все ваши собаки.

— А, это... Это так, шутка, — проговорил Вячеслав Иванович и болезненно поморщился. — Недолюбливает меня наша Нина. А жаль, такая хорошая девочка была...

Он помолчал, глядя в пустоту. Тимур ждал с сочувственным интересом; старик покосился на него, вздохнул и отложил книгу.

— Она из совхозных детишек была, знаете? Хотя вряд ли, вы же приезжий. Здесь с тридцатых так повелось — местные, те, которые не хотели жить в городе, шли в совхоз. Рыбачили,

олешек пасли, соболя немножко стреляли... в общем, жили, как привыкли, власти их особо не трогали — лишь бы продукт вовремя сдавали. Но детишек-то учить надо! Вот и свозили их в интернат, из стойбища не наездишься... Некоторые так и оставались потом в городе, многие после школы дальше учиться шли — знаете, в институтах же лимит для малых народов, им поступать проще было. Да многим и никакого лимита не надо было — школа у нас отличная, хоть и интернат, вступительные экзамены отлично сдавали, без всяких натяжек. Лучшие учителя к нам приезжали, — в голосе Вячеслава Ивановича звучала сдержанная, но явная гордость. — Вон, Лешка из наших — не смотри, что шибздик. Когда привезли — по-русски едва говорил, а сейчас — кандидат геологических наук, между прочим! Нина тоже...

— Тоже кандидат наук?

Вячеслав Иванович неохотно кивнул и снова замолчал.

— Так, наверное, она вам благодарна должна быть? — подтолкнул его Тимур. Старик грустно покачал головой.

— С Ниной неладно вышло, — пробормотал он.

Прошло больше двадцати лет, но он до сих пор помнил тот необычно яркий для Черноводска весенний день — кругом еще лежали сугробы, но снег уже покрывала льдистая узорчатая корочка, воздух пах талой водой, и тепловатый ветер приносил запах открытых после зимы силосных ям. Самое время прокопать дорожку к турникам — зимой физкультурой занимались в зале, но как только теплело, уроки переносили на улицу. Взяться за лопату мог кто угодно — часто это поручали ученикам, да и завхоз не сидел, сложа руки, но сил у молодого учителя было полно, погода — отличная, а тело, застоявшееся в душных классах, так и просило простой физической работы. Настроение у Вячеслава Ивановича было

прекрасное — накануне он выставил своему классу четвертные отметки по физике, а потом всю вторую половину дня беседовал с детьми об их планах — класс был выпускной, и кто-то должен был пойти в училище, кто-то — вернуться в совхоз, а кто-то — остаться в школе и готовиться к институту. Таких набралось целых пятеро, и Вячеслав Иванович, хоть и не подавал виду, гордился своей работой — это был его первый выпуск, и выпуск удачный. Единственное облачко, которое слегка омрачало сияющий день, было связано с Ниной.

Умница, отличница, особенно хорошо ей давались естественные предметы. По физике и химии с ней занимались дополнительно — школьная программа была девочке мала. Правда, Вячеслава Ивановича слегка огорчала замкнутость Нины — она редко улыбалась, почти ни с кем не дружила, и ее независимость порой почти переходила в грубость. Но не всем же быть душой компании... Конечно, он рекомендовал Нине продолжать учебу и даже осмелился предложить замануться на МГУ — тамошний факультет геологии был Нине в самый раз. Реакция девочки так озадачила Вячеслава Ивановича, что он до сих пор размышлял о ней, мерно орудуя лопатой.

Нет, Нина обрадовалась, как он и ожидал, даже всплеснула руками — по ее меркам это было самое бурное появление эмоций. Но вид у нее был какой-то испуганный, пришибленный, и Вячеслав Иванович, истолковав это на свой лад, принялся рассказывать об общежитии, о стипендии, о веселом братстве студентов, которое не даст пропасть в большом городе. Нина слушала с отсутствующим видом, кивала. Тут он спохватился, спросил:

— Может, папа твой будет против, может, он хочет, чтобы ты в совхоз вернулась? Так мы его уговорим.

Отца Нины он видел только пару раз, да и то издали — это был немолодой уже на вид мужчина с гордой осанкой и неподвижным лицом; сразу было видно, от кого Нина унаследовала свою невозмутимость. В нем была неуловимая неправильность, что-то неприятное, отталкивающее, — Вячеслав Иванович стыдился своей реакции и объяснял ее слишком надменным видом этого человека. С учителями общалась только мать Нины — тихая, робкая женщина, которая соглашалась со всем, что ей скажут.

— Нет, папа хочет, чтоб я большим человеком стала, — ровно ответила Нина, отводя глаза, — у него сыновей нет.

— Так что тогда? Я же вижу, ты тревожишься о чем-то.

— Вы не поймете, — все так же ровно ответила Нина. — Но я буду поступать в институт, вы не волнуйтесь.

Взмахнув черными лоснящимися косами, она ушла — а Вячеслав Иванович еще долго сидел, озадаченный, пока в класс не просунулась нетерпеливая рожица заждавшегося своей очереди ученика.

— ...И вот, — жалобно сказал Вячеслав Иванович Тимур, — если бы я, конь ломовой, не решил бы на другой день лопатой помахать — то, может, все бы и обошлось. Может, она бы знаменитым ученым стала — с ее-то задатками... Я ей, выходит, всю жизнь перекорежил этой проклятой лопатой...

Дорожка к турникам вела вдоль школьной ограды, и Вячеслав Иванович бодро разбрасывал снег, когда услышал с другой стороны рассерженные голоса. Поначалу он не обратил на них внимания, но потом узнал Нину. Второй голос принадлежал мужчине, и Вячеслав Иванович не понимал его языка — Нина же, видимо, из чистого упрямства отвчала по-русски. «Нет, папа, я поеду в город, — говорила она, — и буду учиться, а ты... да что хочешь делай, мне не

жалко! Да хоть...» Мужской голос оборвал его — слов Вячеслав Иванович не разобрал, но от интонации волосы на его голове стали дыбом. Он мгновенно почувствовал себя невежественным дикарем, сидящим в пещере; жалкий костерок едва разгонял темноту, снаружи поджидали хищники и злые духи, и копьё, лежащее рядом, не могло защитить от наползающего извне кошмара. Он вдруг понял, что весь его здравый смысл, рациональность, научный склад ума — всего лишь ступенька над бездной; тьма близко, и в ней водятся чудовища.

«Почудится же», — пробормотал Вячеслав Иванович, встряхнув головой. Мужского голоса больше не было слышно; из-за ограды доносились только отчаянные девичьи рыдания. Он осторожно заглянул в щель, маясь от томительной неловкости: то ли бежать утешать любимую ученицу, то ли сделать вид, что ничего не слышал, чтобы не смущать ее. Нина сидела прямо на мокром снегу; ее плечи тряслись от плача, и в нем было такое отчаяние, что Вячеслав Иванович так не решился окликнуть девочку. Он решил поговорить с ней позже. Было очевидно, что Нина соврала, когда сказала, что отец одобрит ее учебу. Не захотела огорчать учителя — несмотря на сдержанность Нины, Вячеслав Иванович знал, что она очень хорошо к нему относится и понимает, какая это для него была бы радость: его выпускница — студентка МГУ. Он лелеял надежду, что стал для нее если не вторым отцом, то хотя бы старшим братом, и Нина всегда неявно подтверждала это, вот и теперь согласилась с ним даже ценой конфликта с отцом. Видимо, этот заносчивый совхозник считал, что девочка должна вернуться домой; он явно не понимал, насколько она талантлива, насколько умна.

— И я, осел этакий, решил ему все объяснить! — горестно воскликнул Вячеслав Иванович. — Он меня даже слушать

не стал, прошипел что-то по-своему... А на другой день Нина пришла в учительскую, когда я был там один, и кричала на меня... что-то безумное, что я лезу не в свое дело, что теперь отец считает, что она заодно с нами, еще какой-то бред... Какого ж дурака я сваял!

— И что ж было дальше? — сочувственно спросил Тимур.

— Дальше... — вид у Вячеслава Ивановича был совершенно несчастный. — Больше она со мной не разговаривала, даже на уроках не отвечала на вопросы. Вызову ее — так она встанет, зубы сцепит и смотрит себе молча в окно. В конце года забрала документы, попыталась вернуться домой — но папаша с ней с того спора и словом не перемолвился, и девочка не выдержала, вернулась в город. Поучилась в техникуме, потом поступила в институт в Хабаровске... В общем, все у нее наладилось, и с отцом, говорят, в конце концов, помирилась, — бедняжка на все была готова, лишь бы он простил ей мою выходку... он же думал, что она наябедничала, сама попросила меня вмешаться. Но вот...

— С тех пор Нина не любит вас, а ваши собаки — ее? — договорил Тимур.

— Ну да, — грустно усмехнулся Вячеслав Иванович. — Молодой я был, дурак. Нас в пединституте чему учили: Выготский там, Пиаже, стадии развития... Интериоризация, — усмехнулся старик. — А вот как родители детишкам голову могут заморочить, добра желая, — почему-то не рассказывали. Не замахивались на святое... И о том, что любого, кто между влезет, снесет, как бураном щепочку, не предупреждали.

— Нда, — пробормотал Тимур, думая о Лизе. К Вячеславу Ивановичу подошел Шмель, заскулил, сунул нос в ладонь.

— Да что ж такое, опять?! — воскликнул старик.

Шмель виновато застучал обрубком хвоста.

Он танцевал, тихо шаркая ногами в шерстяных носках по дощатому полу. Кружился по тесной кухне, раскинув руки, и вместо честного костра у него была лишь свеча да конфорка газовой плиты. Если бы увидел отец — убил бы со стыда, чтоб не позорил шаманский род. Но Петру уже было все равно. Ему уже давно было все равно. Предки смотрели на него из Верхнего мира и скорбно качали головами; из Нижнего мира на него смотрели демоны — и нетерпеливо раскрывали пасти. Сытая чайка, довольная чайка была щедра на ураганный ветер, на тонны снега. Запертые тайфуном люди города один за другим распахивали нутро на корм поморнику. Хищная птица будет добра к нему, своему последнему потомку.

Буран скреб снежными пальцами по подоконникам и стеклам, сквозняками пытался забраться в дом, тянул инеем по подоконнику, стучался в стены и крышу. Петр понимал, что надо отдохнуть. Дать передышку ногам, гудящим от напряжения, пальцам, сведенным в судороге. Но если тело можно было просто усадить рядом со столом, то ум не желал отдыха. Петр глядел на огонек свечи — сделанной из нефти свечи — а перед внутренним взором его бушевал тайфун. Ветер, подхватив снег, разбрасывал в воздухе изломанные узоры, и разум блуждал по их лабиринтам, ни на секунду не отпуская буран, ни на мгновение не расслабляясь. Лишь усилие воли держит тайфун над Черноводском; отвлекись, и вихри унесутся прочь, на свободу. Оставят город под гнетом сугробов и улетят навстречу грохочущему океану, чтобы кувыркаться над бездной, перекликаясь с чудовищами, живущими во тьме.

Мир то и дело проворачивался вокруг своей оси: то Петру казалось, что он дергает буран за невидимые нити, подчиня себе, а через секунду он уже чувствовал себя беспомощной

игрушкой во власти урагана. Он не удивился бы, сорви тайфун крышу с его дома — так чайка срывает кожу с колючей камбалы, чтобы добраться до нежного мяса.

Ветер не щадил ничего: пролетая по улицам, он срывал дорожные знаки, вывески с домов, козырьки подъездов... С треском рухнула во дворе старая ольха, и ее хрупкие ветки тут же унесло ураганом, а ствол уже еле виднелся под снегом. Городок съезжился под напором стихии, снег заносил дома и машины, белизна отъедала у ночи заборы, столбы и гаражи. В снежном водовороте кружились обломки пластика, листы жести, пакеты и мусор с городской свалки.

На законсервированной буровой между городом и аэропортом с протяжным железным стоном обрушилась нефтяная качалка, но люди, укрывшиеся за стенами общежития, не могли услышать этого за воем ветра. Людям, предназначенным в пищу Поморнику, не надо было знать, что происходит вокруг.

ГЛАВА 10

КАК УХОДЯТ С ШЕЛЬФА

Они лежали в темноте: Дмитрий — повернувшись лицом к стене, Лиза — на спине, глядя в потолок. Она не могла заснуть и знала, что отец тоже не спит. Громко тикал будильник с фосфорными стрелками, забытый, видимо, одним из нефтяников. Может быть, это Наталья завела его, когда они с отцом вошли в эту комнату, чтобы просто переждать бурю. Она вращала скрипучий ключик, и улыбалась, и не знала, что для нее вот-вот все закончится. Может, они тут целовались, пока появление остальных не заставило их выбраться из комнаты. Может, она сидела на той самой кровати, где сейчас лежит Лиза, и ждала, пока ее любимый уложит спать свою капризную дочку... И не выдержала, пошла поторопить его, и услышала полные злости слова, и...

Лиза, стараясь не издать ни звука, повернула голову. Шуршание волос по подушке показалось слишком громким. Стрелки будильника висели в темноте, мерцали призрачным зеленоватым светом, как фонарики, которыми глубоководные рыбы приманивают к своим пастям корм. Три часа ночи. Всего два часа прошло с тех пор, как она сидела на кухне с Тимуром и думала, что развод родителей — это самое ужасное, что может с ней случиться. Сквозняк злобно тряс двери, и откуда-то доносились тихие голоса — видимо, люди все еще обсуждали убийства. Лиза хотела быть с ними.

Неподвижно лежать здесь, стараясь ни звуком не привлечь внимания отца, было мучительно. Он не стал с ней разговаривать — просто приказал ложиться спать, выключил свет и рухнул на соседнюю кровать. Лиза не посмела спорить.

Снова хлопнула дверь. Из туалета донесся шум воды — похоже, кто-то решил принять душ. Новый порыв ветра бросил в окно горсть снега. Со стороны отцовской кровати донесся глухой, подавленный звук. Сообразив, что именно она слышит, Лиза похолодела. Она готова была снова оказаться в комнате с ожившим мертвецом, или один на один с убийцей, в погребенной под снегом машине, в падающем самолете... Где угодно — лишь бы не слышать сдавленных рыданий отца.

Это было невыносимо. Лиза выбралась из-под одеяла, пересекла комнату. Робко дотронулась до вздрогнувшего плеча.

— Иди спать, — глухо сказал Дмитрий.

— Папа...

— Иди, оставь меня в покое.

Он дернул плечом, и Лиза убрала руку.

— Мне тоже ее жалко, — пробормотала она.

— Не ври. Иди, радуйся. Ты же считаешь, что так мне и надо?

— Это ты считаешь, что так тебе и надо, — прошептала Лиза.

— Чтоооо?

Он, рывком сел, таращась в темноте на дочь.

— Я не хотела, чтобы тебе было плохо, пап, и мне правда очень грустно. Ты же не виноват, что в нее влюбился, и я тебя все равно очень-очень люблю, и не считаю, что ты плохой, не думай, я знаю, что ты хороший. Только не злись, пожалуйста...

— С чего ты взяла, что я злюсь? — прорычал Дмитрий и грохнул кулаком по тумбочке. Жалобно звякнул подпрыгнувший будильник. Лиза попятилась, сообразив, наконец, что говорит что-то не то и вообще, наверное, зря не сделала вид, что спит. — С чего ты вообразила, что я вообще что-то такое думаю? Кто тебе такую чушь внушил?

— Никита... — она осеклась, но было уже поздно.

— Никита, — ровным голосом повторил отец. — Значит, Никита. Воображаемый друг наговорил тебе гадостей обо мне с Натальей, и ты пришла, чтобы мне все это вывалить? Ты понимаешь, каково мне сейчас? Или ты делаешь это мне назло?

— Прости, я не хотела, — прошептала Лиза.

— Конечно, не хотела. Ты просто думаешь только о себе, так ведь? — ответил Дмитрий. — Тебе нет никакого дела до других.

— Нет, есть...

— Тогда ты просто ненормальная, — пробормотал Дмитрий и вдруг вскочил. Глаза его загорелись сумасшедшим вдохновением. — Нечего больше тянуть, — решительно сказал он и встал. Резким движением подтянул сползшие штаны, не глядя пригладил волосы. — Мы сейчас же идем к психиатру.

— Что?..

Лиза попятилась, но Дмитрий успел хватить ее за руку.

— Нет! Папа, пожалуйста, я больше не буду, не надо...

Лиза уперлась изо всех сил, но отец дернул ее за руку, и ноги заскользили по полу. Она упала и проехала с полметра на попе, пытаясь вырвать ладонь из жестких пальцев. Они безмолвно боролись в темноте, не видя друг друга, слыша лишь тяжелое дыхание, и стрелки часов плыли в пустоте, как фонарик... как будто они — рыбы в океанской бездне,

и во тьме их поджидают призрачные хищники. Наконец Дмитрий отпустил ее руку и толкнул дверь. Темноту прорезала полоса желтоватого света, выхватила сжатые в кулак руки, полусогнутые колени — как будто он собирался прыгнуть. Лиза судорожно вздохнула, стараясь не расплакаться в голос.

— Прекрати истерику, — сказал Дмитрий и снова поймал ее за руку. — Врач должен тебя посмотреть, я же о тебе забочусь! Или ты что, хочешь быть ненормальной? Тогда так и скажи, я перестану. Хочешь быть ненормальной — твое дело.

Лиза замотала головой; из горла вырвалось рыдание.

— Идем, — сказал Дмитрий. — И прекрати реветь, нечего притворяться.

Как только они вышли в коридор, Лиза немедленно замолчала и перестала сопротивляться. Даже представить было страшно, что кто-нибудь увидит, как отец силой тащит ее к психиатру. А если Тимур? А если отец скажет ему, в чем дело? От стыда Лиза готова была провалиться под землю. Пальцы, сжатые, как в тисках, отцовской ладонью, ныли от боли, но Лиза больше не пыталась вырвать руку. Она послушно стояла рядом, пока отец растерянно озирался, пытаясь сообразить, где искать Александра.

Всего комнат было двенадцать — когда-то месторождение казалось перспективным, к пяти уже установленным качалкам собирались добавить еще несколько, и постройка общежития на двадцать с лишним человек казалась разумным ходом. Однако, несмотря на большие запасы, добыча быстро стала нерентабельной — уж слишком неудобно располагались нефтеносные пласты. Буровую законсервировали, и постепенно ветшающая общага оказалась в распоряжении

сменяющих друг друга пар дежурных, дуреющих от скуки. Вечные черноводские ветра заносили ее то песком, то снегом, и налет заброшенности лежал на всем — будто еще немного, и здание превратится в ископаемое, надежно скрытое в осадочных пластах.

Вчерашним вечером все разбрелись по комнатам как попало, уверенные, что засиживаться не придется. Если бы не ожидание на чемоданах в Хабаровске и не кошмарный перелет — многие бы и вовсе не стали искать себе койку в надежде, что буран вот-вот утихнет и ночевать можно будет уже дома. Однако люди были вымотаны и почти сразу отправились отсыпаться. Даже встречающих кошмарная дорога из аэропорта почти лишила сил.

Ближайшую к кухне комнатку заняли Тимур и Вячеслав Иванович, еще в самолете почувствовавшие неосознанную симпатию друг к другу. Следующие две сейчас пустовали — совершенно очевидно было, что именно в них жили двое дежурных. В одной из них стоял крепкий табачный дух, на тумбочке лежал потрепанный детектив, а составленные одна на другую подушки еще хранили отпечаток спины. В другой кровать была аккуратно заправлена, зато тумбочка — вытащена на середину узкого пространства между койками, и на ней красовался недостроенный домик из спичек... теперь уже — навсегда недостроенный.

Дальше заночевали, неосознанно сбившись в кучу, геологи: Тофик с Лешкой в одной комнате, Аля и Нина — в другой. Дмитрий с Натальей заняли следующую, а в соседнюю комнату уложили спать Лизу — чтобы была под рукой, но не слишком мешала.

Как расположились остальные, Дмитрий толком не знал. Он только помнил, что в комнате через одну от Лизы, почему-то оказавшейся пустой, сейчас лежит под казенным

одеялом тело его жены. Тело, выпотрошенное, как туша животного, предназначенного в пищу. Откуда-то снизу, как сквозь вату, донесся тихий писк; он с удивлением опустил глаза и увидел свою дочь — ее лицо было напряжено и сморщено, по щекам катились крупные слезы. Он вспомнил, что хотел срочно поговорить с врачом. Секунду он колебался — очень не хотелось отпускать дочку и тем более оставлять одну; ему казалось, что неугомонная Лиза может сбежать и натворить что-нибудь. Но таскать ее туда-обратно по коридору тоже не хотелось. Наконец он решился.

— Стой здесь, понятно? — строго сказал он и наконец отпустил руку. Лиза сунула слипшиеся пальцы в рот, чтобы хоть как-то унять боль — в какой-то момент отец так сильно сжал руку, что он едва не закричала от боли. — Тебе понятно? — снова спросил Дмитрий. — Ни шагу отсюда, я сейчас приду.

Лиза торопливо закивала, и Дмитрий, сутулясь, зашагал к кухне.

Геологи вяло дожевывали гипотезу вырытой в сугробе пещеры. Всем четверым было очевидно, что проверить ее, пока не утихнет буран, никак нельзя, и они пытались найти разгадку, исходя из одной теории. Склонный водитель автобуса сидел рядом, но в разговоре не участвовал, только поглядывал — снисходительно на геологов, злорадно — на психиатра, отрешенно сидевшего там же с кружкой чая в руках. Что бы ни было на уме у Вовы — он явно пока предпочитал держать это при себе.

Увидев Дмитрия, все смущенно замолчали. Нина встала, сняла со стола остывший чайник, молча поставила на плиту. Один из геологов подвинулся, освобождая место у стола, но Дмитрий покачал головой.

— Мне бы с вами поговорить, — сказал он психиатру. Ему неловко было обращаться к нему при всех — не хотелось, чтобы о Лизе поползли слухи, — но он понимал, что рано или поздно все равно все узнают, что его дочь ненормальная. Как не жаль было Лизку — смысла прятаться он не видел.

К его удивлению, психиатр почему-то вообразил, что помощь нужна самому Дмитрию.

— Хотите еще успокоительного? — спросил он. — Не можете заснуть?

— Нет, все в порядке, — Дмитрий покосился на геологов. Те натужно смотрели по сторонам, а Нина не сводила глаз с чайника, будто пыталась вскипятить его взглядом. — Я в порядке, — повторил он. — Мне бы спросить кое-что.

— Пойдемте, — сказал психиатр.

— Пещера, пещера, — ядовито проблеял Вова, стоило им только выйти, и победно взглянул на геологов. — Зачем ему рыть нору в сугробе и морозить задницу, если можно спокойненько попивать с вами чаек?

Александр выслушал историю о воображаемом друге спокойно, почти скупающе. На его лице читалась лишь легкая досада — для человека, от которого потребовали профессиональной консультации в три часа ночи, он на удивление хорошо владел собой. Впрочем, Дмитрий досады не замечал, замороженный внимательным взглядом, энергичными кивками и всяческими «угу» и «так, так», на которые психиатр не скупился. В городе говорили, что главврач психбольницы — энтузиаст своего дела, и теперь Дмитрий видел, что это действительно так.

Пока отец рассказывал про Никиту, Лиза украдкой оглядывалась. Комната, в которой решил заночевать врач,

ближайшая к туалету, выглядела еще более запущенной и ободранной, чем все остальные. Здесь даже не было розеток — они были вырваны с мясом, а оставшиеся дыры заткнуты тряпками. На спинке стула висело что-то вроде пижамы из серой фланели, с завязками у ворота, — от нее так и несло безнадежностью, лекарствами и невкусной едой. Лиза вспомнила, что рукава этой или похожей штуковины торчали из-под свитера Александра, когда она увидела его первый раз.

Тем временем монотонный рассказ Дмитрия закончился. Он помолчал, выжидательно глядя на врача, но вердикта все не было, и тогда Дмитрий спросил:

— Так что, она у меня... ненормальная?

Лиза застыла перепуганной мышкой, сжав кулачки. На нее не смотрели, и это слегка успокаивало — как будто папа разговаривал с психиатром вовсе не о ней... и в дурдом, если что, отправят не ее, а какую-то совсем другую, незнакомую девочку. Уставившись в коленки, она ждала ответа.

— Как бы вам объяснить, — Александр сморщился, пощелкал пальцами. — Вы же геолог, да? Это как... шельф.

— Шельф? — недоуменно переспросил Дмитрий. Лиза тихо перевела дух — похоже, этот врач, как и многие взрослые, не мог просто сказать «да» или «нет» — сначала ему нужно было поговорить. Лиза сосредоточилась, чтобы в потоке слов не упустить самое главное.

— Представьте себе, что материк — это абсолютная норма, — заговорил психиатр. — Железная логика, непрошибаемый здравый смысл, полное владение собой, отсутствие всяческих иллюзий. И никаких особых черточек, никаких, даже мельчайших, странностей, ничего... отличного. А океанские глубины — это патология... это то, что надо лечить. Понимаете, к чему я клоню?

— А есть шельф, — Дмитрий задумчиво кивнул.

— А есть шельф, да. Кто-то ближе к материку, кто-то — ближе к глубинам... и некоторые соскальзывают и попадают, например, ко мне, — врач сухо улыбнулся. — Но большинство из нас так и плещется на шельфе всю жизнь.

— А Лиза?

— И Лиза тоже. Возможно, чуть дальше от материка, чем вам хотелось бы.

— Но этот воображаемый друг! Я думал, она его еще в первом классе выкинула из головы.

— Послушайте, Дмитрий, — психиатр поморщился, — вы уж извините, что я оказался в курсе...

— Весь город в курсе, — мрачно буркнул тот. — Валяйте.

— Да, маленький город, ничего не поделаешь. Так вот, насколько я понимаю, Лиза с лета испытывает сильный стресс. Вы понимаете, какое потрясение для ребенка — ваш развод?

— Понимаю. Я стараюсь... смягчить... старался... — Дмитрий судорожно сглотнул. — Чтоб подружились...

— Когда обстоятельства становятся невыносимыми — человек начинает искать убежища от давления, от ответственности, от тяжелых эмоций, с которыми не может справиться, — и его психика возвращается в более раннее состояние. Это случается и с взрослыми. А уж с детьми — через раз...

— Так что она, получается, впала в детство?

— Ну, можно и так сказать. Регрессировала под влиянием стресса. Это с одной стороны. С другой — бабушка с дедушкой разговоров избегают, энергии, чтобы заводить новых друзей, нет... А друг, близкий человек, с которым можно разделить переживания, от которого можно получить поддержку, нужен как никогда. Друг, который поможет осознать тяжелую правду и примириться с ней... И вот снова

появляется Никита. Это даже говорит о душевной силе — то, что девочка может сама поддержать себя, хоть и в такой странной на наш взгляд форме... И это пройдет само собой, как только Лизина жизнь войдет в колею. Лиза, ты что-то спросить хочешь?

Лиза вздрогнула от неожиданности — она была уверена, что о ней так и не вспомнят. Главное она поняла — что, как Буратино, который был скорее жив, чем мертв, она — скорее нормальная, чем нет. Сообразив это, девочка слегка расслабилась, и, видимо, ее движение привлекло внимание врача.

— Нет...

Лиза покосилась на отца — тот вроде бы уже не выглядел таким напуганным и рассерженным, но брови еще хмурились, и губы были сжаты.

— Спрашивай, не стесняйся.

— Лиза, не ломайся, — вмешался отец, — хочешь что-то спросить — говори. Четыре утра, человеку спать давно пора, а ты резину тянешь.

Лиза неуверенно повела плечом. Конечно, лучше бы спросить без папы, но она не была уверена, что сможет заставить врача одного. Она собралась с духом.

— Ну... а почему Никита злой такой?

— Говорит гадости? Пугает тебя? И ты не можешь заставить его замолчать?

Лиза вдруг поняла, что врач весь подобрался, глаза заблестели, — будто вот-вот прыгнет. По позвоночнику пробежал холодок. «Ненормальная! — взвизгнул торжествующий голос Никиты. — Ненормальная!». Лиза выдавила кривую улыбку и покачала головой.

— Заставляет тебя что-то делать? — продолжал отрывисто сыпать вопросами психиатр. — Говорит про тебя что-то нехорошее?

— Нет-нет, просто... ну, знаете, мальчишки они вредные такие, — скороговоркой произнесла она. Александр слегка расслабился, но внимательный блеск в глазах не погас.

— Нда... — протянул Дмитрий. — Только вот... Лиза, иди-ка к себе.

Лиза послушно вышла, огляделась по сторонам. В коридоре никого не было. Она прошла несколько шагов, топая нарочито громко, а потом вернулась и припала ухом к тонкой фанере.

— ...детсадовский друг... был убит, — расслышала она голос отца.

Воспоминание обрушилось на нее, как многотонная снежная лавина. Чувство было такое, будто она прижалась лицом к обледенелому стеклу и простояла так несколько часов. Лиза закрыла глаза и услышала громкий скрип «гигантских шагов». Он заполнял собой все, и детские голоса звучали на его фоне приглушенно, будто издалека...

...Она страстно, до дрожи хочет прокатиться, и этот яркий осенний день, запах хвои, пылающие оранжевым лиственницы, заросли стланика вокруг площадки и смерзшийся, хрусткий песок под ногами — все вращается вокруг высокого столба с вертушкой, с которой свисают длинные черные петли. Больше всего на свете Лиза хочет навалиться животом на одну из них и побежать вокруг столба, отталкиваясь ногами, с каждым шагом пролетая все дальше, все выше, как в волшебных семимильных сапогах, пока весь парк не начнет вращаться вокруг. Это лучше качелей, это лучше любой карусели. Это почти как настоящий полет — Лиза точно знает, ведь она часто летает во сне...

Петель должно быть четыре, но одна из них оборвана — высоко-высоко в ультрамариновом небе парит черный

огрызок. А остальные три заняты. Лиза прикидывает, может ли она спихнуть кого-нибудь и занять его место, но тут же со вздохом отказывается от этой идеи: все дети крупнее и сильнее ее, ей не справиться. Она пыталась попросить, чтоб ей освободили место, но над ней, конечно, только посмеялись, и какое-то время она тихо ныла, выпрашивая свою очередь прокатиться. Теперь же Лиза просто молча, с иступленной надеждой ждет, что кто-нибудь из этих сильных и страшных ребят накатается до того, как их группу поведут обратно в садик. Она знает, что желающих покататься много, и поэтому стоит так близко, что рискует быть сбитой с ног, однако не намерена отходить ни на шаг.

— Да ну их, — говорит Никита, который тоже отчаянно хочет прокатиться, но не так терпелив, как Лиза. — Пойдем лучше шишек наберем!

Лиза косится на стланик. Уходить с площадки категорически запрещено, но воспитательница как раз смотрит в другую сторону. Если убежать прямо сейчас, а потом выбрать подходящий момент, чтобы вернуться, — никто не узнает, и их даже не наругают. Лиза колеблется. Ей нравятся липкие темно-пурпурные шишки, покрытые сизым налетом, и хвойно-молочный вкус недозрелых орешков. Ей нравится лабиринт стланиковых зарослей, где земля усыпана толстым слоем хвои, а сливающиеся над головой ветви образуют целые тоннели. А на упругих, растущих почти параллельно земле стволах можно здорово покачаться — и это возвращает мысли Лизы к «гигантским шагам». Она решительно мотает головой.

— Ну, Лизка, ну пошли, — ноет Никита и тянет ее за рукав, но Лиза выдергивает руку. Никита канючит, но Лиза только трясет головой и сурово сжимает губы. Она дождется, дождется своей очереди.

— Ну и стой тут, как дура, — обиженно говорит Никита и уходит, громко сопя. Лиза с сомнением оглядывается, готовая уже броситься следом, но тут вращение гигантских шагов замедляется, и в ее сердце снова вспыхивает надежда, заслоняя обиду друга. В конце концов, ей удастся немного прокатиться — но вскоре Лизу спихивает более сильная и храбрая девочка, и она, разочаровавшись, идет искать Никиту. На площадке его нет, и Лиза, дождавшись, пока воспитательница отвернется, ныряет в кусты.

Несмотря на то, что день прохладный, под сводами стланика, в тишине и безветрии, почти жарко, как в теплице. Воздух здесь густой и сладкий; молодая пихточка, перегретая на солнце, пахнет малиновым вареньем. А вот, наконец, и Никита: валяется на теплой мягкой хвое, глядя в переплетение ветвей над головой. Высунул язык да еще глаза выпучил — дразнится. Руки у шеи, обмотанной чем-то черным...

— Хватит придуряться, — сказала Лиза и сделала еще шаг. В воздух с гудением поднялась туча мошки; Лиза раздвинула ветви и увидела, что из-под расстегнутой куртки Никиты вываливается что-то вроде вымазанных какой-то красно-коричневой дрянью ребристых шлангов, и по ним ползают толстые зеленые мухи...

Так их и нашли — мертвого Никиту и стоящую над телом друга безмолвную Лизу. Она не помнила об этом, не знала ничего до сегодняшнего дня, когда подслушанные слова отца прорвали и без того истончившуюся пленку, отделяющую ее от кошмара.

— ...так вы считаете, что все в порядке?

— Я понимаю, что вы волнуетесь, и повод для беспокойства действительно есть. Но, согласитесь, это лучше, чем

ночные кошмары и энурез, правда? Это очень тяжелая травма. Это, возможно, почти невыносимое чувство вины — ведь, если бы она не отказалась играть с ним в тот день, убийца, возможно, не напал бы на них двоих разом, и мальчик бы не погиб. И поэтому она не может принять его смерть и продолжает дружить — уже как с воображаемым существом. Психика девочки справляется с потрясением весьма своеобразным способом... но справляется же! Пока она осознает, что Никита существует только в ее воображении, все будет в порядке. А она это осознает очень хорошо, и нет никаких причин считать, что что-то изменится...

Александр помолчал, глядя на занесенное снегом окно. Дмитрий тоже не говорил ни слова, пытаясь переварить услышанное.

— Но должен вам сказать, — печально сказал психиатр, — что, если вдруг... это маловероятно — но вдруг — эта особенность начнет прогрессировать, если дело дойдет до того, что понадобится стационар, — это вряд ли, не пугайтесь... но тогда придется везти девочку на материк. Нашу больницу закрывают, слышали?

Его губы сжались, углы рта опустились в гримасе злобы и отвращения.

— Дом отдыха для начальства? — сочувственно спросил Дмитрий. — Я думал, это пустые слухи...

— Нет. Заметили, что к Баринову приехал гость? Конечно, заметили, такую тушу трудно пропустить. Баринов называет его партнером по бизнесу, ха-ха! Такой же бандит. Все уже решено. Я сопротивлялся до последнего, я дневал и ночевал в райкоме, но... Этот Тимур, — психиатр снова дернул уголками рта. — Делает вид, что не знаком с бандюками. Приехал, чтобы убрать меня.

— Что?!

— Да, да. Вы обещаете никому не говорить? Они думали, что я сдамся, а когда поняли, что это не пройдет и я буду отстаивать больницу до последнего — решили устранить меня. Они наняли моего соседа, этого Вову, который притворяется водителем автобуса... Вы знали, что он служил в диверсионном отряде? Да, вот так. Он пытался убрать меня — ему выдали спецоружие, оно действует через малейшие отверстия в стенах, он собирался воспользоваться розетками... Но я вовремя догадался, в чем дело, и принял меры. И тогда они заперли меня в моей же больнице и вызвали Тимура, он — профессиональный киллер высочайшего класса, вам и не снилось. Все это подстроено. — Психиатр остро взглянул на потрясенного Дмитрия сквозь поблескивающие очки. — Но я смог уйти, они до меня не доберутся. Я могу противостоять им силой мысли, у меня есть навыки и право это делать. Не говорите никому, этим вы только зря подвергнете людей опасности. Мне очень жаль, что ваша жена...

— Что?! — снова воскликнул Дмитрий неестественно тонким голосом.

— Ваша жена стала жертвой заговора против меня. Мне очень жаль.

— ...маман его, конечно, всем бросилась рассказывать, что сынок перенапрягся и отправился отдыхать на материк, но правды-то не скроешь.

— Да, и твоя болтовня тут совершенно не причем, — буркнул Лешка.

— А что — болтовня, он на всю улицу орал, когда за ним приехали, да и до того... Это вы такие наивные, ученые, ничего вокруг себя не видите.

— Нас всех не было в городе, — сухо напомнила Нина.

— Психиатр съехал крышей на почве своей больницы, — покачала головой Аля. — Какая печальная ирония. На это же не значит, что он убийца!

— Ну, меня он убить пытался, — пожал плечами Вова, — потому в дурку и отъехал. До того все делали вид, что с начальником все в порядке, а что розетки фольгой заклеивает — так это так... дурной пример пациентов. И смотри: он же сбежал, правильно? Да точно говорю, спер одежду, лыжи и сбежал, ботинки ему малы, ходит, как калеченый. Хотел здесь отсидеться, а тут дежурные. Вот он их и замочил, чтоб не сдали. А пока он там, в дежурке возился, мы приперлись... Он теперь, пока нас всех не перемочит, не успокоится!

— Ну, предположим, что он настолько свихнулся, хотя по нему и не видно, пожал плечами Тофик. — Но зачем... так-то? Ты видел, что с Натальей сделали, — он передернулся. — И дежурных так же...

— Так маньяк же, — задумчиво объяснил Вова.

— Ты, по-моему, сам маньяк, — осадила его Нина. — Это ж надо до такого додуматься.

— Я вам говорю, он за свою больницу кого угодно замочит! Псих же! Вам хорошо говорить, а я с ним на одной площадке живу, достал он меня вот как, — Вова похлопал по горлу, — то ему шумно, то корефаны мои не нравятся, то мотоцикл мешает, задрал! Но теперь все, теперь не отвертится. Я вам говорю — его запереть надо, пока он никого больше не грохнул.

— А что он тогда на Барина не наезжает? — спросила Нина. — Он же тогда, выходит, главный злодей.

— Ссыт, наверное. — Или выжидает, задумал что. Кто ж их, психов, поймет?

Нина пожала плечами.

— Знаешь, Вова, я бы на его месте тебя, трепло, первым замочил, — сказал Лешка. — Еще б и с удовольствием.

— Да пошел ты. Я вам говорю, его запереть надо, пока еще кого-нибудь не грохнул, — водитель встал, потянулся. — Ну как хотите. Я-то свою дверь изнутри подопру, чтоб в постели не зарезал.

— Пойду-ка я тоже, — зевнула Нина. Сполоснула свою кружку, с грохотом поставила у раковины. — Аля, ты как?

— Я еще чаю выпью, не спится. Страшно... — она покосилась на коллег. — Вы же еще посидите?

Тофик и Лешка молча кивнули. Взвизгнул во сне Шмель за стеной. Из дальнего крыла едва слышно доносились призрачные бубнящие голоса. Где-то грохнула дверь.

— Ого, как сквозит, — сказал Тофик. — Похоже, еще сильнее задуло. Лешка, когда успокоится-то?

— А я откуда знаю?

— Приметы должен знать, местный ты или где?

— Или где, — привычно ответил Лешка. — Хочешь, расскажу тебе сказку про приметы, а ты их потом сходишь на улицу, поищешь?

— Да иди ты, — беззлобно огрызнулся Тофик. — Тошно мне. Пятнадцать лет, как сюда распределили, а все тошно, не привыкну никак. Плохое это место для людей...

— Про это тоже сказку могу, — без улыбки откликнулся Лешка.

ГЛАВА 11

БЕССОННИЦА

Дмитрий постоял в коридоре, тупо рассматривая ссадины на костяшках правой руки. Голова гудела, переполненная мыслями и эмоциями. Он влюбился, как мальчишка, и не мог больше притворяться, не мог скрываться — да и много ли спрячешь в Черноводске... Он послал к черту прежнюю жизнь — но теперь его любовь мертва, а с дочкой происходит черт знает что. Страх за психическое здоровье Лизы он испытывал постоянно с тех пор, как случилась эта беда с мальчиком. Он знал, что от такого и взрослый может сойти с ума, и чуть не ударился в панику, когда дочка начала твердить о Никите. Жена тогда отговорила его обращаться к специалистам. И, может быть, правильно сделала — нарвались бы на такого... Как он посмел, чертов псих, нести такую чушь... Но он всегда волновался за нее. Она была слишком хрупкая, слишком хорошенькая, слишком... чувствительная? И у нее всегда было такое бурное воображение, всякие фантазии. Он все девять лет беспокоился за нее, а с того момента, как решил развестись, стал беспокоиться так сильно, что старался держаться отстраненно, чтобы не сойти с ума.

Дмитрий заглянул в комнату — его дочка была послушной девочкой, но в последнее время слишком много капризничала, и надо было проверить, на месте ли она. Лиза лежала лицом к стене, свернувшись в комочек, ее сонное дыхание

было медленным и ровным. Спутанные русые волосы, торчащие лопатки — дочка сильно вытянулась за лето и теперь выглядела совсем тощей. На него нахлынула нежность, беспокойство, смутное раскаяние. Мелькнула мысль подойти, обнять, сказать, как он ее любит и как жалеет о том, что случилось, — но здравый смысл подсказал, что девочке лучше поспать. Она и так совсем измучилась; не стоит сейчас лезть со своими чувствами.

Спать не хотелось. Он тихо прикрыл дверь и побрел на кухню. Осторожно заглянул — он бы не вынес сейчас слишком большой компании и шумных разговоров; но за столом сидели только Аля и Тофик, и он почувствовал мгновенный проблеск тихой радости — эти двое были способны на сочувствие, но не стали бы лезть ему в душу. Они были безопасны.

— Чаю будешь? — спросила Аля, когда он уселся за стол. Он кивнул, подвинул к себе сахарницу. Рука ходила ходуном, и, чтобы не расплескать чай, он обхватил кружку обеими ладонями.

— Вы знали, что этот психиатр — на самом деле полный псих? — пробормотал он.

— Да вот только что узнали, — проворчал Тофик.

— Он... он сказал, что за ним охотятся... и что Наталью, может быть... — он судорожно вздохнул, поднял красные глаза. — Как вы думаете, мог ли Барин... да нет, конечно, нет, бред, бред, бред...

— Ох, Димочка, бедный, — проговорила Аля и обняла его.

На мгновение он позволил себе уткнуться лицом в ее мягкое плечо, бездумно насладиться теплом круглых белых рук, вдохнуть запах, в котором было что-то от молока и что-то — от свежего теплого хлеба. Он почувствовал себя маленьким и защищенным — эти руки способны были оградить его от всего мира.

— Бедный мой, — повторила Аля.
Дмитрий выпрямился и вытер глаза.

Услышав, как закрылась за отцом дверь, Лиза, наконец, позволила себе вздохнуть. Сердце все еще билось, как сумасшедшее, — несколько секунд казалось, что он подойдет сейчас к кровати, положит тяжелую добрую руку на голову, заговорит... снова станет тем папой, который так любил ее. Но он ушел. Несколько минут Лиза плакала, а потом снова начала думать о Никите.

Наверное, ее не зря все время называли эгоисткой. Она променяла друга на «гигантские шаги» — и его убили. Она не захотела, чтобы папа уходил к Наталье, — и ее убили тоже... Внезапно Лиза задохнулась от ужасной догадки: это сделал один и тот же человек... кто-то ужасный, кто ходит за ней по пятам и наказывает каждый раз, когда она поступает неправильно...

Она снова заплакала. Ей нужно было поговорить хоть с кем-нибудь, она звала Никиту — но тот не шел. Стоило памяти проснуться — и друг вернулся туда, где она на самом деле видела его в последний раз: в заросли стланика вокруг детской площадки, мертвый, безнадежно мертвый... Лиза дотронулась до кулона. Что, если бы у нее тогда был воробушек? Смогла бы она оживить Никиту? Смогла бы дружить с ним — или он, как и Наталья, мог бы только стонать от боли и смотреть обвиняющими, застывшими глазами, залепленными жадной до плоти мошкой? Наверное, он бы тоже ее ненавидел. На мгновение она представила, как мертвый Никита поднимается и медленно подходит к ней. От него пахнет несвежим мясом. Над его головой кружатся мухи. Он снимает с шеи резиновую петлю от «гигантских шагов» (Лиза видит на его горле синюю борозду с наплывами белой

плоти по краям). «Это твое», — говорит Никита и накидывает петлю ей на шею...

Лиза захрипела, хватаясь за горло — фантазия получилась настолько яркая, что она и в самом деле начала задыхаться. Никита ненавидел ее, даже воображаемый, — иначе, зачем бы он уверял, что исправить ничего нельзя? Он просто врал, чтобы наказать, и у него были на то причины — очень серьезные причины. Но папа, похоже, действительно больше не любит ее...

— Тогда я найду убийцу, и пусть папа ненавидит его, — сказала Лиза решительно и села на кровати.

Ничего, что буран — она маленькая и легкая, она может ползти по сугробам и не проваливаться. Вряд ли убийца спрятался далеко. Вряд ли сидит в темноте — чтобы не замерзнуть в снежной норе, ему нужна хотя бы свечка... Лиза уже почти видела это призрачное желтоватое сияние, исходящее из особенно большого сугроба. Она увидит. Она найдет маньяка, вернется и скажет отцу: я знаю, кто убил Наталью. Он прячется в снежной пещере рядом с качалками. Он не догадывается, что я его нашла, и я могу отвести тебя туда, чтобы ты его поймал и... и отомстил ему. И чтобы ты снова мог меня любить...

Дальше она размышлять не стала. Пора было действовать.

На удачу Лизы, в коридоре никого не было, все двери — закрыты. Она схватила в охапку свои вещи; потом, секунду подумав, повесила куртку на место и вместо нее взяла один из ватников. Внезапно пахнуло оттаявшей водянистой кровью, и Лиза на миг застыла в ужасе: показалось, что если она обернется, то увидит Наталью, глаза которой по-прежнему покрыты коркой льда, а скрюченные пальцы тянутся, чтобы

сомкнуться на горле. Волоски вдоль позвоночника встали дыбом, живот скрутило. Набрав в легкие воздуха, Лиза резко обернулась, готовая закричать.

Никого. Лиза выдавила сухой смешок и вернулась к вешалке. Запах ей не почудился, но теперь она понимала, что кровью несет от груды ватников и тулупов. Запах мешался с вонью прелых тряпок, табака, мазута... Лиза пожала плечами и сняла с вешалки ватник, который показался ей поменьше других. Оценивающе посмотрела на валенки — куча изрядно уменьшилась, все, у кого не нашлось с собой тапочек, предпочли поменять свою приличную обувь на нелепый, но теплый и удобный войлок. Но для Лизы тут, к сожалению, ничего подходящего не было — в любой она могла влезть целиком.

Прижимая тяжелое зимнее шмотье к животу, она протиснулась в тамбур между входными дверями и принялась одеваться. Шарфа не было; Лиза выглянула из своего убежища и увидела, что он валяется на полу — видно, выпал из рук, пока она возилась с остальной одеждой. Лиза собралась было выскочить и схватить его, но тут послышались шаги, и она замерла в узком пространстве между дверьми, надеясь, что сюда никто не заглянет.

Человек прошел мимо. Лиза натянула перчатки и мрачно посмотрела на обитую дерматином, пухлую, как подушка, дверь. Кое-где обивка порвалась, и из-под нее лезли клочья синтепона. Лиза глубоко вздохнула, как перед нырком, и выскочила на улицу.

Ветер тут же ударил в лицо, вышиб из легких весь воздух. Лиза согнулась пополам, защищая лицо от режущих порывов. Вой пурги оглушал, снег забивал нос и глаза, руки быстро немели от холода — как будто нечто нарочно лишало ее постепенно всех чувств, превращая в безжизненную колоду.

В мертвеца. Мира не было — только буран, только снег и тьма, и скорлупка здания казалась тоненькой и хрупкой. Еще один порыв ветра, и ее продавит, свет погаснет, тепло унесет, и спрятавшиеся от тайфуна люди достанутся чудовищам, бродящим вокруг. Сидя в общежитии, можно было спокойно пережить буран. Но стоило сунуться на улицу — и становилось понятно, насколько непрочны их укрытие.

Едва слышный голос здравого смысла зашептал, что попытка бесполезна — тайфун не даст уйти далеко, и даже если Лиза сможет преодолеть напор ветра и снега — то ничего не сумеет рассмотреть. Она не увидит не только убежище убийцы, но и дорогу назад. Стоит сойти с крыльца — и вернуться уже будет очень, очень трудно. Так трудно, что, скорее всего, она останется в одном из сугробов, и снег занесет ее так быстро, что, когда кто-нибудь спохватится, ее тело уже будет не найти.

Лиза до боли закусил губу и сделала шаг вперед.

Она сумела пройти метров двадцать по направлению к качалкам, когда вой бурана поменял тональность, разделился на два голоса. Из сплошной стены снега на Лизу вылетело что-то темное. Ее сбили с ног. Лиза упала на спину; сверху навалилась тяжесть, больно надавило на ребра. По лицу будто провели горячей мокрой тряпкой, и в нос ударил запах нечищенных зубов и псины. Лиза уперлась обеими руками в мохнатое, теплое под налипшими сосульками, но тут тяжесть с груди исчезла.

— Шмель! — завопила она, вне себя от возмущения и еще не схлынувшего страха. — Ты глупая собака!

Шмель снова прыгнул, пытаясь положить лапы на плечи, но Лиза уже была готова к этому и смогла отпихнуть пса. Он сел, улыбаясь во всю бородатую пасть — в темноте он по-прежнему выглядел мохматым пятном, и лишь клыки белели на фоне темной морды. Лиза попыталась встать; руки

тут же по плечи провалились в снег. Несколько минут она ворочалась в сугробе, борясь с подступающей паникой и стараясь не думать о том, что будет, если она так и застрянет здесь. В конце концов, она смогла выбраться.

— Дурацкая собака, — сердито сказала она Шмелю, отряхиваясь. — Разве можно так прыгать?

Ворчала она больше от пережитого испуга, от обиды стараясь не слишком показывать свою радость. Еще во время сборов у нее мелькнула мысль, что с собакой искать было бы намного легче — но, чтобы взять с собой Шмеля, надо было спросить разрешения у Вячеслава Ивановича, а он бы, конечно, сразу запретил бы ей выходить на улицу, да еще, пожалуй, рассказал бы отцу. Лизе не пришло в голову, что старик просто выпустит пса побегать самого — это было странновато, но, с другой стороны, многие в Черноводске так делали. Появление Шмеля было удачей. Теперь можно было положиться не только на собственные глаза, залепленные снегом, но и на собачий нюх.

Лиза ухватила пса за ошейник.

— Ищи, Шмель, ищи, — проговорила она.

Пес оглядывался, умудряясь одновременно поджимать хвост и вилять им. Лиза давно уже не понимала, куда идет, но Шмель явно знал направление — он целеустремленно тащил девочку за собой.

— Хорошая собачка, умница, — задыхаясь, прошептала Лиза. И почему Вячеслав Иванович называет Шмеля дурачком? Пес вел ее к убийце; вот-вот Лиза узнает, где он прячется, — и тогда, наверное, заслужит прощение... или хотя бы отомстит.

Внезапно Шмель одним прыжком развернулся и зарычал. Лиза оглянулась; ноги завязли в снегу, она потеряла равновесие и упала. Со стороны дома на нее надвигался

человек — огромный, толстый, неуклюжий. Он приближался медленно и неумолимо, он казался частью ночи, и только бледные огоньки окон позволяли разглядеть кошмарный силуэт... Шмель рычал и взлаивал, в его голосе прорезались истерические нотки, а Лиза все барахталась в снегу, не в силах встать и все явственнее понимая, что убежать не удастся. Она хотела найти убийцу — но вместо этого была найдена сама. Силуэт становился все отчетливее, и теперь Лиза видела в его руке нечто темное, длинное и гибкое. Кошмарно похожее на кусок резиновой петли.

— Зачем ты вышла? — проговорил человек, стоя над беспомощно лежащей девочкой. Хотела найти тебя, подумала Лиза, но тут человек приблизил лицо, и она наконец-то смогла разглядеть его черты. С невыразимым облегчением она узнала Нину, закутанную в тулуп. Шмель снова зарычал, но теперь это казалось даже забавным.

— Отстань, Шмель, — раздраженно буркнула Нина собаке и дернула Лизу за руку, помогая встать. — Лиза, что ты еще выдумала, разве так можно! Быстро надень шарф, горло простудишь... и бегом обратно, пока твой папа не заметил, ему только твоих выходок сейчас не хватало!

Лиза покорно протянула руку за шарфом, но Нина сама накинула его на Лизу и затянула на горле узлом. На мгновение замерла, держа в руках концы и глядя на девочку. «Если она завяжет шарф туже, я задохнусь и умру, как все они, — подумала Лиза с отстраненным спокойствием. — Она может задушить меня — стоит только потянуть за концы». Сердце забилось быстрее, но Лиза не могла даже пошевелиться, словно загипнотизированная. Нина все смотрела, застыв, будто в нерешительности.

— Ты для папы что угодно готова сделать, да? — спросила она каким-то надтреснутым голосом. Лиза смущенно

кивнула. — Я понимаю... Я тоже хотела бы, чтобы мой отец меня простил. Бедная моя...

Лиза вдруг почувствовала, что Нина действительно понимает. Горло засадило от подступающих слез, перед глазами поплыло, и шарф на горле вдруг стал колючим и тугим.

— Лиза!

Из бурана вынырнул Тимур. Нина выпустила концы шарфа и отступила.

— Лизка, ты с ума сошла, — пробормотал Тимур, подхватывая девочку на руки. — Ты...

Внезапно он осекся и внимательно посмотрел на Нину.

— Не вы одни о ней заботитесь, — сердито сказала она.

Тимур пожал плечами.

— Не говорите папе, — безнадежно попросила Лиза. Уши у нее горели, и лицу было жарко, несмотря на ветер и снег.

— Не скажем, — серьезно ответил Тимур, и Лиза со смутным удивлением поняла, что он говорит правду. — Чего тебе, Шмель?

Пес кружился вокруг людей, подвывая и взлаивая, отбегал на метр, а потом возвращался.

— Он хочет показать, где прячется убийца, — прошептала Лиза. Тимур нахмурился. — Он вел меня, а потом нас догнала Нина...

— Услышала, как хлопнула входная дверь, выглянула посмотреть... нервы, знаете ли. — Тимур приподнял бровь, будто сомневаясь, что у Нины есть нервы, но та не обратила внимания. — Смотрю — Лизкин шарф валяется. Накинула тулуп и бросилась догонять. Хорошо, что следы не успело замести. Чем ты думала, Лиза? А если бы мы тебя не нашли?

Лиза сердито пожала плечами. Шмель все скулил и вертелся; он даже осмелился прихватить руку Тимура зубами и слегка потянуть.

— Собака что-то показать хочет, — буркнула Нина. — Не нравится мне...

— Вот что, — решил Тимур, — ведите девочку в дом, а я посмотрю.

— А с чего вы вообще на улицу вылезли? — с подозрением спросила Нина. Тимур дернул щекой.

— Вячеслав Иванович вывел Шмеля и с тех пор не возвращался. Уже минут сорок прошло. Даже если у собаки запор — слишком долго.

— Я думаю, что запор у Вячеслава Ивановича, и вы найдёте его в туалете, — проворчала Нина и взяла Лизу за руку. — Пойдем, пока отец не спохватился.

Лиза сделала пару шагов, виновато оглянулась на Тимура. Лучше бы она осталась с ним — но девочка понимала, что спорить бесполезно. Они уходят в свет и тепло, а он остается здесь, посреди бурана. Будто прочитав ее мысли, Нина обернулась.

— Будьте осторожны, — буркнула она в спину Тимуру. Тот уже брел следом за Шмелем, по пояс, проваливаясь в снег.

— Я его подожду, — сказала Лиза, как только они вошли внутрь.

— Как хочешь, — сухо ответила Нина, — разденься только и отряхнись, а то все мокрое будет. И горячего тебе надо попить, чтоб не простыла...

Лиза покачала головой. С кухни доносился вялый, неживой голос отца. Лиза не хотела с ним встречаться. Ей не с чем было прийти к нему, нечего сказать.

— Как хочешь, — снова сказала Нина и прислонилась к стене, сложив руки на груди.

Ждать пришлось недолго. С улицы донесся скорбный вой. Тимур ввалился, таща за собой Шмеля. Тот упирался всеми

лапами, пытался вывернуться из туго застегнутого ошейника и отчаянно скулил. Лиза невольно подалась вперед, чтобы защитить пса, но Тимур уже отпустил его. Шмель тут же метнулся обратно к двери и зацарапал ее лапами. По общезнанию разнесся горестный лай.

— Нина, — проговорил Тимур, и с лица женщины схлынула краска — только два коричневых пятна остались тускло гореть на посеревших скулах. — Нина, — повторил он. — Мне очень жаль.

Нина качнулась обратно к стене, обхватила щеки ладонями.

— Тоже? — еле выговорила она. Тимур кивнул.

— Девочка не дошла буквально пяток метров. Слава богу. Не надо ей видеть, такое никому не надо видеть...

Лиза села на пол, обняла рвущегося пса — и Шмель затих, тонко поскуливая. «Тише, — бормотала она, — тише, бедненький...». По щекам текли слезы. Она не была толком знакома с Вячеславом Ивановичем, но он нравился ей — добрый старик со смешной собакой. В коридоре появился заспанный, растрепанный Лешка — будто бывшие ученики шли на таинственный зов.

— Вячиваныч? — спросил он. Маленький веселый Лешка будто бы осел и стал еще ниже, словно на глазах превращался в кучу пустых тряпок. — Я думал, он вечный, — хрипло проговорил геолог и закрыл лицо руками.

— Так, больше никаких прогулок, — проговорил Тимур. — Только... я думаю, надо принести его сюда. Как-то нехорошо. Вы мне поможете?

Лешка кивнул и бросился одеваться, не попадая в рукава и роняя вещи.

Ночь бесконечна, и бесконечен буран, и чудища-качалки будут трясти головами, пока снег не погребет их, и они

не превратятся в ископаемые. На часах уже утро, но рассвет никогда не наступит. Снаружи — только смерть и тьма, и все расползлись по норам, попрятали головы под пыльные одеяла и лежат неподвижно, пока их души стонут от мертвящего ужаса.

Тимур потрепал жесткие собачьи уши — Шмель поднял на него полные горя желтые глаза и снова уткнулся носом в холодные хозяйские тапочки. Наверное, все-таки медуза, думал Тимур. Судя по следам, Вячеслав Иванович не сопротивлялся, и на его замерзшем лице до сих пор читалось горестное недоумение. Тимур не мог представить, чтобы старый учитель позволил убить себя, как безвольную курицу. У девочки предмет, но она физически не может быть убийцей. Хотя — кто станет ожидать опасности от ребенка? Никто бы не смог разгадать ее намерений до последнего... Тимур повертел эту мысль и выбросил из головы — не признаваясь себе, он просто не хотел подозревать Лизу.

Но, может быть, она хранит предмет, а убийца берет его, чтобы попользоваться? Нет, не сходится, ничего не сходится... Пока он не узнает, что именно висит на желтом затертом шнурке на тонкой Лизиной шее — размышлять бесполезно.

В дверь поскреблись. «Открыто», — негромко отозвался Тимур. Он не слишком удивился, увидев на пороге Лизу. Молча кивнул, приглашая войти. Девочка с застенчивым видом протиснулась в комнату, села на пол рядом со Шмелем, погладила мокрую холку.

— Мне страшно, — смущенно сказала она. — Можно, я у вас посижу?

— Конечно. Папа тебя не потеряет?

— Папа спит, — грустно ответила Лиза. — И с ним тоже страшно. Он как мертвый теперь...

Она непроизвольно дотронулась до груди, где под свитером угадывались очертания предмета. Может, считает его талисманом?

— Все как мертвые, — продолжала Лиза, — а бандиты у себя в комнате сидят и матерятся друг на друга и на стюардессу... Я подслушала, — виновато объяснила она. — Вам не интересно?

Тимур искренне задумался. Могут ли замысловатые отношения наркоманки-стюардессы и местных бандитов иметь отношение к предмету? Вряд ли... На фоне бродящего в буране потрошителя братки выглядели невинными овечками. А может, сам Джек-Потрошитель бродит по Черноводску? Ходили же легенды, что этими зверскими убийствами маньяк пытался купить себе вечную жизнь. Может, удалось?

Да нет, чепуха. Это все буран — еще немного посидеть взаперти, и крыша съедет окончательно. Два мертвеца снаружи, два — в доме, и еще неизвестно, не появятся ли другие. Поневоле начнешь думать о лондонском маньяке, когда снег хоронит тебя заживо, и конца бурану не видно.

Лиза все смотрела, ожидая ответа, и в ее глазах так и светила надежда на то, что хоть чем-то получится его заинтересовать. Гадко использовать невинную детскую влюбленность, но работа есть работа...

— Знаешь, что мне интересно? — решился Тимур. — Интересно, почему у тебя разные глаза.

Девочка вздрогнула и поправила длиннющую челку. Слегка покраснела.

— Очень красиво, — поспешил добавить Тимур, и Лиза взглянула на него с недоверчивой надеждой. — Нет, правда, мне очень нравится. Сразу делает лицо необычным. Ты такой родилась?

Лиза помотала головой.

— Они летом такие стали, — тихо сказала она. — Только мне не нравится. И я не хочу, чтобы другие видели — а то начнут спрашивать...

— Как я?

Лиза дернула плечом: может быть.

— Летом... — задумчиво проговорил Тимур. — И что, за все это время никто не спросил тебя?

— Они не видели, — пожала плечами Лиза.

— Как можно было не увидеть?

— Ну, они стеснялись мне в глаза смотреть. Потому что родители развелись, и... — Лиза нахмурилась, пытаясь перевести смутное знание в слова, — они чувствовали себя виноватыми — и бабушка с дедушкой, и Нина, и папа... в общем, все. Думали, какой ужас, бедненькая девочка, и поэтому не смотрели, чтоб не расстраиваться.

Тимур ошарашено молчал.

— Вы ведь понимаете, правда? — жалобно спросила Лиза. — Потому что я сама не очень понимаю...

— Нет, ты прекрасно все объяснила, — проговорил Тимур, — я просто не ожидал... Да откуда ты все это знаешь?

— Мне Никита говорил, — ответила она и вздохнула. — Психиатр сказал, что Никита — это нормально, — торопливо добавила она. — Я сама бы... не захотела. Ну, это ведь очень грустно — понимать такие вещи, правда?

— Да, очень...

Лиза замолчала, почесывая холку Шмеля.

— А еще от вешалки в коридоре пахнет кровью, и...

Вдруг она подняла голову, глаза испуганно расширились.

— Что это? — прошептала она.

Тимур встал, мучительно прислушиваясь. Звук раздался снова, громче прежнего, и стало понятно, что где-то дико визжит женщина.

ГЛАВА 12

ПАРАНОЙЯ

Тимур влетел в туалет, наткнулся на чью-то широкую спину, отскочил к стене. Он смутно осознавал, что Лиза бежит следом. Мелькнула мысль, что лучше бы отправить ее в комнату — и исчезла: лучше пусть девочка будет на виду. Похоже, на визг сбежались все, кто был в доме. Теперь ему было видно все помещение; вдоль кафельных стен клубился пар. Первой в глаза бросилась Нина — кое-как обмотанная полотенцем, она одной рукой прижимала к груди кучу влажных тряпок, а в другой, вытянутой, держала что-то — двумя пальцами, как отвратительное, мертвое, полуразложившееся животное. Ее смугловатая кожа казалась изжелта-бледной, как у мертвеца. Босые ноги скользили по кафелю, пальцы поджимались — видимо, она мерзла, сама не сознавая этого. Из-под правой ступни вытекала тонкая струйка крови.

Вид полуголой Нины настолько сбивал с толку своей нелепостью и невозможностью, что остальное мозг какое-то время просто отфильтровывал, — слишком она была сурова и сдержанна, чтобы хоть кому-то приходило в голову задуматься о том, что кроется у нее под одеждой. Нина, все еще вытягивая руку, снова хрипло завизжала. Кто-то шумно вздохнул; Колян издал придушенный, почти поросячий взвизг, нелепо тонкий для такой огромной туши.

У нее в руке не животное, с глухим удивлением понял Тимур. Это нож. Испачканный кровью нож. Он медленно повернул голову — одна из душевых кабинок распахнута, и рядом на полу сидит стюардесса, голова безвольно свесилась, рот приоткрыт, и руки испачканы красным... Сердце дало перебой — но тут Анна судорожно вздохнула и с усилием подняла голову. Чуть шевельнулась, будто пытаюсь отползти от кабинки, — и тут Тимур, наконец, увидел то, из-за чего визжала Нина.

В незрячих глазах Вовы отражались и мерцали синеватые лампы дневного света, и кровь, перемешана с водой, все еще медленно стекала в слив под душем. На желтой обескровленной коже все еще блестели капли, у подмышки виднелся клочок мыльной пены. В углу душевой грудой валялось тяжелое уличное тряпье — Тимур заметил тулуп и облезлую ушанку, подивился их неуместности и тут же забыл. Нелепый детский шарфик, потемневший от воды, болтался на шее водителя — Тимур услышал, как громко ахнула Лиза, прошептала: «Это же мой!». Он подумал, что девочку надо бы увести, — но сейчас важнее оставаться на месте и — смотреть, слушать, пытаться понять...

Тимура кто-то толкнул. Он посторонился, и мимо протиснулся Тофик, на ходу снимая с себя теплую клетчатую рубашку. Он накинул ее на плечи Нины; вытащил из кармана носовой платок и аккуратно прихватил им нож. Потянул — Нина с удивлением взглянула на свою руку и быстро разжала пальцы, будто обжегшись.

— Пойди, оденься, потом объяснишь, — сказал Тофик. Нина благодарно кивнула и скрылась в кабинке.

Анна замерзала. Она корчилась и тряслась, придавленная тулупом, и мороз пронзал ее тело тысячами игл. Тулуп был

мокрый, и от него плохо пахло; он не согревал. Это ледяная ненависть убивала ее, ненависть и страх высасывали из тела остатки тепла. Перед глазами плыл окруженный теплым золотистым сиянием шприц, в нем было спасение, но Анна не могла до него дотянуться, — мерзкий тулуп вдавил ее в койку, и она не могла пошевелиться.

Буран. Нелетная погода. Сидим, ждем... в гостинице при аэропорте были такие же узкие комнаты и скрипучие койки, и они сидели в Черноводске уже третий день — нелетная погода, привычное дело, — но тогда было весело. Весело и тепло. Они пили коньяк и столовыми ложками ели красную икру, с ярких кусочков рыбы капал янтарный жир, и Леня казался ей лучшим мужчиной на свете — такой сильный, такой всемогущий. Так хорошо было уткнуться в его крепкое плечо и рассказать о своей собачьей работе, о том, что нервы уже ни к черту, ноги ноют, а от напряжения часто болит голова. «Тебе надо расслабиться, — говорил Леня. — Не бойся, вот увидишь, как это хорошо». И она плыла в теплом золотистом сиянии — оно было как солнечный день из детства, как лучики, просвечивающие сквозь медовые волосы мамы...

Разговоры. Анна не прислушивалась, ее небогатого жизненного опыта хватало, чтобы понять: в беседы Барина с приятелями лучше не вникать. Ей и не хотелось. Ей было так хорошо, так спокойно. Она чувствовала себя защищенной. Икра. Какое-то непонятное «белое» и «черное» и снова икра. Новый коммерческий магазин, здание, которое зря занимает дурдом... Она плавала в золотом тумане, лишь изредка выныривая на холодную поверхность. Хариус, икра, охотничьи лицензии. Потроха... кого-то выпотрошили — Анна потеряла нить, моргнула — зверька? Выпустили кишки какому-то зверьку? Зачем так, бедненький...

— Да не зверьку, дура, а пацаненку одному, — говорит Барин. — В парке нашли. И что их черти туда тянут...

— Паца... мальчику? Зачем, господи, зачем? — золотой туман остывает, рассеивается, и Анне это не нравится. Ей хочется обратно, в теплый, мягкий кокон.

— А у нас в Черноводске принято так, ясно? — мрачно хохотнул Барин и дернул щекой. — Пацанчик в параллели с моим учился, найду — урою... паяльник в жопу...

Анна больше не слушала. К разговорам таких, как Леня, лучше не прислушиваться. Короткая, несильная боль в сгибе локтя — и сияние снова охватывает ее. Она уплывает...

Она была наивная дура, а Барин нуждался в стюардессе. Когда Анна поняла, что происходит, стало уже слишком поздно. Барин потребовал работы, она отказалась — но первая же ломка сделала ее покладистой, очень покладистой. Теперь наркотик нужен был ей для того, чтобы не замерзнуть насмерть от ненависти.

Тот буран. Этот буран. Все смешалось в ее голове, от тулупа пахло кровью и снегом, и толстая овчина не согревала. Анна ненавидела Барина, но он мог дать ей успокоение. Еще больше она ненавидела тех, кто смотрел на нее — сначала в самолете, а потом здесь. Они все знали, они хотели посадить ее в тюрьму, — там холод окончательно овладеет ею, и все кончится — это хорошо, — но кончится мучительно, и это ужасно. Она ненавидела их. Она хотела, чтобы все они умерли. Она хотела хоть немного согреться, хоть на пару минут избавиться от ледяных игл, пронзающих внутренности.

Горячая вода показалась ей спасением — какая наивность! Там была кровь, кровь горячее воды; она не согревала, но давала надежду. Еще один не будет больше смотреть на нее. Он был мертвый, и это было хорошо. Анна увидела нож в своей руке и выронила его. Темнота и холод нахлынули

на нее, давая краткое успокоение. Но иглы ненависти кололи кожу, отвратительный визг вонзался в уши, осуждающие взгляды ввинчивались в затылок. Анна хотела бы, чтоб они все умерли.

Видимо, вместе с одеждой к Нине вернулось и самообладание. Она запахла рубашку. Бросила взгляд на соседнюю кабинку, сглотнула.

— Я пришла помыться, — медленно заговорила она. — Просто зашла в кабинку, не глядя... Боже, — она снова сглотнула, — наверное, он уже был здесь, уже лежал мертвый... Может быть, убийца еще был... — из ее горла вырвалось сухое рыдание.

— Успокойся.

— Хорошо... В общем, я разделась, только успела включить воду, и тут услышала шум, — сначала, будто кто-то уронил железное на кафель, потом — что-то тяжелое... наверное, это она была? — Нина неуверенно кивнула на Анну, которая стояла, привалившись к стенке. Видно было, что стюардесса еще толком не пришла в себя после обморока. Ее мелко трясло.

— Я решила проверить, — Нина невесело хохотнула. — Мало ли... Завернулась в полотенце и вышла. Тут же порезала обо что-то ногу, нагнулась посмотреть. А потом... потом...

— Все хорошо, — пробормотал Лешка, неловко похлопывая ее по плечу. — Все нормально.

Она посмотрела на него с недоумением, как на говорящего зверька, и отвернулась.

— Потом я увидела это и, наверное, закричала, — закончила она.

— Ну, у нас хотя бы есть нож, может быть, с отпечатками пальцев, — сказал Тофик. — Хоть что-то...

Глаза Нины округлились.

— Но на нем мои отпечатки пальцев, — испуганно шептала она.

— Не дури, мы все видели, что ты его уже потом трогала, — успокоил ее Тофик. — Знакомый какой-то нож, где-то я его видел, — пробормотал он, разглядывая обернутое платком орудие убийства: хищно изогнутое лезвие, самодельная наборная рукоятка... Аля заглянула через плечо, ахнула:

— Да я им час назад хлеб резала! Лоток, лоток у раковины, там полно ножей, и этот оттуда же...

— Умно, — пробормотал кто-то, — любой мог взять.

Внезапно Колян издал какой-то невнятный звук, и все обернулись к нему. Бандит стал белый, как разваренный пельмень, и его толстый дрожащий палец указывал на тело водителя

— Что? Что?..

Тихо застонала, оседая, Аля. «Что? Что?» — взвизгивал Колян; его голос становился все тоньше и уже походил на детский визг. Тихо и витиевато выругался посеревший Тофик. Дмитрий застонал и с грохотом выбил дверь в туалетную кабинку, рухнул на колени перед унитазом. Его сотрясала рвота.

Вова вставал. Он уже сумел подняться на четвереньки, нелепо выставив голый зад, и его кишки болтались, наполовину вывалившись на кафель. Он мерно мотал головой, кашляя и мыча, и концы шарфика елозили по полу, размазывая по плиткам кровь и слизь.

Колян тихо заскулил, как собачонка с подбитой лапой. Его руки шарили по поясу, по груди, будто что-то искали и никак не могли найти. Нина бросилась к водителю, упала рядом на колени, пытаясь поддержать.

— Ляг, — бормотала она, — ложись, сейчас мы тебе поможем, лежи, не вставай... Бегите ищите бинты в аптечке! — взвизгнула она, оборачиваясь. — Да не стойте же столбом!

Вова закашлялся. Его мутные глаза остановились на Нине.

— Нет, — проговорил он, с трудом проталкивая воздух сквозь искалеченное горло, — нет, прекрати, отпусти, больно, отпусти, сукааа...

Нина отшатнулась. Кожа на ее щеках казалась сухой и сморщенной, глаза запали, будто она разом превратилась в старуху. Вова приподнялся, схватился за живот, словно пытался затолкать свои внутренности обратно. «Сука», — пробормотал он.

— Что? Что? — вскрикивал Колян. Его лицо полностью утратило выражение и походило на кусок непропеченного теста. — Что?

— Да принесите же бинты! — страшно заорала Нина, и Колян вдруг тоненько хихикнул.

— Бинты, — выговорил он, заливаясь смехом идиота. — Мертвецу — бинты! Ну, ты, тетка, придумала!

Так же внезапно улыбка исчезла с его лица, будто ее стерли мокрой тряпкой. «Мертвецу бинты», — пробормотал он. Его физиономия исказилась, и он с ревом бросился на Барина.

— Ты куда меня приволок? — орал он, шаря по его мощным бокам. — Куда? Зачем? Да я братве свистну, от тебя мокрого места не останется, весь город по камушку разматают! Ты зачем это, а? ты что задумал? Дай пушку! Дай сюда пушку, козел, я его...

Барин вяло отпихивался, не в силах оторвать взгляд от мертвого, безнадежно мертвого, но при этом говорящего и шевелящегося водителя. По багровому лицу Барина крупными каплями катился пот, серые губы тряслись.

— Ладно же, — тонким голосом выкрикнул Колян и выбежал прочь, отпихнув с дороги Алю. Та будто не заметила — лишь слегка качнулась, оперлась о чье-то плечо, чтобы не упасть.

— Перестаньте, сделайте что-нибудь, пожалуйста, — простонала она, — он же мучается, сделайте что-нибудь...

Потерявшие голову люди качнулись — то ли броситься на помощь, то ли бежать прочь, поддавшись ослепляющей панике. Тимур снова прижался к стене, чтобы его не снесли, и увидел Лизу. В ярких цветных глазах девочки не было ни страха, ни отвращения, ни сочувствия — только хмурая сосредоточенность. Вот она сжала ладошку сильнее. Мертвец поднялся и деревянно шагнул вперед, ища девочку взглядом. Лиза подалась вперед, на лице мелькнула надежда...

Она почувствовала, как жесткие пальцы сжали ладонь, заставляя выпустить кулон. Вздвогнув, она подняла голову. Рядом стоял Тимур; он не смотрел на нее, но все еще сжимал тонкую руку, не давая снова схватиться за воробушка.

— Прекрати, — проговорил Тимур, почти не разжимая губ. — Немедленно.

Он сильнее сжал хрупкие пальчики — пусть он причинит девочке боль, но этот кошмар надо остановить. Лиза беззвучно, со всхлипом вздохнула — и ладонь разжалась. Лицо мертвеца потеряло осмысленность, застыло — будто захлопнули ставень на окне, отрезая поток света. Он бревном рухнул на пол — кто-то из женщин взвизгнул, и все затихли.

— Это глюк, — пробормотал Лешка. — Групповая галлюцинация. Мы все тут сходим с ума взаперти, нам чудится... Это буран. Это все буран, — он жалобно оглядел остальных. — Нам всем в дурдом пора.

— Дурдом, — просипел вдруг Барин. — Психиатр наш где? Он сюда первый должен был прибежать, он должен был услышать за стенкой, мозговед хренов...

— Он говорил, что вы натравили на него Вову, — выдавил Дмитрий, — и собирался защищаться... силой мысли, — он глупо хихикнул, глядя на неподвижное тело. — Силой мысли.

Барин, матерясь, бросился к комнате Александра. Мужчины устремились за ним. Нина, поднявшись, наконец, с колен, подошла к раковине и принялась замывать испачканную кровью одежду. Анна так и стояла, прислонившись к стене, в подобии транса. Вид у нее был такой, будто сейчас стошнит. Лиза мрачно смотрела на тело водителя — в этом была какая-то противоестественная храбрость, и Тимур дотронулся до плеча девочки, чтобы хоть как-то отвлечь ее.

— Я хотела, чтобы он сказал, кто это сделал, — проговорила Лиза потерянно. — Он же мог сказать.

Она испуганно огляделась, видимо, только сейчас сообщив, что говорит вслух. В глазах мелькнула паника; она стряхнула руку Тимура с плеча и попятилась, загнанно озираясь. Нина не слышала ее за шумом воды; стюардесса вообще, похоже, не понимала, где находится, а Аля напряженно прислушивалась к тому, что происходит в коридоре. Разноцветные глаза испытующе остановились на Тимуре, а потом забегали; видно было, что девочка пытается придумать ложь, которая объяснит ее слова.

Из коридора донеслись тяжелые удары; дверь с грохотом соскочила с петель. На лице Лизы проступило облегчение.

— А вы туда пойдете? — быстро проговорила она. Тимур сочувственно улыбнулся краем губ. Аля прижала руку ко рту и умоляюще взглянула на него.

— Они же его убить могут, — прошептала она. — Они словно сами с ума посходили.

Черт бы подрал Заказчика с его конспирацией, думал Тимур, протискиваясь между плечами геологов. Сейчас бы корочку какого-нибудь следователя. Если мужики убедят себя, что убийца — психиатр, дело может дойти до самосуда.

А ведь, похоже... У него была возможность выйти следом за Натальей. И, как показала Лиза, потом выбраться из общаги тоже можно было легко — двери все время хлопают на сквозняке, никто не станет выглядывать на шум. Взять любой тулуп, чтобы не пачкать кровью собственную одежду, а потом вернуть на место. Лиза что-то говорила о запахе крови у вешалки, надо будет проверить. Вова... Застать водителя в душе. Голый и мокрый человек чувствует себя беспомощным. Даже если он сопротивлялся — вода приглушила крики, их можно было услышать только в ближайшей комнате, а ее как раз занял Александр. И главное — он, пожалуй, единственный имел возможность убить дежурных. А потом явился весь такой невинный — мол, на лыжах катался, заблудился...

А еще он — параноик, бежавший из психбольницы, которой когда-то руководил, а значит, у него могут быть самые причудливые мотивы, способные привести к убийству таких разных и большей частью не связанных с ним людей. Из всех жертв только убийство водителя имело какой-то смысл. Хотя — что Тимур знает о подводных течениях, связывающих жителей этого крошечного городка? Кто сможет объяснить, как причудливо переплетается реальность и выдумка в голове безумца?

Тимур собирался отбирать свихнувшегося врача у разъяренных мужчин, и не сразу понял, что в комнате как-то слишком тихо. Он оттер Барина в сторону, чтобы освободить обзор, и перестал дышать: Александр неподвижно лежал на кровати, свернувшись в клубок, и никак не реагировал

на ввалившуюся в комнату толпу. Рядом на полу блестели треснувшие очки. Тимур уже готов был увидеть все ту же кошмарную картину — который раз за эту ночь — но крови не было. Решительно раздвинув толпу, он подошел к Александру и потряс его за плечо. Голова врача мотнулась, открывая разбитую губу и гигантский синяк, разлившийся на пол-лица. Психиатр глухо застонал, моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. Кто-то шумно выдохнул — видимо, не один Тимур ожидал увидеть очередной труп.

— Это кто его так? — растерянно спросил Тофик, непроизвольно уставившись на Барина. Тот с досадой повел головой.

— Не я, — пробормотал он. — То есть я бы с кайфом, но...

Дмитрий морщился и рассматривал сбитые костяшки на своих кулаках. Несколько раз он открывал рот, порываясь что-то сказать, но так и не решался. Врач подслеповато щурился, шарил руками, пытаясь что-то нащупать. Опухшая губа походила на кусок сырого мяса. Тимур подобрал очки и вложил ему в руку — тот быстро нацепил и снова заморгал, примериваясь к треснувшему стеклу. Стоило очкам занять свое место, и психиатр, несмотря на расквашенную, как у пьяного задиры, физиономию, снова приобрел интеллигентный и значительный вид.

— Спасибо, Дмитрий, — отрывисто сказал он. — Я знал, что вы выберете правильную сторону. Рекомендую вам взять на себя этого... — углы рта дернулись вниз в гримасе презрения, — этого коммерсанта. Алексей вам поможет.

Дмитрий озадаченно поглядел на Барина, и, будто загипнотизированный, шагнул поближе.

— Но будьте начеку. Где-то бродят его сообщники, — все тем же отрывистым, командным тоном продолжал врач. — Я разберусь с киллером, и тогда...

Не договорив, он неожиданно проворно вскочил, сбил Тимура с ног и замахнулся ногой. Тот откатился назад, прыжком поднялся на ноги, уходя от удара, и едва успел увернуться от летящего в лицо кулака.

— Что, этому приемчику на вашей базе не учили? — выкрикнул врач. Барин зарычал и всей тушей обрушился на спину психиатра.

— Не спите же, Дмитрий! — крикнул тот. — Они вызвали подкрепление!

Обалдевшие геологи топтались на месте; наконец Тофик сообразил, что происходит, и, сорвав с кровати одеяло, сунулся к куче копошившихся на полу тел. Втроем они сумели скрутить Александра и запеленать его в одеяло, как не в меру буйного младенца. Тот отчаянно отбивался, но, как только оказался связанным, вдруг обмяк. Лицо его приняло скорбное и гордое выражение, но в глазах мелькнула хитреца, и Тимур подумал, что у врача наверняка есть запасной план. Оставалось только надеяться, что он такой же безобидный, как борьба с розетками...

Барин вдруг плюнул на кулак и замахнулся. Тимур едва успел перехватить его веснушчатое запястье; инерцию тяжелой руки он преодолеть не мог, но сумел изменить направление. Протяжно застонали под ударом пружины матраса. Барин разъяренно дернул рукой, вырываясь из хватки.

— А вот этого не надо, — жестко сказал Тимур.

— Будешь с маньяком нянчиться? — прошипел бандит. — Да ты знаешь, сколько на его совести? Сколько он детишек в городе передушил? Да я его...

— Мы еще не знаем, что это он, — резко ответил Тимур и обернулся к так и стоящему в недоумении Дмитрию. — Когда вы подрались? — спросил он.

Дмитрий мутно взглянул на него, ошетинился:

— А чего? — в его голосе был вызов. — И не надо так паялиться, я не докторишка из дурки, меня вы не запугаете!

Тимур пожал плечами — видно, не только Александр был способен строить странные теории.

— Вы знаете, что такое индуцированный психоз? — спросил он. — Впрочем, неважно, — повернулся он к Барину. — Дело в том, что наш псих либо притворялся сейчас оглушенным и вообще гениальный актер, либо никак не мог убить водителя.

— Зато дежурных мог запросто, в отличие от всех нас, — буркнул Лешка, и Тимур произвольно кивнул.

— Притворялся же он нормальным, — равнодушно добавил Дмитрий, посасывая ободренные костяшки кулака.

— Ты лучше в наши дела не лезь, — снисходительно посоветовал Барин и вновь обернулся к связанному врачу, примериваясь.

На этот раз его остановил громкий женский крик. Барин неохотно опустил кулак, проворчал — «ну что еще?» На пороге комнаты стояла Аля; за ней маячила девчонка, пытаясь протиснуться поближе к отцу. Женщина сердито стерла ладонью слезы, но глаз не опустила.

— Он тебе нравится, что ли? — спросил бандит, глумливо осматривая ее округлую фигуру. — Планы строила?

Та презрительно повела плечом.

— Я его не знала почти, — сказала она Тимуру, игнорируя Барина. — Но благодаря ему моя бабушка до последнего... узнавала меня... — она прижала руки к груди. — Он был такой хороший врач! А теперь... я не верю, что он убийца, так не бывает. Эти продажные козлы из райкома свели его с ума, жадные твари... Барина все боятся, взятки берут, а он, а он... Козел ты! — крикнула она.

— Чтооо? Ну-ка повтори!

— И повторю! Козел!

Барин задумчиво посмотрел на геологов, непроизвольно сдвинувшихся перед Алей, задержал взгляд на Лизе.

— Бабы, — буркнул он. — Истерички.

Распихав геологов, он вышел. Аля продолжала тихо плакать, с досадой смахивая слезы.

— Тише, — проговорил Тимур. — Может, все еще обойдется. Может, это кто-то другой.

— А кто тогда? — с напором спросила она.

Тимур мрачно пожал плечами, не зная, что ответить на невысказанную мысль. Кто бы ни был убийцей — будет невыносимо смириться с мыслью, что человек, с которым вместе укрывались от бурана и сидели за одним столом, с которым делили чай и тушенку, — кровавый маньяк. С горькой иронией Тимур подумал, что всем было бы легче, если убийцей оказался он сам — или Колян. На худой конец есть еще Анна. Приезжие, незнакомцы, не связанные с городом тонкой, но прочной паутиной. Они здесь в Черноводске все свои. Тимур мысленно пробежался по сводкам, приведшим его в этот город, и понял то, чего не замечал раньше: все, кого сажали за очередную серию, успевали прожить в Черноводске не больше полугода. Чужаки расплачивались за ритуальные убийства, и город жил дальше.

Тимур понимал: еще немного, и кто-нибудь сообразит, что он прекрасно подходит на эту роль.

Буран сносило прочь от Черноводска, но он продолжал просить, и добрая сытая птица отвечала ему. Иссякающий тайфун вновь и вновь вспухал чудовищным нарывом и рушился на город, и Петр мог длить это бесконечно. Буран будет вечен, и рассвет никогда не наступит, лишь бы у Поморника было вдоволь пищи. Ему не нужно останавливаться. Дети

Поморника оставили его, — так пусть примут проклятие своего последнего шамана.

Серебристый металл холоднее льда, холоднее человеческого сердца. Боль начинается под ногтями и тянется дальше, опутывая руку жгучими льдистыми нитями, пронзая раскаленными иглами живое мясо. Как будто Петр лепил снежки на морозе, один за другим, позабыв о варежках, а потом согрел их у горячего костра. Невыносимая, раздирающая разум боль

Он бьется на песке, как тюлень, выброшенный волной на берег. Мир заполняется тенями, и Петр знает, что демоны Нижнего мира нетерпеливо тянут к нему когтистые лапы, и вонючая слюна капает с их желтых клыков. Ледяные иглы подбираются к сердцу, впиваются в живот, разрастаются под черепом, как колющие лучи снежинок.

Но он не отпустит тайфун, он не умолкнет, не перестанет просить Поморника. Он не разожмет руки. Буран будет вечен. Рассвет никогда не наступит. Так решил он, последний из тех, кто говорит с чайками.

ГЛАВА 13

ГОЛОСА

...И посиделки наедине с девочкой могут быстрее натолкнуть на замечательную мысль сделать из Тимура козла отпущения. Обнаружив на кухне одну Лизу, он хотел было ретироваться, но она уже заметила его. На измученном детском лице последовательно промелькнули испуг, смущение и радость.

— Как вы думаете, на меня ругаться не будут? — спросила она, показывая какой-то темный квадратик. Тимур подсел к столу. Перед Лизой лежала уже ополовиненная плитка шоколада — он приподнял, чтобы посмотреть на обертку — лиловую в тонкую белую полоску. «Особый».

— Тебе нравится соленый шоколад? — улыбнулся он.

Лиза с энтузиазмом кивнула и отправила в рот еще один кусочек.

— Я сама в кладовке взяла, — немного смущенно сказала она, — очень есть хочется, а разрешения спросить было не у кого. Хотите?

— А куда все подевались? — спросил Тимур и взял дольку. Хорошенькое дело, подумал он, пять трупов за ночь, а маленькая девочка сидит на кухне одна.

— Папа лежит и молчит, — принялась тщательно перечислять Лиза. — Шмель лежит в комнате, где спал Вячеслав Иванович, и скулит, я его погладила, но он все равно скулит... — на глазах девочки проступили слезы, и она

остановилась, чтобы сдержать плач. — И он описался там, я хотела вывести его погулять...

— Не вздумай! — рывкнул Тимур, и Лиза быстро закивала.

— Я испугалась на улицу идти, — слезы все еще текли из глаз, и голос был виноватый. Она судорожно вздохнула и продолжала чуть спокойнее: — Леша, Тофик, Аля и Нина сидят в комнате, курят и рассказывают друг другу, что хотят выпить, но Нине, по-моему, уже надоело и скучно. Стюардесса в душе.

Тоже умно, отметил про себя Тимур. То ли искренне верит, что убийца — психиатр, то ли совсем уже одурела от ломки, и даже призрачная возможность облегчить боль стала сильнее инстинкта самосохранения.

— Барин что-то ищет в своей комнате и страшно ругается, — добросовестно продолжала Лиза. — Врач связанный лежит, вы знаете... А Колян сидит в кладовке и плачет.

— Что? — опешил Тимур.

— Сидит в кладовке и плачет. Отсюда не слышно, — добавила она, правильно истолковав его взгляд, брошенный на дверцу, ведущую на склад. — Я когда шоколадку искала, он сказал «кто здесь», и «не троньте меня, изыдите», и я... ну, спряталась...

Лиза слегка покраснела, не зная, как объяснить, что боялась огрести за то, что таскает с чужих полок шоколад, и поэтому свет не включала, кралась на цыпочках и, услышав человека, вовсе перестала дышать, чтоб не попасться.

— А еще он бормотал что-то такое... про небеса и царствие...

— «Отче наш?»

— Наверное. Он мертвеца очень испугался, — объяснила Лиза и виновато отвела глаза.

Тимур чуть не рассмеялся. Все так дружно приняли версию о массовой галлюцинации и поспешили выкинуть

любые мысли о ходячем мертвеце из головы, — и только у несчастного бандита хватило воображения, чтобы принять реальность. Правда, на этом его запас прочности и кончился. Тимур отстраненно прикинул — как бы поступил он? Да, пожалуй, тоже предпочел бы забыть, как и остальные, и сделать вид, что ничего не было.

Если бы не догадка, что он нашел артефакт покруче медузы. А Заказчик пусть наймет себе гипнотизера, со свирепым весельем подумал он. Впрочем, медуза воробью не мешает...

— Как, по-вашему, я сумасшедшая? — спросила вдруг Лиза.

— Нет, — твердо ответил Тимур. — Совершенно точно — нет.

— И вы не будете думать, что я свихнулась, если я вам кое-что скажу? Не скажете, что я ненормальная и все придумала?

Тимур покачал головой. Еще несколько секунд Лиза собиралась с духом — и, в конце концов, начала рассказывать, о том, что случилось в комнате, где лежало тело Натальи. Только о воробушке не сказала ни слова — казалось, что уж это она точно выдумала.

— Вот так, — закончила она. — Так и было, честное слово. Вы мне верите? И там, в туалете... вы видели ведь. Я думала, он сможет сказать, кто его убил. Мне очень надо... — ее голос снова задрожал. — Вы мне верите?

— Верю, — ответил Тимур и вздохнул. Несколько секунд он смотрел в разноцветные глаза девочки, боясь спугнуть хрупкое взаимопонимание. — Покажи мне, пожалуйста, свой кулончик, — попросил он. — У тебя ведь есть такой серебристый кулон, правда?

Лиза испуганно отшатнулась, непроизвольно прижала руку к груди. Но Тимур смотрел спокойно и доброжелательно, и она решилась. Сняв кулон, она протянула его Тимуру.

Рука Тимура лишь слегка задрожала, когда он взял легендарного, сотни лет назад утерянного воробья, но Лиза правильно поняла его взгляд.

— Это совсем особенная вещь, да? — тихо спросила она. — Волшебная?

Тимур кивнул.

— По легенде, он возвращает души умерших, — медленно проговорил он и невольно добавил: — А я-то думал, это миф!

— Ну, вы же взрослый, — снисходительно ответила Лиза, — вам в такое верить не положено.

Тимур протянул предмет обратно, и Лиза торопливо надела его на шею. Он еще продумает комбинацию, которая позволит ему завладеть предметом. Непростое будет дело. Надо будет добиться, чтобы девочка искренне захотела расстаться с кулоном... Но это все потом, для начала надо было выбраться отсюда живым и невредимым. А еще медуза...

— Лиза, а ты видела когда-нибудь людей с такими же, как у тебя, глазами? — наудачу спросил Тимур. — Не встречала таких в городе? Или, может быть, видела похожие предметы?

— Нет, — ответила девочка, но как-то не слишком уверенно. Глаза на мгновение затуманились, будто она пыталась что-то вспомнить.

— Например, медузу?

— Не, не видела, — теперь Лиза не сомневалась. — А что, бывают другие?

— Я просто подумал, что было бы прикольно — кулон-медуза из такого металла, — брякнул Тимур, и Лиза нахмурилась.

— По-моему, вы неправду говорите, — обиженно пробормотала она. — Мужчины кулоны не носят.

— А длинные волосы? — спросил Тимур, радуясь, что пренебрег здравым смыслом и не подстригся перед отъездом. Лиза пожала плечами, но обиды в глазах поубавилось.

— Души умерших, — задумчиво пробормотала она, прикоснувшись к воробью.

Ветер за стенами уже не выл — визжал и рычал на тысячи голосов. Может, это души? Или злые духи из страшных сказок поднялись из глубин Нижнего мира? Может, это разъяренные призраки носятся между сопками, хотят выколупать укрывшихся в доме людей? Кажется, ожидание будет бесконечным и бесплодным, рассвет никогда не наступит, буран никогда не утихнет. Нет ничего, кроме ветра, снега и непрочного островка тепла в центре; бураном занесло все мысли, все надежды, все воспоминания. Двери все хлопают и хлопают на сквозняке. Будто все время кто-то ходит, невидимый и очень злой. Может быть, это души убитых, не способные вернуться в тело, бродят в поисках убийцы. Может, это Наталья ищет падчерицу, чтобы сказать ей, что все из-за нее.

Свистят в щелях сквозняки — ледяные пальцы ветра протискиваются в дом, пока еще не в силах сколупнуть стены, но надолго ли... Послышался звон разбитого стекла — показалось или и правда ветром выдавило окно? Свист торжествующе взвился, перешел на визг, потянуло по ногам ледяным холодом... Это уже не просто тайфун, это злобное, полное ненависти существо. Оно не успокоится, пока не получит их всех. Никто не уйдет из пасти бурана, дышащей снегом и мороженым мясом. Хлопают двери, бубнят голоса. Шепот и плач живых и мертвых переплетаются, вмешиваются в снежную кашу... «По дому ходят мертвецы». «Где она, где, черт возьми, этот козел...» Они ищут папу, потому что она сказала им, что все из-за него. «Мертвецы ходят, мертвецы идут, идут сюда». Шаги. «Где эта дрянь, где...»

— Лиза. Лизка, ты что? — испуганно окликнул Тимур девочку, побледневшую до прозелени. Схватил за плечо. — Лиза!

Лиза хрипло втянула в себя воздух, ее лицо, на несколько секунд превратившееся в мертвенно-неподвижную маску, вновь ожило. Она все еще вслушивалась в бормотания, идущие из коридора, но ужас с ее лица исчез. Когда она повернулась к кухонной двери, в ее глазах было только настороженное любопытство.

— Коляна не видели? — прохрипел Барин, вваливаясь на кухню. Он обрушился на стул, подгреб себе кружку с остывшим чаем, шумно отхлебнул. — Колян куда-то делся, — просипел он. — И пушка моя пропала, не могу найти.

— У вас есть пушка? — изумленно спросила Лиза. — Пистолет?

Барин окинул ее мутным взглядом и решил проигнорировать. Снова с шумом присосался к кружке.

— Так Коляна не видали? — спросил он, с грохотом поставив ее на стол. — Не то чтобы...

— Он в кладовке, — негромко ответил Тимур.

— Жрать что ли захотел?

— Нет, он, видимо, решил, что там безопаснее, — объяснил Тимур.

Барин вытаращил глаза.

— Вот баран дрысливый, прислали на мою голову, — пробормотал он. «Не троньте меня, не приходите», — различила Лиза голос Коляна.

Внезапно физиономия Барина прояснилась:

— Так это он, наверное, мой ствол прихватил! Ну, я сейчас...

Он отшвырнул табуретку, рванул на себя дверцу кладовки, и, пригнув голову, устремился внутрь. На лице Тимура внезапно проступили понимание и испуг.

— Не на... — начал было говорить Тимур, но оборвал фразу. Не вставая, он изо всех сил дернул Лизу за руку. Девочка взвыла от боли — казалось, плечо вырвали из сустава. «Не

тронь, изыди!», — завизжал кто-то. От удара о пол вышибло дух, локоть пронзило, как электрическим разрядом, ребра придавило. Раздался пушечный грохот, и Лизе показалось, что ее голова раскалывается на части, как весенний лед на бухте, но тут грохнуло второй раз, в нос ударил резкий запах хлопушек, и тогда до Лизы дошло, что это выстрелы. Медвежий рев донесся из кладовки. «Брось пушку, м... ла! Отпусти, козел, ты...» Тимур, все еще нависающий над Лизой, как-то судорожно ухмыльнулся и прикрыл ей уши, но это не помогло — она по-прежнему слышала потоки мата, грохот рушащихся со стеллажей банок и дикий, безумный визг.

Третий выстрел. Визг поднялся до невыносимо пронзительной ноты и оборвался. «Твою мать...» — прохрипел второй голос. Тяжелое железо ударило в пол — звук падения был таким сильным, что отозвалось под Лизой легким содроганием досок.

— Лежи, — пробормотал Тимур и приподнялся.

— Надо было свет включить, — потерянно сказал ему Барин, появляясь на пороге кладовки.

— Надо было, — согласился Тимур. Лиза встала, потирая локоть и стараясь не смотреть на черный проем склада.

— Мне шить нечего, самооборона, — с агрессивным напором заговорил Барин, не глядя на сбежавшихся на выстрелы людей. — Самооборона — чистяк, не придерешься, ты подтвердишь. Он рехнулся, за мертвяка меня принял. Я только отобрать пушку хотел, она сама выстрелила, ты подтвердишь.

— Ладно.

— В натуре сама выстрелила. Слушай, может он живой еще?

Тимур щелкнул выключателем, заглянул на склад.

— Вряд ли, — проговорил он, глядя на лужу крови, вытекающую из-под простреленной головы.

— Да, — согласился Барин, — я в натуре стрелять в него не хотел, мне проблемы не нужны.

— Дела, — протянул от дверей Тофик. В его глазах плескалось нехорошее веселье. — Маньяка повязали, а свежий труп все равно тут как тут. Отлично проводим время! Кто следующий хочет развлечься?

Нина, не меняясь в лице, отвесила ему пощечину, и Тофик замолчал, будто подавился.

— Это была самооборона, — в который свирепо повторил Барин. — Несчастный случай. Ты подтвердишь.

— Подтвержу, успокойся, — ответил Тимур.

Он говорил искренне. Можно себе представить: напуганный, как запертый в темной комнате малыш, бандит прет у... хм... коллеги оружие. То ли по привычке — наверняка со стволом он чувствует себя спокойнее. То ли искреннее веря, что пуля защитит его от мертвецов. Скорее второе, решил Тимур, припомнив сцену в туалете. Итак, совсем потеряв разум от ужаса, Колян крадет пистолет и прячется в кладовке. Тимур представил, как он сидит там в темноте, прислушиваясь к вою сквозняков и смутным голосам, уже не в силах различить игру воображения и реальность... Слышит крадущиеся шаги — черт бы побрал Лизу с ее шоколадками, он же едва не пристрелил девчонку! Нервы натянуты до предела. И когда Барин вваливается в кладовую — Колян уже не узнает его, он осознает лишь, что нечто большое и агрессивное пришло за ним. И начинает палить, но, на счастье Барина, промахивается. Завязывается драка за все еще заряженный пистолет... Остальное закономерно, погибнуть мог любой из них. Могло, конечно, обойтись; могло закончиться ранением, — но только не этой ночью. Этой ночью счастливых финалов не предусмотрено.

— Ну что, похоронная бригада, взялись? — спросил Тофик и поспешно отодвинулся от Нины. — Не оставлять же его в кладовке... Конечно, я не настаиваю, неизвестно, сколько мы еще здесь просидим, запас мяса не помешает...

— Да заткнись ты! — крикнула Аля, но по ее губам скользнула невольная улыбка, а Лешка торопливо прикрыл лицо рукой. Люди устали бояться.

Тофик был мерзлякой. Коренной бакинец, попавший в Черноводск по распределению после института, он так и не привык к местному климату. Еще больше он маялся в экспедициях, — почему-то разведка обычно проходила в таких местах, где пятнадцать градусов выше нуля считается почти жарой. Тофик так страдал и кутался, что мог бы вызвать презрение — если бы сам не был готов первым подшутить над собой. Умение посмеяться в ситуации, где другие были способны только на однообразную ругань, всегда ценилось коллегами. Тофик мог развеселить людей, намертво застрявших в вездеходе посреди болота; его комментарии к унесенным приливом образцам, которые собирали три дня, заставляли людей хохотать, забыв досаду. Вторая неделя под непрерывным дождем посреди тундры, в промокших насквозь палатках, не способных уже держать воду, под свинцовым небом, трамбующим бесконечные заросли карликовой березы... Тофик открывал рот — и измученные люди начинали улыбаться.

Мало кто знал, что он почти не способен контролировать эту способность. Смех был защитной реакцией, щитом, который выставлялся произвольно. Чем хуже Тофик себя чувствовал — тем больше шутил. Его броне было совершенно наплевать, насколько это уместно, так же как предохранителям на электрощитке наплевать, насколько вам необходимо электричество... Стоило напряжению превысить черту — и Тофик принимался острить.

Никто и представить себе не мог, какие героические усилия он предпринимал этой ночью, чтобы молчать. Убийство одной коллеги, горе другого, смерть дежурных, с одним из

которых Тофик был шапочно знаком, — мозг геолога бурлил, как котел, требуя привычной разрядки. Нелепая гибель заезжего бандита стала последней каплей. Тофик был почти благодарен Нине за пощечину, но второй все-таки не хотел. Новый припадок остроумия подступал неукротимо, как понос, и Тофик, схватив сигареты, отправился в сортир, изо всех сил стараясь не заржать в голос над этой аналогией.

Перекурить в одиночестве, успокоиться, а потом найти источник жуткого холода, тянущего по ногам. Перед тем, как начали стрелять, он вроде бы слышал звук разбившегося стекла, и подозревал, что ветром выдавило одно из окон. Оставалось надеяться, что стекло было треснувшее — иначе стоило ожидать, что и остальные не выдержат... Ситуация и без того нехороша.

Не дойдя до туалета буквально два-три метра, Тофик остановился и присвистнул. Из-под двери в комнату, где оставили связанного психиатра, не просто дуло — можно было даже разглядеть пляшущие на сквозняке сверкающие снежинки. Геолог толкнул дверь, и в лицо ему ударил заряд снега.

Он протер глаза, смахивая налипшие на ресницы снежинки, и огляделся. Врача в комнате не было. Ветер беспрепятственно рвался в разбитое окно. На длинных, хищно изогнутых, как клыки, осколках стекла, облепленных розовым снегом, трепетали клочья тряпок. Оглядевшись, Тофик заметил, что со второй койки исчезло одеяло.

Обломок стекла, на котором трепыхался окровавленный обрывок белой трикотажной ткани, притягивал взгляд. Заранее догадываясь, что увидит, Тофик все-таки влез на тумбочку в изголовье кровати и, одолевая сопротивление злобно рвущегося вовнутрь ветра, высунулся в окно.

Получасом раньше Александр, напрягаясь и извиваясь всем телом, все-таки сумел взобраться на ту же тумбочку и встать во

весь рост. Ему повезло, что он успел избавиться от розеток до того, как враги решились действовать, — теперь никто не мог наблюдать за ним или влиять извне. Еще большим везением было то, что неумные клеветы Барина не догадались зафиксировать его на кровати, успокоившись на том, что запеленали в одеяло, как в кокон. И небрежно обвязали веревкой. Во время попыток подобраться к окну он несколько раз упал и сильно ударился, все тело гудело, но боль заглушало сдержанное удовлетворение: первая часть плана была выполнена.

Прежде недоступное окно теперь было на уровне его груди. Мелко переступая связанными ногами, он повернулся к нему боком и всем телом бросился на стекло, пытаясь максимально выставить локоть. Сустав, казалось, раскололся от боли; несколько секунд Александр не мог вдохнуть. Но стекло треснуло — он слышал хруст. Второй удар добил его. Приседая и приподнимаясь, Александр перетер веревку об один из осколков. Это заняло больше времени, чем он рассчитывал; он взмок, мышцы мелко дрожали от усталости, но лопнувшая, наконец, веревка придала сил.

Выбравшись из пут, он соскочил с тумбочки. Сборы были недолгими: два одеяла, свечи, еще вчера обнаруженные в ящике, прокопченная брезентовая куртка слоновьих размеров, найденная в шкафу. Он методично повыкидывал все в окно. Торопиться было некуда: он точно знал, что перехитрил всех. Они пытались использовать против него супероружие, убивающее на расстоянии, но не сумели его толком настроить и после нескольких промахов, из-за которых погибли невинные люди, решили действовать по-другому. Они не знали, что он научился противостоять облучению, и в этом была их фатальная ошибка.

Александр оглядел комнату, проверяя, не забыл ли чего-нибудь. Пора было уходить. Конечно, немного жаль

геологов, которых эта шайка гипнозом перетащила на свою сторону, но — на войне как на войне. Он снова вскарабкался на тумбочку и принялся протискивать в окно.

— Так выходит он сам? — неестественно тонким голосом спросила Нина. — Сам? Сам выпустил себе кишки?

Лицо у Нины было белое и неподвижное. Она выглядела как человек, который открыл подвал, чтобы набрать картошки, — а перед ним распахнулась бездна, полная клубящейся тьмы, в которой копошатся монстры. Тимур вдруг понял, что он впервые видит Нину по-настоящему испуганной — даже когда эта женщина, голая и мокрая, заходила визгом посреди туалета, она сохраняла какие-то остатки самообладания — а сейчас контроль над собой полностью покинул ее. Казалось, Нина вот-вот сойдет с ума от ужаса.

— Да погоди ты, — рявкнул Лешка. — Прекрати паниковать, слышишь? Мы не знаем, насколько сильно он порезался, может, только кожу поцарапал.

— Майка...

— Ну да, шмотье изорвал. Нина, если бы ему выпустило кишки, он бы сейчас валялся под окном. Угомонись. Психи — народ живучий.

Краска медленно возвращалась на лицо Нины, но потрясение все еще было слишком велико. В углах рта залегли глубокие складки.

— И где он теперь? — пробормотала Аля.

— Черт его знает, лично я искать его точно не пойду, — ответил Тофик. — Входную дверь я закрыл на засов.

— Давно было пора, — вставил Лешка.

— И, девочки... Если вы надумаете пойти в сортир — идите все вместе. Минимум втроем. Лиза? Ты поняла? Молодец. Анна?

Он сердито взглянул на стюардессу. Обнаружив побег психиатра, Тофик, чувствуя себя овчаркой, согнал всех на кухню. С Дмитрием пришлось повозиться — он никак не хотел понимать, что произошло; со всем, что говорил Тофик, соглашался, но встал, только когда геолог начал орать. Анну тоже едва удалось поднять — она смотрела на него пустыми, непонимающими глазами и жалобно постанывала, когда стаскивал с нее вонючий тулуп и промокшее от пота одеяло. Девушка явно была больна, и серьезно; ему было жаль вытаскивать ее из кровати, но оставить ее лежать одну в комнате он тоже не мог — как минимум до тех пор, пока здание не обыщут заново. Сбежавший через окно псих мог запросто вернуться через дверь.

Последним Тофик, ругаясь и уговаривая, приволок на кухню Шмеля, — казалось неправильным оставлять несчастного пса и дальше тосковать над тапочками погибшего хозяина, да и... Черт знает этого маньяка — если он с такой легкостью убивает людей, то может не пощадить и собаку. Сердобольная Аля тут же открыла для пса банку тушенки, но тот даже не понюхал ее — улегся в углу и положил голову на лапы.

— В общем так, мужики, — сказал Тофик. — Мы с Бариним идем осматривать все помещения подряд, начиная с сортира. Леха с Тимуром остаются у входной двери и просматривают коридор. Димка, ты... ты лучше останься с дамами и за дочкой присмотри.

— Пусть с ними лучше Барин останется, — вмешался Тимур, — он вооружен. — «Вот именно», — прочел он в глазах Тофика. — А я пойду с вами. Поверьте, вдвоем мы его скрутим и без оружия.

Тофик мгновение колебался; но, взглянув на занесенное снегом окно, неохотно кивнул.

От режущей боли в животе он едва не заорал — ощущение было такое, будто он оставил висеть на окне половину внутренностей. На миг представилось, как к разбитому стеклу подлетают чайки, срывают темные клочья и с довольным криком уносятся прочь. Изорванные слои одежды быстро пропитывались кровью. Собравшись с духом, Александр задрал майку — и увидел всего лишь глубокий порез. Повезло.

Сугроб, наметенный вдоль стены, прикрывал его от ветра. Нависающая широким карнизом вершина резко белела на фоне темно-серой мути, в которую превратился остальной мир. Выбираться было страшно — но погоня уже близко. Он быстро собрал вещи, нацепил на себя куртку. Добежал до угла здания — там снег лежал более полого, позволяя выкарабкаться наружу.

Стоило высунуться из укрытия — и ветер торжествующе взвыл, залепил очки, принялся месить тугими холодными кулаками. Врач сделал несколько шагов, по пояс проваливаясь в сугробы, а потом догадался лечь. Ползти было намного легче — он почти перестал проваливаться, и преодолевать сопротивление ветра было уже не надо — буран бессильно скользил по спине, не в силах подцепить свою жертву. Только бы не потерять направление. Он должен ползти прямо — всего пятьсот метров, и он укроется в ложине между сопками, поросшей густым пихтовым лесом.

Но это было не такой уж простой задачей. Кровь текла из порезов, унося последние капли тепла, и Александр двигался все медленней. Перед глазами плыло; снег казался красным, будто он смотрел на него сквозь окровавленное стекло. Александр подтянулся еще раз, сдвинувшись на десяток сантиметров вперед, и обессилено замер. Он понимал, что не должен отдыхать, что остановка означает верную смерть,

но не мог заставить себя сдвинуться с места. Красная пелена перед глазами стала ярче; она будто стягивалась, концентрировалась в небольшое пятно...

— Ты? Ты?! — воскликнул Александр. — Но... почему?

Мальчик в яркой красной курточке встал над ним, рассматривая с ленивым любопытством. Александр, как во сне, поднял руки, пытаясь защититься. Тонкая красная куртка мальчика и широкие штаны свободно болтались на теле, и ни малейшее движение не нарушало складки ткани. Челка аккуратно лежала на бледном лбу. Ветер, яростно трепавший Александра, был бессилен против мальчишки.

— Я хочу поговорить с вами о Лизе, — сказал он. — Ей нужна ваша помощь.

Неподходящее время для консультации. Он устал, за ним гонятся, а его уже второй раз за ночь донимают с этой девочкой. Выдумывают несуществующие проблемы вместо того, чтобы всыпать ей как следует для прочистки мозгов.

— Она скверный, эгоистичный ребенок, — сказал Никита. — Она променяла лучшего друга на «гигантские шаги». И знаете что?

Никита наклонился ближе, и полы куртки распахнулись. Александр увидел черную дыру на месте живота и поспешно перевел взгляд на лицо. Глаза мальчишки были серебристые, как крыло чайки, и одну из радужек пересекала рыжая хвоинка. На щеке пророс узорчатый коричневый лишайник. От него пахло торфом. Он склонялся над Александром, будто собирался сказать ему что-то прямо в ухо, и врач понял, что он этого не выдержит. Краем глаза он видел, как что-то копошится под курткой.

— Пожалуйста, не надо, — прошептал Александр. Мальчишка ухмыльнулся, обнажив заостренные зубы. Он остановил лицо в двадцати сантиметрах от глаз Александра и сказал:

— Это она подговорила Барина закрыть больницу. Маленькая дрянь не желает лечиться, поэтому решила уничтожить вас. Вы видели, как она спелась с приезжим киллером? Вы должны ее наказать. Для ее же блага, пока она не зашла слишком далеко.

— Да, да, — пробормотал Александр. — Но как мне до нее добраться?

— Вам надо спрятаться, — ответил Никита и, к невыразимому облегчению Александра, выпрямился. — Переждать.

— Но... — он не мог больше шевелиться. Он чувствовал, как буран жадным ледяным языком слизывает с него остатки жизни, но не мог сказать об этом под испытующим взглядом серых глаз.

— Не спорьте. Идите за мной. Я покажу, где укрыться.

Красная куртка замелькала впереди, как маяк, и Александр из последних сил пополз следом. Он успел продвигнуться максимум на метр, когда снег под ним провалился. Он попытался уцепиться за поверхность, но края ямы обрушились, и, обдирая тело об острые сучья, Александр рухнул вниз.

Понимание, что он жив, пришло постепенно. Александр осторожно пошевелился — порезы мучительно саднили, но переломов не было. Он поправил чудом удержавшиеся на носу очки, огляделся и хрипло рассмеялся.

Никита сдержал обещание. Над головой тесно переплелись ветви стланика, укрытые толстым слоем снега; темно-зеленая хвоя на его фоне казалась почти черной. Землю устилал толстый ковер порыжелых иголок, лишь изредка перемежаемых небольшими сугробиками. Александр снова рассмеялся и принялся обламывать тонкие сухие веточки, складывая их в небольшой костерок. О дыме он не волновался: в такой буран враги его не заметят.

ГЛАВА 14

ПЛАТИТЬ ДОЛЖЕН ЧУЖАК

Обыск ничего не дал, и мужчины, заткнув разбитое окно двумя подушками, возвратились на кухню, разочарованные и злые. Нина с недовольным видом возилась у раковины — Тимур с легким смущением подумал, что она единственная считает нужным поддерживать хоть какой-то порядок и, похоже, моет посуду за всеми. Остальные бесцельно сидели за столом — стюардесса снова в подобии транса, Аля и Лиза — с отвращением поглядывая на довольного собой Барина. На отсутствие новостей не отреагировали — по большому счету, никто и не ждал, что безумный психиатр вернется. Нина выключила воду, обтерла руки и раздраженно отшвырнула полотенце.

— Ну, вот что, — сказала она. — Извините за мой французский, но от меня уже воняет, и я все-таки намерена помыться. Нормально помыться, а не раздеться, обрызгаться и одеться обратно.

— Одна не пойдешь, — сказал Тофик. Нина бросила на него раздраженный взгляд и обернулась к женщинам.

— Да, — пробормотала стюардесса, выйдя из транса. — Да, конечно. Погреюсь.

Она неуклюже встала, и Аля, вскочив, поддержала ее под локоть.

— Вы уверены? — спросила она. — Похоже, у вас температура... может, не стоит?

— Нет, мне надо согреться, — тупо повторила стюардесса. Лешка вдруг замялся и заерзал, смущенный какой-то мыслью.

Похоже, мысль о несчастном водителе пришла не только в его голову.

— Девчонки, может, вы это... — промямлил Лешка, — в одной кабинке, а?

— Еще чего! — разозлилась Нина.

— Не, Леха дело говорит, — оживился Барин, нагло разглядывая всех троих по очереди, — помогите друг другу, мочалочками потрите...

— Хватит, — негромко сказал Тофик.

Женщины ушли. Лиза зевнула, попыталась примостить голову на отцовское плечо. Дмитрий, явно не сознавая, что делает, дернул рукой и отодвинулся — будто согнал муху. Лиза поспешно выпрямилась и уставилась в пространство, будто и не пыталась только что прислониться к отцу; ее губы мелко задрожали. Тимуру захотелось дать ее папаше по морде или хотя бы сказать пару ласковых. Не поможет, конечно, но вдруг полегчает. В памяти всплыл рассказ Вячеслава Ивановича, и Тимур взял себя в руки. Что бы он ни думал о Дмитриии — помочь Лизе он не может, если полезет — только испортит отношения с девочкой.

— А собака-то насыт сейчас, — прервал молчание Барин. Шмель поскуливал и характерно приседал, переминаясь с лапы на лапу. Тимура охватила бессильная жалость.

— Я выведу, — сказал он. — Ствол дашь?

— Конечно, нет, — удивленно ответил Барин.

Стюардесса молча заперлась в душевой, и оттуда сразу донесся шум воды. Аля с Ниной переглянулись у единственной незанятой кабинки.

— Ну, уж нет, — невесело хохотнула Аля. — Безопасность безопасностью, но мыться вместе на двух квадратных метрах — это уже перебор. Давай ты первая, у меня живот крутит...

Нина пожала плечами и вошла в душевую.

Аля заперлась в кабинке туалета и с брезгливой гримаской присела на сомнительной чистоты унитаза. Шум воды напрягал, не давал расслабиться, будто скрывал что-то. Але показалось, что она слышит шаги, тихий треск. Что-то легко звякнуло. По ногам вдруг потянуло холодом. Не выдержав напряжения, Аля вскочила и быстро натянула штаны. Приложила ухо к двери кабинки. Теперь она действительно слышала тихие, крадущиеся шаги. Они приближались и вот — замерли напротив. Сквозь широкий зазор под дверью Аля увидела тень.

— Кто здесь? — спросила она. Голос звучал слабо и испуганно. Шум воды вроде бы стал тише — или ей чудится? — Нина? Анна?

Нет ответа. Тени под дверью были неподвижны, но Аля знала, что их отбрасывает живое существо. Живое... или ожившее. Перед внутренним взором встал Вова, голый, с пустыми глазами, с чудовищной дырой посреди живота, которую он пытается заткнуть окровавленными руками. Аля дышала часто, как загнанная; со лба скатилась крупная капля пота, проползла по виску, как мокрый палец, и скатилась к уголку рта. Аля машинально убрала ее языком. Соленый привкус во рту почему-то отрезвил ее. Аля задержала дыхание и рванула дверцу кабинки.

Что-то огромное, черное, бесформенное стояло перед ней, вместо лица у существа было отвратительное, волосатое пурпурное пятно, а в руках оно держало веревку. Воздух со свистом вышел из легких, и свет начал гаснуть. Мир плавно

поплыл куда-то вперед и вверх, что-то страшно ударило Алю по затылку. Сумерки вспыхнули оранжевыми искрами и погасли.

— Выключила воду, — невыразительным голосом принялась рассказывать Анна. — Услышала, как кто-то бежит. Увидела ноги.

— Ноги?! Что ж ты молчала! Что на ногах?

— Валенки.

Все растерянно поглядели на свои ноги, всунутые в одинаковые, очевидно оптом закупленные валенки, подобранные у входа. Тофик не удержался и хихикнул.

— На психе вроде лыжные ботинки были, — неуверенно проговорила Нина.

— А вот и нет! — раздраженно ответил Лешка. — Ботинки были ему малы, и он тоже взял себе пару! Сразу после того, как мы вернулись из дежурки, я сам видел! Да черт бы побрал этого...

— Не кричи ради бога, — простонала Аля, и Лешка осекся.

Аля полулежала на единственном стуле со спинкой и прижимала к затылку набитый снегом платок. Ее подташнивало — то ли давал знать о себе все еще не пережитый ужас, то ли она все-таки заработала сотрясение мозга. Потеряв сознание, она сильно ударилась затылком о край унитаза. Но стремительно набухающий желвак казался сущей мелочью на фоне осознания того, что ее жизнь спасла только случайность. Ее горло горело, будто исколотое тысячью раскаленных иголок. Алю нашли без сознания, с фиолетовым шарфом, обернутым вокруг горла. К счастью — только обернутым, но не затянутым. Стюардесса спугнула убийцу, выключив воду, и он бежал, не успев закончить начатое.

Мохнатый шарф из фиолетового мохера принадлежал Дмитрию.

— Неужели ты больше ничего не можешь сказать? — с болью и досадой выкрикнул Тофик. — Ни единой приметы?

Аля перевернула согретый платок и снова приложила его к затылку.

— Говорю же — тулуп, ушанка. Лицо замотано шарфом. Да пойми же, я так испугалась, что не могла ничего разглядеть, сразу вырубилась. Я даже не поняла, что это шарф, думала — такая морда... — она нервно рассмеялась и задумалась. — Я не уверена, но, кажется, я видела волосы, — наконец проговорила она. — Длинные черные волосы.

Лиза придавлено пискнула. «Ну вот», — успел подумать Тимур еще до того, как все обернулись к нему.

Барин надвинулся на него потной громадиной, но тут Тофик оттер его в сторону, загрозя Тимура.

— Чего? — просипел Барин. Глаза у него были белые.

— Он тебе психиатра не дал бить, — твердо ответил Тофик.

Лиза снова сидела на кухне и думала о том, что, наверное, вот так и сходят с ума. Когда у тебя в голове много-много мыслей, и они все перепутываются, и противоречат одна другой, а ты все пытаешься их распутать, но так устала, что нет сил. И все это бежит, бежит по кругу, вертится все сильнее, склеивается в гудящую черную воронку, похожую на центр тайфуна, и не удержать, не остановить... Ей бы поговорить. Ей бы рассказать свои мысли кому-нибудь, кому можно признаться в чем угодно, кто никогда не выдаст... потому что не существует на свете. Но, оказывается, воображаемые друзья тоже умирают. Как она ни силилась представить себе живого Никиту — перед глазами вставала лишь кошмарная

картина, увиденная когда-то в стланиках рядом с детской площадкой.

Наверное, вот так и становятся взрослыми — когда оказывается не с кем поделиться тем, о чем не можешь перестать думать. Как же они умудряются справляться с этим в одиночку? Лизе вдруг пришла в голову страшная мысль: а что, если они НЕ справляются? Что, если поток противоречивых мыслей невозможно разобрать в одиночку? Может, именно поэтому взрослые такие... глухие? Потому что знают, что если впустят себе в голову лишние мысли — то их затянет в черную, бешено вращающуюся воронку и утянет на дно?

Она слушает разговоры взрослых, и они ее пугают. Особенно пугает Барин — Нина и Аля все время одергивают его, требуют, чтобы он придержал язык при ребенке, но он не обращает на них внимания. Ему не нравится, что Тимура просто связали и заперли. Он хочет, чтобы Тимур был наказан, и тюрьмы ему кажется мало. Он хочет, чтобы Тимур подробно рассказал, как именно происходили убийства, и собирается заставить его. Барин бубнит и бубнит, как именно это собирается делать — монотонно и ровно, через каждое слово вставляя мат, и половины этого нескончаемого монолога Лиза не понимает. Но и доступного ее разуму достаточно для того, чтобы умирать от ужаса и стыда.

Ей нравится Тимур — но взрослые считают, что он убийца, и с чего бы ей думать, что они не правы? Отцу теперь есть, кого ненавидеть за потерю Натальи, ведь он верит, что это сделал Тимур... но он по-прежнему не глядя отодвигается, как только Лиза пытается оказаться поближе. В том, что Тимур попался, нет ее заслуги, она не заработала прощение. А может, папа догадывается, что на самом деле это сделал кто-то другой. Правда, он все равно будет считать

ее виноватой в том, что Наталья оказалась в плохом месте в плохое время. Так же как Никита оказался один... Но об этом она думать не будет. Просто не будет, и все. Надо найти настоящего убийцу. Лиза должна это сделать сама. И тогда она выручит Тимура и заслужит прощение отца.

Вот так и становятся взрослыми — просто берут и прогоняют лишние мысли, а взамен подсовывают другие... удобные.

И сразу становится понятно, что делать. Как, оказывается, хорошо, когда ты знаешь, что делать...

— Я возьму шоколадку? — громко спросила Лиза, но никто не ответил — лишь отец раздраженно дернул плечом: бери, мол, что хочешь, только не приставай. На что-то подобное она и рассчитывала.

В кладовой все еще сильно пахло порохом, и на досках явственно выделялось бурое пятно крови. Лиза обошла его, прижимаясь спиной к стеллажам, и оглядела полки. Как она и надеялась, здесь было все, что надо. Пачку печенья и шоколадку Лиза положила карман; еще пару коробок засунула под резинку штанов, прикрыв свитером. Оставалось надеяться, что никто не обратит внимания на ее внезапно выпятившийся живот. Схватив еще одну плитку «Особого», она вернулась за стол.

Следующая часть плана была посложнее. Лиза вялоковыряла шоколад, потом подошла к раковине, чтобы вымыть кружку. На ее счастье, лоток с ножами был полон; она выбрала поострее на вид и быстро сунула его за пояс. Холодное лезвие неприятно кольнуло живот. Лиза подумала, что, если сейчас сядет и ссутулится, сталь войдет ей прямо в потроха. Тогда она сама узнает, что почувствовали те, кто сейчас лежит мертвым. Лиза настороженно поглядела на Барина — тот уже не грозился. Его руки мертво лежали на столе, будто

огораживая пистолет. Голова ушла в плечи, кожа на коротко стриженном затылке собралась складками. Лицо сложилось в гримасу тяжелой сосредоточенности, щека то и дело подергивалась — будто Барин вел с кем-то мысленный спор. Если он в этом споре победит — Тимуру конец. Больше тянуть было нельзя. Лиза от души, с привизгом зевнула — раз, и еще раз, и еще. От зевков ей действительно жутко захотелось спать — но расслабляться было нельзя.

Когда Лиза зевнула в пятый раз, издав при этом невнятный скулеж, Дмитрий не выдержал.

— Да пойдی уже поспи, — буркнул он. Лиза благодарно взглянула на него мутными с недосыпа глазами.

— Дима, не стоит... — вмешалась Нина. — Мало ли. Не стоит ей сейчас оставаться одной.

Лиза скрестила пальцы: если кто-нибудь из взрослых решит пойти с ней — все пропало.

— Но мы же его поймали, так? Думаешь, он развяжется и побежит ее душить?

Нина раздраженно повела плечами.

— Так я пойду, — пискнула Лиза, — вы не волнуйтесь, мне не страшно, просто очень спать хочется.

Она качнулась для убедительности — пусть все видят, что ребенок засыпает на ходу, прямо валится с ног. На самом деле ей было страшно, до одури страшно. Что, если она ошиблась насчет Тимура и теперь сама идет в руки убийце? А что, если не ошиблась, маньяк бродит по коридору прямо сейчас и не позволит ей дойти?

Комната, где спали Тимур и Вячеслав Иванович. Комната первого дежурного. Комната второго дежурного. Лиза трясущимися руками достала запасную связку ключей, замеченную в кладовой во время первой вылазки за шоколадом. На ее счастье, к головкам были приклеены подписанные куски

пластыря. Чернила расплылись, и несколько драгоценных секунд Лиза потратила на то, чтобы разобраться, где тройка, а где восьмерка. Она понятия не имела, что скажет, если кто-нибудь выйдет из кухни и застанет ее у дверей.

Наконец ключ повернулся в замке. Язычок щелкнул, Лиза похолодела от страха, но тут же сообразила, что такие звуки раздаются в доме постоянно, каждый раз, когда порыв сквозняка сотрясает какую-нибудь дверь. Едва дыша, она скользнула в комнату и торопливо защелкнула засов. «Только бы не начал ругаться», — подумала она и бросилась к сидящему на кровати Тимуру. На ее счастье, тот только смотрел на нее удивленными блестящими глазами, но не произносил ни слова — видно, ждал объяснений.

— Они скоро придут, наверное, так что слушайте быстро и пожалуйста, не спорьте, — скороговоркой прошептала она, терзая ножом прочный капрон. Тимур шевельнулся, натягивая веревки — резать сразу стало легче. — Вам надо убежать, потому что Барин... В общем, вам надо убежать. Вы спрячетесь, а я в это время...

— Куда ж я убегу, Лиза? — заговорил, наконец, Тимур. Он уже сумел освободить одну руку и, отобрав у Лизы нож, принялся сам резать веревки. — В такой буран я далеко не уйду.

— Вы не понимаете, — горячо проговорила Лиза. — Я принесла вам свечки, и спички, и еще печенье и шоколадку, — она быстро вытаскивала припасы из карманов и бросала на кровать. — В темнушке у входа валяется такая маленькая лопатка, возьмите ее с собой. И еще тулуп, чтоб подстелить. Вы быстро пробежите вдоль дома на ту сторону, вдоль самой стены, где нет снега. Из этих дурацких окон все равно никто ничего не увидит. А там — выроете пещеру.

Тимур, не удержавшись, рассмеялся.

— Вы не понимаете, — с отчаянной досадой повторила Лиза. — Взрослые вообще не понимают, они забыли, а вы вообще не знаете. Снег сейчас очень рыхлый, вы сможете сделать это быстро, до того, как вас бросят искать. Если вы зажжете внутри свечи — там станет тепло. Только ройте ближе к земле, чтобы не пробивался свет. Вас никто не сможет засечь. Нас однажды так родители полночи искали, пока нам не надоело и мы сами не пришли — они бежали вокруг нашей пещеры и ничего не видели, понимаете?

Тимур пожал плечами. Он не считал, что в пещере, вырытой в сугробе, можно высиживать хотя бы пару часов, но девочка говорила так убежденно, что он готов был поверить. В конце концов, он ни разу не рыл пещеры в сугробах, а у местных детей это, похоже, любимое зимнее развлечение. Альтернатива же...

— Лиза, если я сбегу, они воспримут это как доказательство вины, понимаешь? А так у меня есть шанс объяснить.

Лиза серьезно кивнула.

— Но вы не сможете ничего объяснить Барину, — сказала она. — Он не станет слушать, потому что очень боится. И того, что здесь, и еще, что друзья Коляна приедут и его убьют. Он там сидит и уговаривает себя, и скоро уговорит. Я не хочу, чтобы он вам... — она покраснела, не в силах повторить угрозы Барина — одновременно страшные и стыдные. — Он хочет с вами очень плохое сделать, — выдавила она.

— Хорошо, предположим, я сбегу... — Тимур нахмурился, размышляя. Если девочка права насчет пещер — пожалуй, удастся пересидеть до конца бурана. Но что потом? Дойти до города... Выбраться из Черноводска можно только самолетом — он тут же попадетсЯ. Сдаться ментам и попытаться доказать свое алиби? Да будет ли оно? К тому времени,

как тела попадут к экспертам, время смерти уже можно будет определить в лучшем случае с точностью до часа, а на деле — еще более расплывчато. А на часы никто не смотрит, бродят, как зомби, никто ничего толком не вспомнит... Последний случай вообще как на заказ — черти его потащили выгуливать пса, надул бы лужу на пол, ничего страшного... Да и будет ли интересоваться здешних следователей такая мелочь, как алиби, когда под рукой есть отличный козел отпущения?

— Вы не дослушали, — прервала Лиза поток мыслей. — Когда вы сбежите, я заставлю Барина, и папу, и всех остальных пойти в комнату, где лежат мертвецы.

Она замолчала. Кожа на скулах побелела и натянулась так, что блестела. Под глазами залегли черные круги. Губы сжались в ниточку — никакая сила не заставит их расслабиться и растянуться в улыбке. Тимур вдруг понял, что задумала Лиза — и насколько тяжело ей далось это решение.

— Этого нельзя делать, — сказал он.

— Да, я знаю, — бесцветным голосом проговорила Лиза, — они могут сойти с ума и все такое. И Вячеслава Ивановича очень жалко... но я могу вернуть душу Наталье, пусть она скажет. Ее мне не жалко.

— А тех, кто это увидит? Ты забыла, что случилось с Коляном?

— Мне не жалко, — повторила Лиза. Ее глаза сухо блестели, как у сумасшедшей. — Мне надо, чтобы папа узнал, понимаете? Что он узнал, что это не я. Чтобы он ненавидел убийцу, а не меня, — она на секунду молчала, и ее лицо еще больше стало похоже на обтянутый кожей череп. — Я все, что угодно, сделаю. Хоть бы и вас ненавидел, мне все равно. Пусть они узнают, кто это был на самом деле.

— Так нельзя поступать с людьми, понимаешь? Тем более со своим отцом. Он ведь тоже может не выдержать.

Тимуру вдруг стало стыдно. Строит из себя гуманиста, а на деле — просто боится, что в итоге весь город узнает о предмете, воскрешающем мертвых. Прекрасная перспектива. Но Лизе об этом лучше не знать. Пусть думает, что он заботится о душевном здоровье ее драгоценного папы.

— Вы не понимаете, — в который раз повторила Лиза. — Барин нашел в темнушке паяльник, — тускло проговорила она, и к горлу Тимура подкатила мгновенная тошнота. К черту. Что делать дальше — он разберется потом.

— Давай сюда свои припасы, — сказал он. — Я просто уйду, понятно? А ты делай вид, что ничего не знаешь, и ни в коем случае не пользуйся предметом. Ни в коем случае, понятно? Забудь про него. — Лиза неопределенно качнула головой. Он предпочел думать, что это согласие. — И вот еще что, — добавил Тимур. — Если тебя что-то напугает. Кто-то напугает. Покажется странным... Разбей окно и ори, понятно? Дотянешься?

— Да.

— Бей кулаком изо всех сил. Ты порежешься, но это чепуха. И ори как можно громче. Обязательно ори. Я услышу. Кто-нибудь услышит.

Если у убийцы медуза, его умные советы можно спустить в унитаз. Если маньяк — наследник Потрошителя, то девочка будет стоять, как покорная кукла, пока вокруг ее шеи будут затягивать удавку. Если...

— И еще, — спохватился он. — Тебе не надо прятать глаза. Перестань носить воробья на шее, припрячь где-нибудь — и они станут, как раньше.

— Вы лучше идите, пока никто не вышел в коридор, — хмуро сказала Лиза.

Петр лежал на берегу моря. К ногам с шипением подбиралась серая пена, песок колол щеку. Пахло рыбой, водорослями... свежим мясом. Над головой надрывались чайки, и он подтянул ноги, обхватил себя руками, пытаясь прикрыть нутро. Чайки хотели есть.

Острые птичьи когти оцарапали плечо, сильные крылья забили по щекам. Он попытался отмахнуться, — руки не двигались. Холод серебристого металла изглодал пальцы, объел мясо с костей, искривил гримасой онемевшее лицо. Серое небо наливалось багровым, коричневело, как крыло поморника. Это шел с моря рассвет. Петр хотел прикрыть лицо, чтобы солнце не заглянуло в него, чтобы предки не увидели из Верхнего мира, как он лежит на полу грязной кухни, пуская слюни и вращая глазами. Но тело не слушалось. Не спрятаться, не уйти.

Последним усилием Петр сжал пальцы на ледяной фигурке. Поморник обрушил тяжелый клюв на висок, и воронка тайфуна в голове взорвалась дымными клочьями. Петр еще пытался тянуть руки, пытался собрать буран заново, но мир неумолимо затягивало багровой пеленой.

Ногти заскребли по крашеным доскам пола, и под них забились крошки... нет, это песчинки, бесчисленные частицы кварца и халцедонов, похожие на лед, впитавший в себя кровь. Он слышал рокот кровавого прибоя, заполняющий весь мир, не властный только над довольным криком поморника.

Перед тем, как провалиться во тьму Нижнего мира, Петр успел почувствовать, как чайки рвут его кишки.

ГЛАВА 15

ВЫЙДИ ВОН

Тимур хотел, чтобы Лиза сразу убежала к себе, но она упрямо переминалась в коридоре, пока не убедилась, что он благополучно ушел. Лишь после того, как за Тимуром почти беззвучно закрылась дверь, она аккуратно опустила в карман одного из ватников ворованную связку ключей и проскользнула в комнату. Не стоило тянуть время, но, перед тем, как действовать дальше, она должна была хоть немного успокоиться. Слишком много адреналина в крови — сердце билось как бешеное, и Лизе казалось, что его стук слышно во всем доме.

Она не стала закрывать дверь, чтобы слышать все, что происходит на кухне. Если Барин все-таки решит пойти к Тимуру — она должна будет отвлечь его, иначе озверевший бандит может устроить погоню... а для того, чтобы Тимур успел спрятаться, нужно хоть немного времени. И еще чуть-чуть — чтобы замело следы.

Если кто-нибудь попытается сунуться в комнату, где заперли Тимура, прямо сейчас, она закатит такую истерику, что все вообще позабудут, зачем и куда шли. И пусть ее потом ругают и позорят — ей все равно. Ей не стыдно. Она уже вытерпела весь стыд, когда решила... встать на сторону чужака, да. Когда поняла, что не может выдержать происходящего — даже ценой того, что папе есть, кого ненавидеть вместо нее...

Тимур прямо сейчас роет пещеру — может быть, прямо за стеной, как раз напротив ее комнаты. Лизе захотелось выглянуть в окно, но этого, конечно, делать было нельзя — если застучают, могут догадаться. Да и не увидеть ничего — все занесло. Снег, облепивший стекло, стал голубовато-серым. Лиза вдруг поняла, что уже рассвело, а темнота в здании — от того, что все окна замело сверху донизу. Рассвет все-таки наступил. Что-то изменилось в мире.

Утробное ворчание Барина стало громче, и Лиза подскочила. Больше тянуть нельзя — иначе ее план может провалиться.

Лиза стояла в комнате, полной мертвецов.

Она старалась дышать ртом, чтобы не чувствовать запаха. На серых одеялах, покрывавших тела, проступали отвратительные темные пятна. Двое на кроватях, Наталья и Вячеслав Иванович. Двое на полу между ними, похожие на набитые тряпьем мешки, большой и маленький — Колян и Вова. Всего — четверо, но Колян погиб от шальной пули, и поэтому он не в счет. Лиза воскресит одного из троих, чтобы он мог указать на своего убийцу.

Осознание того, что именно надо сделать, обрушилось на Лизу, как тяжелая лапа чудовища, таящегося во тьме, монстра, веками не видевшего света, отвратительного существа с гнилым нутром и ядовитой слюной. До сих пор Лиза не подозревала о его существовании — лишь в худшие дни, в самые мучительные моменты своей жизни, те, о которых хочется забыть навсегда, она иногда чувствовала на затылке его призрачное ледяное дыхание. Но сейчас Лиза должна была повернуться к этому чудовищу лицом. Она должна сделать выбор. Надо решить, кого именно вернуть из небытия в изувеченное, непригодное для жизни тело...

Они мучились, когда оживали, ужасно мучились. Лучше бы эту боль почувствовала Наталья — так ей и надо! Лиза почти хотела, чтобы ей было больно. Пусть бы получила свое за то, что увела папу. Но что она скажет, когда оживет? Она не станет слушать ее просьбы. Она скажет, что Лиза — мелкая паршивка и беда случилась из-за нее. Ты во всем виновата, скажет она. Ты, злобная эгоистичная дрянь, продолжаешь доставать меня даже после смерти... А потом она протянет скрюченные пальцы к отцу и скажет: «Иди ко мне, милый. Я вернулась за тобой». И он закричит от ужаса, волосы станут дыбом, и глаза захлестнет багровой мутью... Или — шагнет навстречу объятиям... и тогда она заберет его.

Нет. Лиза часто, со всхлипыванием дышала. Пальцы вдавились в щеки, и под ногтями на лице проступили кровавые полумесяцы, но она не чувствовала боли. Нет, только не Наталья. Пусть бы этот противный водитель... и пускай он идет, отвратительный, голый, мокрый... пусть они напугаются еще сильнее, так папе и надо. Но знает ли Вова, кто убил его? Один раз она уже воскресила его, и он ничего не сказал. Может, маньяк напал на него сзади. Может, он так и не успел ничего увидеть.

Лиза перевела взгляд на старого учителя. Слезы беззвучным градом по щекам, но Лиза не сознавала этого. Из всех троих одного Вячеслава Ивановича она по-настоящему не хотела оживлять. Не хотела, чтобы он страдал. От мысли, что боль заставит его кричать и плакать, Лизе хотелось скорчиться, завывать загнанным зверьком. Он был добрый, такой добрый, что сумел пожалеть даже своего убийцу, когда узнал его...

Именно поэтому она должна была воскресить именно его.

— Простите, Вячеслав Иванович, — пробормотала она, — простите.

Когда Лиза взялась за кулон, ей показалось, что сердце подернула прочная, как броня, обжигающая корка льда.

Они снова на нее смотрят, думала Анна, снова смотрят, и она начинала догадываться, почему. В их глазах осуждение и угроза. Они все знают, они все видели. Рано или поздно они все умрут, и тогда она наконец-то избавится от ледяных игл в сердце, припиливающих ее к промороженной, твердой, как камень, земле, и взлетит, окутается золотистым сиянием и наконец-то согреется. Но до тех пор ей грозит опасность. Они догадываются. Тулуп, под которым она тряслась на кровати, покрыт пятнами крови — их почти не видно на черной овчине, но Анна чувствовала этот отвратительный запах, и те, другие, тоже. Они шептались за ее спиной и рассказывали Барину о рассыпанных в самолете таблетках, добавляя все новые и новые гнусные подробности. Она хотела, чтобы они все умерли. Она надеялась, что так все и будет.

Проблема была в том, что они не хотели оставаться мертвыми. Анна слышала, как они перешептываются там, в комнате, лежа под своими одеялами и ухмыляясь. Они умерли, но все равно хотели донести на нее.

Теперь она слышала шаги. Да, определенно шаги — шаркающие, деревянные. И когда завизжала девчонка — эта отвратительная мелкая девчонка, из-за которой с Анной и случилась беда, девчонка, нарочно упавшая на чемодан, — стюардесса ни капли не удивилась. Визг был оглушительный, и на секунду ей представилось, что мертвец схватил ее, чтобы навсегда отучить портить чужие вещи... но тут же поняла, что ошиблась. Мертвые не заступятся за нее. Никто за нее не заступится.

— Сюда, скорее! — пронзительно закричала Лиза. — Скорее, помогите, ааа!

Девочка мрачно ухмыльнулась, когда из кухни выскочили все, кто мог. Лизе не сразу пришло в голову, что взрослых можно просто позвать, и поначалу она собиралась перетащить тело поближе, чтобы не заставлять Вячеслава Ивановича... отчаяние и ужас перед задуманным заставили ее стать более разительнее. Она взглянула на мертвеца, и ухмылка сползла с ее лица, как скользкая резиновая маска. Старый учитель плакал. Вот он сделал еще один шаг по коридору... второй... протянул руки, — то ли хотел обтереть испачканные кровью пальцы, то ли просто опереться на чье-то плечо. Сведенные судорогой, усохшие кисти скользнули по руке стюардессы. Она заскулила и попятилась, врезавшись спиной в Нину, стоящую позади. Столкновение заставило качнуться ее обратно. Она выставила руки, упираясь в грудь мертвого учителя.

— Что ж ты, девочка... — укоризненно прошелестел Вячеслав Иванович, подаваясь вперед. Лиза до боли закусила губу. Острая грань кулона соскользнула, вонзилась в царапину, и Лиза была рада этой боли и хотела, чтобы она стала еще сильнее, — как будто этим она могла облегчить страдания старика...

— Зачем же ты так, — повторил Вячеслав Иванович.

И этот печальный укор сломал Анну.

— Не смотрите на меня, — прошептала она, — не смотрите на меня, не надо, я все скажу, все, только не надо, не надо, не... — слова все ускорялись, налезали друг на друга, мешаясь и путаясь. Скороговорка Анны оборвалась; она издала дикий вопль и упала на колени.

— Все расскажу, только не смотрите, не смотрите так! Это я, я! Это сделала я!

Лиза обмякла и последним отчаянным усилием разжала сведенную судорогой руку.

— А Наталью с Вовкой зачем? — спросил Тофик, хватаясь за голову. Его черные густые волосы торчали патлами, как драные вороньи крылья. — Их же вообще в самолете не было!

— Я не запомнила, кто там был, — ровно ответила Анна. — Все равно. Они могли видеть. Они на меня смотрели. Вы все на меня смотрели, вы меня посадить хотели!

— Стоп, — сказал Лешка. — Не сходится. Дежурные.

— Да, что с дежурными? — спросил Тофик. Барин вдруг насупился, мучительно что-то припоминая.

— Ты от автобуса куда пошла? — спросил он.

— Я пошла навстречу тебе, Ленечка, помнишь, мы вас обогнали по дороге? Потому что у тебя джип, и я думала... а потом...

— Да, минут десять одна шаталась, — заключил Барин. — Гадина...

Анна стояла, безвольно опустив руки, и лицо у нее было невыразительное и бесформенное, как сырая, вывалянная в муке котлета.

— Стоп, — снова сказал Лешка. — Ладно. Я, правда, не видел твоих колес в самолете, извини, был занят — блевал, но...

— Мы все этим были заняты, — вставил Тофик. — Дружно, плечом к плечу, стенка на стенку...

— Заткнись. Ладно. Перебить всех подряд, чтоб никто не заложил, — это я как-то могу понять. С гарантией, так сказать. Понимаю.

— Да логичнейший же ход, любой бы так поступил, — снова влез Тофик.

— Да заткнись же. Да, понятно. Но зачем так? Зачем вот так... — Лешка дернул руками, не в силах договорить.

Первым дошло до Дмитрия — он засипел, сжимая кулаки; потом сообразил, о чем речь, и Барин.

— Зачем мертвецов потрошила, тварь? — прошипел он.

Анна растерянно моргнула, беззвучно шевельнула серыми губами.

— Что?

— Здесь так... принято? — стюардесса вопросительно взглянула на Барина, как зубрила-отличница, не совсем уверенная в ответе. Тот задохнулся и посинел. — Я помню, ты говорил, что здесь так принято...

— Да ты...

— Да погодите, что за бред, — еле выговорил потрясенный Лешка, но его никто не услышал.

— Я ж для тебя старалась, Ленечка, — жалобно проговорила Анна, и Барин взорвался.

— Что ж ты, стерва, плетешь, — сдавленно проревел он и схватил ее за горло. Голова Анны беспомощно мотнулась; Барин занес кулак, целя в лицо, и тут геологи, наконец, среагировали. Барин загораживал собой почти весь коридор, и они могли действовать только со спины. Лешка и Тофик повисли на плечах бандита, как две мелкие лайки на холке разъяренного кабана. Барин стряхнул их, словно и не заметив. Лицо стюардессы наливалось синевой. Нина попыталась схватить его за руку и отлетела в угол, даже не успев понять, как это произошло. Дмитрий сунулся было на помощь, навалился сверху, попытался ударить в затылок — но кулак бесильно скользнул вдоль черепа. Железная хватка на горле Анны усилилась. Глаза стюардессы уже закатились, но тут Лешка, поднырнув под локтем Барина, сумел все-таки зайти сбоку. Его костлявый кулак врезался прямо в широкий нос.

Хлынула кровь. Лешка едва сумел увернуться от ответного сокрушительного удара, но цель была достигнута. Барин разжал руки, и Анна тихо осела на пол. Геологи благоразумно отодвинулись подальше — Барин озирался налитыми кровью глазами, хлюпал разбитым носом, и ясно было, что любому, кто окажется слишком близко, не поздоровится.

— Тебе Коляна мало? — спросил Тофик. Бандит дернулся к нему, но, видимо, упоминание о приезде партнера его слегка остудило. Он опустил глаза на стонущую под ногами стюардессу, будто прикидывая — то ли оставить ее в покое, то ли пнуть.

— Слышали, что она несла? — прохрипел он. — Нет, вы слышали?

— Бред, бред, — в десятый раз пробормотал Лешка. — Не верю.

— У нас пять трупов и признание, — возразил Тофик. — Признание бредовое, согласен, — так и поступки не сказать, чтоб трезвые. Ведь видно, что псих работал. А я-то на нашего дурдомщика гнал... Аля, ну не плачь. Все нормально, на тебя уже покушались, снаряд два раза в одну воронку не падает...

Аля сердито шлепнула его по руке и вытащила платок. Трубно высморкавшись, она в последний раз судорожно всхлипнула и затихла. На кончике крана набухла капля, ударила об раковину — так звонко, что все вздрогнули. Переглянулись: что-то изменилось в мире. Что-то стало по-другому. Не так, как раньше.

— Почему так тихо? — вдруг спросила Нина звенящим от напряжения голосом. — Ребята, почему так тихо?

Они все замерли, прислушиваясь. Тишина была такой плотной и неподвижной, что, казалось, здание обложили толстым слоем ваты. Снова упала капля — Нина дернулась,

ударившись рукой об стол, сунула ушибленные костяшки в рот. Внезапно Тофик хлопнул себя по коленям и расхохотался, как безумный; его смех звучал приглушенно, словно кто-то сглатывал звук.

— Буран-то кончился, ребята! — заорал он.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что Тофик прав. Толкаясь, они ринулись к выходу. Тофик распахнул толстую дверь — и все отшатнулись, ослепленные сияющей белизной.

Солнце каталось в сверкающем бледном небе, подернутом прозрачной дымкой из не осевших еще мельчайших снежинок, и гигантские, как кучевые облака, сугробы искрились под ним, щедро разбрасывая бриллиантовые лучи. После душной, пропитанной запахами тел, пищи и курева атмосферы общежития воздух казался сладким и свежим, как небывалый, вкуснейший в мире ледяной эликсир.

— Боже, спасибо тебе, — прошептала Аля и всхлипнула. Улыбнулась сквозь слезы. — Спасибо... Но... Что это?

К наконец-то осознанной тишине примешался далекий, на грани восприятия, звук, доносившийся со стороны трассы — словно гудел где-то толстый деловитый шмель. Лешка склонил голову набок, его глаза недоверчиво расширились.

— Бульдозеры, — прошептал он. — Бульдозеры идут.

ГЛАВА 16

ВЕСТИ ОТ СТАРОГО ДРУГА

Уже третью ночь подряд Лиза просыпалась мокрая, как мышь, от пота, и подолгу лежала в темноте, глядя в потолок. Она слушала мерное дыхание мамы и думала, как это странно: никто из убитых на буровой не приходит в ее сны, и папа, похожий на мертвеца, не приходит, и кошмары про воробушка ей тоже не снятся. Лишь вялые мысли покачиваются где-то в глубинах сознания, как ленты ламинарии в морской воде: она должна найти источник угрозы... должна понять, откуда идут клубы черного дыма... должна сделать что-то — и ищет подсказку в кошмарных снах, но никак не находит.

Стюардесса в СИЗО. А вот чемоданчик с таблетками, чемоданчик, из-за которого она и заварила эту кашу, остался у Барина (его даже не стали задерживать — сказали, что это была самооборона). Лиза видела, как он закинул чемоданчик на заднее сиденье машины.

А Тимур с ней даже не попрощался. Последний раз она видела его на трассе из аэропорта. Увидев из своего укрытия, как конвоируют стюардессу, Тимур решился выйти к автобусу. Геологи о его побеге не сказали ни слова, лишь Барин проворчал: «Если не виноват, так чего слинял?» «Мне надо было дожидаться вашего визита?» — холодно ответил Тимур, и Барин, недовольно засопев, умолк.

Когда Лиза думала об Анне, ей становилось не по себе: слишком уж близко к парку располагалась тюрьма. Пройти с полкилометра по дорожкам, обойти каток, — и вот уже с вершины невысокой сопки перед тобой распахивается мрачная плоская долина, занесенная снегом, а посреди нее — горстка бетонных зданий, колючая проволока, черные вышки. Пару раз Лиза ходила туда с подружкой и ее старшей сестрой: на площадке неподалеку проводил тренировки местный кинологический клуб, а у подруги был боксер, которого пытались дрессировать. Лиза смотрела, как нелепо толстый человек выбегает на пяточок утоптанного снега, смешно размахивая руками, и гладкие, ощеренные доберманы и овчарки бросаются на него, вонзая клыки в толстый слой ваты...

Лиза не любила таких собак. Ей нравились совсем другие — смешные, лохматые и ласковые. Такие, как Шмель. Шмеля забрал Лешка. Геолог жил в частном доме на Красной Горке и мог построить для пса большую теплую будку во дворе — чтобы тот мог задрать ногу, как только ему это понадобится, а не мучился, ожидая, пока его выведут на улицу.

Да, со Шмелем все было в порядке, а вот со стюардесой — не очень, потому что тюрьма была слишком близко от парка, из которого напознала черным облаком смутная угроза — Лиза не могла объяснить, в чем тут дело, не могла ничего рассказать, она просто чувствовала. Ей снилось, что черное облако пересекает долину, просачивается сквозь проволоку, сквозь двери и решетки... Дымные щупальца уплотняются, становятся упругими и сколькими, проскальзывают в камеру, где сидит стюардесса — бледная, нечесаная и истощенная, похожая на привидение. Она так боится, что не может даже закричать. Щупальца подползают к ней и закручиваются вокруг горла...

В одну из таких ночей Лиза поняла, что не может заснуть, и на цыпочках выбралась на кухню. Не включая свет, открыла холодильник. На дне трехлитровой банки еще плескались остатки молока, и Лиза, стараясь не шуметь, перелила его в кружку. Молоко было порошковое, уже слегка подкисшее, но его противный вкус странным образом успокаивал. Он напоминал Лизе о детском саду — о тех временах, когда мама с папой были вместе, Никита — живой, а страх — ненастоящий, придуманный, чтобы интереснее было играть. Во вкусе молока было что-то привычное и утешительное, и, чтобы усилить эти ощущения, Лиза взяла с подоконника старую детскую книжку, зачитанную до дыр. Уже во втором классе приключения щенка Тяпы казались Лизе глупыми и скучными, но сейчас это было именно то, что надо. Свет включать по-прежнему не хотелось, но в ящике стола лежали свечи на случай, если бураном оборвет провода. Маленького огонька вполне хватало для того, чтобы разбирать крупный, рассчитанный на малышей шрифт.

Прихлебывая молоко, Лиза перевернула страницу. Легкий ветерок подхватил обрывок тетрадного листка в линейку; Лиза поймала его и перевернула. Пробежалось по корявой, печатными буквами написанной строчке, и, не поверив своим глазам, прочла снова.

ЖДУ НА КЛАДБИЩЕ РОВНА В ПОЛНОЧ!!! НИКИТА

Она отбросила записку, как отвратительного, покрытого слизью червя. Волосы на затылке Лизы зашевелились, и она хрипло застонала от мгновенно нахлынувшего ужаса. Руки задрожали так, что молоко выплеснулось на страницы книжки. Жду на кладбище. Никита ждет ее на кладбище. Никита...

Лиза с хлопанием втянула в себя ставший вдруг сухим и колючим воздух и сипло, деланно хихикнула. Она сама написала эту записку. Сама, своими руками, два или три года назад. Они с Никитой играли в искателей кладов. Она играла, что ищет клад вместе с воображаемым другом, и написала эту записку понарошку, как будто это сделал Никита. Она до восьми лет путала направление косых черточек в букве «и», то писала правильно, то старательно, высунув кончик испачканного карандашом языка, выводила зеркальное отражение.

Страх ушел, только по затылку еще бегали колючие мурашки. Лиза аккуратно вытерла пролитое молоко, закрыла книжку и тихо вернулась в постель. Подсказка была найдена. На завтра Лизе предстояла очень длинная прогулка.

К ее удаче, утро выдалось такое ясное, что мама сама предложила ей сходить покататься на лыжах.

— Только с лыжни не уходи, — привычно предупредила она.

— Конечно, ну буду, — так же привычно соврала Лиза.

Она выглянула в окно. Лыжня отделялась от дороги справа — уже успели накатать после бурана — и вилась по сопкам до самого моря. Среди редких низких лиственниц мелькали яркие куртки — несколько человек уже выбрались покататься, торопясь воспользоваться наладившейся погодой. Вдалеке виднелась молочно-изумрудная полоска моря — буран взломал и отогнал лед от берега. Лиза привычно поискала глазами красные с белым вышки буровой платформы и удивленно обернулась к маме:

— А где...

— Так тайфуном снесло, — ответила та. — Уникальный случай, она же на любой шторм рассчитана, но вот — не

выдержала... — Лиза уже собиралась, вполуха слушая о разрушениях, которые принес буран. Самым сложным, оказалось, незаметно выудить воробушка из тайника — пришлось тянуть время, дожидаясь, пока маму что-нибудь отвлечет. Кулон Лизе пришлось положить в карман — челку ей коротко обстригли на следующий же день после приезда, и прятать глаза стало намного труднее.

Выбравшись, наконец, из квартиры и спустившись на первый этаж, Лиза огляделась по сторонам и нырнула в закуток под лестницей, где жители подъезда держали санки — зимой и велосипеды — летом. Сунула лыжи в угол и, еще раз посмотрев по сторонам, выбежала на улицу. С помощью минутной возни с лыжами Лиза выгадывала себе несколько часов: если бы она просто ушла гулять, мама начала бы волноваться уже к обеду; зато катание могло затянуться до темноты — это считалось нормальным. Темноты и тем более полуночи Лиза ждать, конечно, не собиралась, — раз уж сама написала Никитину записку, то и время могла менять как ей удобно. Но и точно рассчитать, какой срок ей понадобится, она не могла, так что пусть будет запас...

До кладбища, устроенного на болоте недалеко от городской черты, Лиза добралась за час. Можно было бы быстрее — но тогда идти бы пришлось через парк. Несмотря на отчаянную, с сумасшедшинкой, храбрость, которую Лиза ощущала с самого утра, совсем уж рисковать не хотелось, и она предпочла сделать крюк.

Кладбище отделяла от парка полоса огородов. С другой стороны с ним граничил старый тополевый лес. Ранней весной, когда деревья покрывались зеленой дымкой клейкой пахучей листвы, Лиза с отцом ездили сюда за папоротником. Выйдя из машины, надевали брезентовые куртки-энцефалитки,

чтобы не подцепить клещей, и входили в лес. В полумраке светились трехперстки — желто-черная серединка, три белоснежных лепестка на макушке сочного стебля. Лиза и ее отец бродили среди гладких серых стволов, перебирались через трухлявые бревна, засыпанные мокрой, прелой листвой, высматривали первые побеги папоротника. Возвращались домой с разбухшими, остро пахнущими пакетами; покрытые коричневым мехом ростки-спиральки вываливали в большущий таз с водой. Когда пушок на побегах намокал, они все вместе, втроем рассаживались вокруг таза на табуретках и пропускали завитки папоротника сквозь пальцы. Очищенная, глянцеви́то-зеленая, с пурпурными пятнышками спиралька падала в кастрюлю. Оставшийся на пальцах свалившийся пух стряхивался на газету. Руки от папоротника надолго становились коричневыми — точно так же, как от зеленых грецких орехов, только запах был другим: аромат палой листвы, грибов и еще какой-то острый, неуловимый запах, который крошечными коготками царапался в самой глубине горла.

Очищенный папоротник сушили, а потом, уже зимой — снова вымачивали, варили, а потом обжаривали в масле. Этим всегда занимался отец. Папоротник, жареную рыбу и «соус» — огромные кастрюли тушеной баранины с картошкой — всегда готовил он, это были его коронные блюда, к которым не допускались женщины. Как же так, подумала Лиза. Кто теперь будет жарить корюшку? Кто теперь принесет в дом полиэтиленовый мешок, пахнущий морозом и огурцами? Кто будет рассказывать Лизе смешные истории, которые случаются с геологами в тайге? Лиза не виделась с отцом с тех пор, как бульдозеры расчистили трассу и папи на «Нива» наконец добралась до города.

Ничего. Лиза все исправит — иначе, зачем она здесь?

Кладбище оказалось огромным. Только теперь Лиза обнаружила в своем плане изъян: она может бродить здесь до самого вечера, но так и не найти могилу Никиты. Чем она думала? Ведь она даже не помнила его фамилии... Лиза достала из кармана записку и перечитала заново — никаких подсказок. Обратная сторона листка тоже чистая — лишь внизу пририсован исчерканный квадратик с крестиком в уголке...

«Ну-ка, Лизок, где у нас север?» — весело спрашивал папа, когда они заходили в лес, и Лиза, почти не задумываясь, махала рукой туда, где вставали невидимые за деревьями три сопки-близнеца. А на картах север обычно сверху... Лиза повернулась, совмещая направления, и, все еще не веря себе, побрела в лощину у самой опушки, на которую указывал крестик.

Могилу Никиты она узнала сразу. Лиза была уверена, что не помнит толком его лица, но фотография на надгробном камне заставила ее остановиться так резко, будто она налетела на стену. Никаких сомнений — это был он, ее друг... бывший друг. Но, может, они все-таки сумеют помириться. Именно для этого Лиза пришла на кладбище с воробушком в кармане и совком, спрятанным под курткой. Ей надо было попросить прощения. Ей надо было спросить Никиту, кто убил его. Она надеялась, что Никита умер достаточно давно, чтобы уже не чувствовать боли.

Снег не успел слежаться, и поначалу копать было легко — лишь последний слой оказался плотным и тяжелым, приходилось не столько копать, сколько резать его совком, а потом поддевать увесистые куски. Лиза взмокла и натерла волдыри на руках — хорошо еще, что она заранее решила не разрывать могилу полностью, обойтись только ямкой над

изголовьем Никиты. Она говорила себе — разрыть могилу целиком ей не хватит ни сил, ни времени. Наверное, это было правдой. Но на самом деле она не хотела видеть всего Никиту... а еще — боялась повторения своих снов, в которых бывший друг, одержимый жаждой мести, пытался убить ее. Лиза не собиралась давать ему возможность дотянуться до своего горла.

Со снегом она справилась, но промороженный торф оказался ей не по силам. Лиза слышала, что из-за того, что кладбище находится на болоте, людей хоронят неглубоко, и думала, что сумеет справиться... Но она ошиблась, безнадежно ошиблась. Между ней и Никитой — преграда твердая, как камень, и она ничего не может с этим поделать.

Лиза встала на колени перед расчищенным клочком земли и сжала воробья в ладошке. Она должна была хотя бы попытаться. Ледяные иглы разбежались по пальцам, остужая горячие от тяжелой работы руки.

— Прости меня, — сказала Лиза. — Прости меня, пожалуйста, я не хотела, и я долго играла с тобой после того, как ты умер, потому что скучала по тебе. Ты ведь простишь меня, правда? Нам ведь так весело было вместе, и я всегда с тобой играла... ну, кроме того дня. — Лиза заплакала, все крепче сжимая фигурку. Бесполезно. Все зря... — И еще я хотела спросить, кто тебя убил, — закончила она и замолкла, прижимаясь ухом к ледяной поверхности могилы.

На что она надеялась? Что истлевшие губы назовут ей имя? Что в темных глазницах она увидит прощение? Или на то, что руки в клочьях почерневшей кожи протянутся к ней в дружеском объятии?

Слезы стекали по щекам и замерзали, упав на землю. Она слышала только шорох торфа. Бесконечный, убаюкивающий шепот холодной земли, надежно хранящей мертвецов.

Только шорох... и еще — тихое, едва различимое поскребывание. Как будто кто-то провел изнутри ногтем по крышке гроба. Как будто кто-то слабый, как едва вылупившийся птенец, скребся в бессильном, но жадном желании выбраться наружу.

Лизе захотелось закричать.

Отдаленный скрип снега под чьими-то шагами. Лиза приоткрыла глаза. Замерзающие слезы искажали мир, делали его расплывчатым — она видела только черный силуэт на белом фоне. Она подняла ладонь, чтобы вытереть глаза, но в этот момент из-под земли донесся звук, похожий на шипение газа в конфорках кухонной плиты. Руки Лизы, мгновенно заледенев, бессильно опустились на колени.

— Ты все помнишь, — сказал Никита.

— ...а то она стукнет меня геологическим молотком по голове, — смеется папа, и Лиза улыбается в ответ, но смотрит настороженно: а вдруг не шутит?

— Не пугайте ребенка, Дмитрий, — следует раздраженный ответ. — Она и так от меня шарахается с тех пор, как...

Воспитательница, распространяющая запах валерьянки, пытается успокоить группу растерянных, плачущих детей и бросает благодарные взгляды на прохожую, которая не только сбегала вызвать милицию, но и вернулась, чтобы помочь отвести в садик перепуганных малышей. Воспитательница сбивает детей в пары; прохожая берет на руки парализованную ужасом Лизу и несет следом. Лиза не может пошевелиться, не может вымолвить ни слова, не может даже дышать, потому что запах этой женщины пугает ее. Это запах, который навсегда впитался в память Лизы, пока она стояла над телом друга и смотрела на копошащихся на

его лице мух. Лиза уверена, что сейчас эта женщина развернется и унесет ее обратно в стланики, к Никите, а ей придется только беспомощно смотреть в спину уходящей с остальными детьми воспитательнице.

Они выходят из парка на перекресток рядом с институтом. Лиза видит бегущего навстречу отца и только тогда начинает кричать и вырываться. Страшная женщина отпускает ее; Лиза подбегает к отцу, вцепляется в его ногу и наконец, чувствует себя в безопасности... почти в безопасности — потому что отец жмет руку страшной женщины и называет ее по имени...

Теперь она все помнила, но это уже не имело значения. Шаги приближались, и скрип снега под ногами вызывал содрогание. Размеренные, неторопливые шаги. Ты хочешь знать, кто убийца? Тогда открой глаза. Просто открой глаза и посмотри.

Над головой крикнула чайка. С шорохом упала в лесу веточка, обломившаяся, когда с нее слетела жирная синица. Где-то урчал, приближаясь, мотор. Дальний лай собак, веселые крики детей, несущихся на санках с горы, гудки. Все это было очень далеко; эти звуки больше не касались Лизы. Скрип снега заполнил собой весь мир.

ГЛАВА 17

УСПЕТЬ НА КЛАДБИЩЕ

За прошедшие несколько дней Тимур трижды побывал у следователя, раз за разом, описывая ночь на буровой. Перед первым допросом он опасался, что легенда о командировке быстро затрещит по швам, но этого не произошло, — после того, как нефтяники добрались до шельфа, командировочные в городе стали привычным явлением. Похоже, ментов убедили не столько документы Тимура, сколько джип, на котором он разъезжал по городу. У Заказчика были большие связи, и машина ждала в гараже с того момента, как решено было ехать в Черноводск. Впрочем, расследование было практически формальностью: признание стюардессы всех устраивало...

Тимур вышел из душежного отделения и закурил. День был чудесный, безветренный и ясный, и легчайшая морозная дымка висела в воздухе, вспыхивая на солнце неуловимыми искорками. Чуть выше по улице несколько детей с воплями восторга ползали по пышным сугробам, обстреливая друг друга рассыпчатыми снежками. Мысли Тимура обратились к Лизе, и он ничуть не удивился, когда к крыльцу подошел ее отец. Удача искоса поглядывала через плечо, готовая уже повернуться лицом. Тимур пошел навстречу геологу, заранее дружелюбно протягивая руку.

Вблизи он выглядел страшно, и улыбка Тимура увяла. Щетина, красные, воспаленные глаза, нечистые пятна на мятых брюках. Густой перегар, казалось, мутным облачком висел над головой. Руки с траурной каймой под ногтями мелко тряслись. Рот безвольно обмяк, превращая некогда умное и жесткое лицо в бессмысленную слабоумную гримасу. Все говорило о том, что Дмитрий не просыхал с тех пор, как добрался до города.

Тимур уже знал ответ, но все-таки спросил, как дела у Лизы. Дмитрий окинул его мутным, недоуменным взглядом человека, не понимающего, о ком идет речь, и уверенного, что его с кем-то перепутали. Похоже, в запое намертво забыл, что у него есть дочь. Или просто не захотел об этом помнить...

Однако Дмитрий помнил. Ребячий визг пробудил в нем, видимо, какие-то воспоминания. Он нахмурился, пытаясь поймать увертливую мысль. В затуманенном мозгу прихотливо переплетались предстоящий допрос, гибель жены и дети, играющие в сугробах.

— Надо будет Лизку на могилку сводить, — наконец, изрек он.

За время, что понадобилось на дорогу к кладбищу, подозрения Тимура перешли в уверенность. Вытянуть из пьяного нужные сведения было не трудно; оставалось сложить два и два. Тимур успел узнать Лизу достаточно хорошо, чтобы понять: рано или поздно девчонке придет в голову замечательная идея самой навестить приятеля — разумеется, с фигуркой воробья в кармашке. Сперва он бросился к Лизину дому, но на половине пути передумал: лучше было бы убедиться для начала, что она еще этого не сделала... или не делает прямо сейчас. Убийца — настоящий убийца — тоже мог

сложить два и два, сопоставить разрытую могилку одного маленького мальчика и бродящих по общежитию мертвецов. После этого за жизнь Лизы не дать и ломаного гроша.

Подъезд был перекрыт автобусом с черной полосой на борту. Тимур остановился, дожидаясь, пока пройдет похоронная процессия — несколько десятков людей, большей частью невысоких и щуплых, странновато одетых азиатов. Перед гробом несли большой черно-белый портрет; Тимур рассеянно проводил его взглядом, нетерпеливо барабанил пальцами по рулю. Внезапно он сбился с ритма; выбивающие дробь пальцы замедлились, переходя на похоронный марш, а потом и вовсе замерли.

Дорога освободилась, но теперь Тимур не спешил ехать дальше. Мельком увиденный портрет не шел из головы. Черно-белая фотография, наверняка когда-то сделанная для паспорта. Лицо как печеное яблоко, широкие скулы, узкие глаза, сеть морщин. Этому мужчине могло быть и пятьдесят, и восемьдесят. Гордое, пожалуй, даже надменное лицо. В нем было что-то противоестественное, и Тимуру пришлось потратить несколько минут, чтобы понять: у старика были светлые глаза, и, хотя на черно-белой фотографии этого нельзя было разобрать, Тимур готов был поклясться, что оттенки радужек слегка различны.

Охотничий пес внутри неслышно сделал последний шаг и замер, поджав лапу в стойке, вытянулся в звенящую струну, и лишь его нос подрагивал, ловя тончайшие струйки запаха. Тимур выключил мотор и выбрался из машины. Один из участников процессии остановился, поправляя шнурки; его фигура показалась Тимуру знакомой. Неужели наконец-то повезло?

— Лешка! — окликнул он. Маленький геолог вздрогнул и оглянулся. Расплылся в неуверенной улыбке.

— Ты что здесь делаешь?

— Заблудился, — с досадой ответил Тимур, — свернул где-то неправильно.

Особой скорби на Лешкиной физиономии не было — скорее едва заметная досада. Геолог как будто был даже рад, что появление знакомого отвлекло его от печального ритуала.

— Родственник? — рискнул спросить Тимур.

— Очень дальний, — неохотно ответил Лешка. — Здоровый мужик был, охотился, зимой на лыжах в сопки ходил, а тут раз — и на ровном месте инсульт...

— Сочувствую, — пробормотал Тимур. Лешка махнул рукой.

— Мы его не любили, — с досадой сказал он. — Не прийти не могли, но... никто из наших его не любил.

— Плохой характер? — осторожно, осторожно...

— Нельзя плохо говорить о покойниках, да? — Лешка уныло усмехнулся. — Но его отец был большим человеком, последним великим шаманом здешних мест. А он — уже в середине жизни превратился в злого, жадного, заносчивого болвана, который проклял свою единственную дочь. Иногда я думаю, что проклятие подействовало. Все-таки он был сыном шамана. Она на все готова была пойти, чтобы он ее простил.

— Простил? — тихо спросил Тимур.

— Кто ж знает. На похороны вот не пришла, но мало ли... Вячиваныч учил нас не лезть в семейные дела. — Лешка слегка повел плечами, будто на мгновение усомнился в мудрости учителя. — Но Нина так и осталась... обожженная. Лизку жалко, — некстати добавил он, но Тимур лишь согласно кивнул: его мысли текли тем же путем.

— Так это Нина, — проговорил он. Последний кусочек мозаики со щелчком встал на место.

Он издалека увидел крошечную фигурку, сидящую посреди темного пятна освобожденной от снега могилы, и вторую фигуру, побольше, в длинном пуховике, неумолимо приближающуюся к девочке. Он слишком далеко; на прямую не проедет даже джип. Черт знает, на что готова пойти эта женщина. Она наверняка понимает, что лица на таком расстоянии не разглядеть, а точно такие же пуховики носит половина города. Она может совершить убийство у него на глазах в уверенности, что ее не опознают, а потом скрыться в лесу. Господи, хоть бы чертова девчонка сопротивлялась — но нет, сидит, не шевелясь, не оборачиваясь... Не слышит шагов? Лишилась разума и считает, что это случайный прохожий, который просто пройдет мимо? Зарычав, он прибавил скорость и надавил на клаксон. Оглушительный рев сигнала понесся над кладбищем. Фигура в пуховике вздрогнула и на секунду замерла, а потом двинулась дальше, все так же размеренно. Тимур вывернул шею; он рисковал уехать в сугроб и застрять там намертво, но не мог оторвать глаз от женщины. Вот она все ближе... ближе... шаги замедлились рядом с Лизой, и Тимур в отчаянии опять засигналил, снова и снова, поднимая в воздух стаи ворон.

Женщина приостановилась на секунду, повернула в сторону машины слепое пятно лица... и пошла дальше, мимо, мимо, все так же неторопливо и размеренно.

— Залезай, отвезу тебя домой.

Он распахнул дверцу, и Лиза на мгновение заколебалась, испытующе глядя в глаза. Тимур спохватился, пытаясь придумать, что сказать — девочку же годами учили не садиться в чужие машины... Но Лиза уже сделала выбор.

Устроившись на переднем сиденье, она сняла покрытые сосульками варежки и протянула красные мокрые пальцы к обогревателю.

— Это была Нина, — буднично сказала она, пока Тимур прогревал мотор. — Это все она, вовсе не стюардесса.

— Знаю, — кивнул Тимур, и Лиза метнула на него любопытный взгляд: а он-то откуда знает? Но Тимур не спешил объяснять. Вместо этого он спросил: — Ты понимаешь, почему она это делала?

«Слишком хорошо понимаю», — ответили глаза Лизы, и Тимур снова вспомнил, как она твердила: сделаю все, что угодно, чтобы папа меня простил. Все, что угодно.

— Я могу только догадываться, зачем это нужно было ее отцу, — он покосился на Лизу, ожидая подсказки, но та смотрела прямо перед собой. Что ж, это он еще выяснит. — Но Нина убивала ради него. Давай посмотрим...

Он вдруг почувствовал себя глупо. Он что, собирается обсуждать с девчонкой, как именно действовала эта маньячка? Лучше бы пошел к следователю. «Знаете, я только что выяснил, что зверские убийства совершала не наркоманка-стюардесса с сомнительными связями и явным мотивом, а всеми уважаемая сотрудница института. Нет, доказательств у меня нет, но я знаю девочку, которая умеет воскрешать мертвецов — любой из них подтвердит. Спасибо, что выслушали, рад был помочь». К черту. Ему нужно проговорить свои догадки, а Лиза имеет полное право знать, что произошло на буровой.

— Дежурных, видимо, убил ее отец, — сказал Тимур. — Застал их поодиночке: одного — на вахте, второго — на пороге общежития.

— Я видела кровь на крыльце, — подтвердила Лиза. — Но не стала говорить. Папа злился...

— Понимаю. Ты не переживай, ладно? Все равно уже было поздно. Потом — жена твоего папы...

— Она просто вышла следом. Наталья сама отправила папу спать, так что никто не заметил, что ее слишком долго нет.

Тимур кивнул и начал осторожно выруливать с узкой подъездной дорожки. Лиза терпеливо ждала — видимо, привыкла ездить с отцом и понимала, когда водителя лучше не отвлекать.

— Двери все время хлопали, никто не обращал на это внимания, — продолжил Тимур. Они уже выехали на покрытую плотно укатанным снегом грунтовку, ведущую прочь от кладбища, и теперь управление машиной почти не требовало внимания. — Нож она взяла из кучи у раковины. И, наверное, надела один из тулупов, висящих в коридоре, а потом вернула его на место.

— Помните, я говорила, что от вешалки пахнет кровью.

— Да. Следующим был Вячеслав Иванович. Та же схема. Думаю, она оглушила Шмеля — помнишь, каким он был пришибленным остаток ночи? Но пес очнулся и бросился искать помощи.

— И наткнулся на меня...

Тимур кивнул и замолчал, не зная, стоит ли говорить то, о чем он сейчас думал, вслух. Лиза разрешила его сомнения.

— Потом она хотела убить меня, я знаю, — она прикрыла глаза, вспомнив, как шарфик на шее становится все туже, и сочувственное лицо Нины начинает плыть и покачиваться. — И вы меня спасли, я знаю. Спасибо.

— Обращайся, если что, — смущенно усмехнулся он. — Я заподозрил ее тогда, но понимал, что сам выгляжу так же сомнительно. Никакой уверенности... Дальше — Вова. И тут,

признаться, она сбила меня с толку. Какая актерская игра! До чего наглый блеф! Она убивает водителя и идет в душ, а потом, когда стюардесса находит тело, разыгрывает целый спектакль. На глазах у всех хватается за нож, чтобы объяснить отпечатки пальцев... Но тут вмешиваешься ты с воробьем, душа Вовы возвращается, — и Нина блестяще импровизирует, бросаясь на помощь.

— Но он же мог, мог сказать... — Лиза умоляюще взглянула на Тимура: скажи, я устроила этот кошмар не зря, скажи, что был шанс...

— Так он и говорил! Просил отпустить, ругался... но никто и не усомнился, что причина этому — ее неуклюжие попытки помочь.

— А еще потом она в открытую отмывала кровь, — вспомнила Лиза, — и никому не пришло в голову, что она запачкала одежду до того...

— Убийство Вовы бросает подозрения на несчастного сумасшедшего психиатра. Кстати, он наверняка слышал шум, но интерпретировал его на свой лад и не счел нужным реагировать. Скорее всего, Нина на это и рассчитывала. Возможно, на этом она и остановилась бы, если бы этот псих не сбежал... Его, кстати, так и не нашли, ты знаешь? — Лиза кивнула. Тимур хотел продолжить, но задумался, вспоминая реакцию Нины. — Что-то напугало ее тогда, очень напугало... Эта аналогия — то, что он распорол сам себе живот осколками стекла, когда вылезал...

— Ну, тут всякий бы испугался, — внезапно ответила Лиза и нахмурилась. Видно было, что она понимает, в чем дело, но не уверена, что сумеет объяснить. — Она ведь думала, что все понарошку, понимаете?

«Ни хрена ж себе понарошку!» — подумал Тимур, но вслух ничего говорить не стал, чтобы не сбить Лизу с мысли.

— Она это делала, потому что так нужно было ее папе. Не просто убивала, а... вот так. А потом, когда врач порезал живот, она увидела, что все на самом деле... — Лиза замолчала и беспомощно взглянула на Тимура. — Как со всякими дурацкими правилами, ну?

Тимур медленно кивнул, сообразив, наконец, что пытается сказать девочка. В детстве ты многое делаешь только из-за того, что так требуют родители. Потом ты вырастаешь — и продолжаешь выполнять ритуалы, хоть и не веришь в них ни капли. Просто делаешь то, чему тебя научили, даже не по привычке, — а чтобы оставаться в семье своим, не терять чувство принадлежности, не расстраивать родных и не спорить с ними. Например, переворачиваешь ковшик вверх дном после того, как напьешься. Тимур криво ухмыльнулся, представив, что почувствовал бы, если б не перевернул посудину — и обнаружил, что бабушка не зря предупреждала и в ковшик действительно нагадили черти... Да, не удивительно, что Нина испугалась.

— Ты умница, — сказал он Лизе, и девочка слегка покраснела. Спросила:

— А что она делала дальше?

— Дальше... видимо, она решает, что должна продолжать. Тем более, появляется возможность свалить на беглого сумасшедшего еще одно убийство — все напуганы, плохо соображают от недосыпа, подавлены. Шокированы нелепой смертью бандита. Опасаться чьей-то догадливости не надо, и она решается на новое преступление.

Тимур прищелкнул пальцами, пытаясь вспомнить нечто, связанное с душевой кабинкой...

— Точно! — воскликнул он. — Я же видел, да позабыл... Похоже, маскировку с тулупом она придумала еще перед убийством Вовы — и потом бросила шмотье прямо

в душевой. Его не то чтобы не заметили... просто отвлеклись, а потом позабыли, отметили, как несущественное, ведь все казалось ясным. Тулуп и шарф так и остались валяться в кабинке, где был убит водитель. Стюардесса бессознательно выбрала другой душ — ее можно понять. Аля же пропустила Нину вперед, и этим едва не подписала себе смертный приговор... Нина заходит в душ. Она слышит, что Анна уже моется, а Аля заперлась в туалете. Вместо того, чтобы раздеться, Нина напяливает тулуп и шарф, выходит, выдавливает оконное стекло, чтобы навести всех на идею, что убийца пришел извне. Подкрадывается к туалетной кабинке, где сидит Аля. Ей не приходится даже оглушать ее — женщина, взвинченная до предела, попросту теряет сознание, увидев поджидающего ее маньяка. Нина успевает накинуть ей на шею шарф, и тут стюардесса выключает воду... Этим она спасла Але жизнь. На то, чтобы задушить человека, нужно время, но Нина понимает, что его нет — Анна в любой момент может выйти. С двумя женщинами разом ей без шума не справиться. Она инсценирует побег, выкидывает тулуп и шапку в окно, а сама на цыпочках возвращается под душ... — Тимур помолчал. Притормозил, сворачивая на дорогу, идущую вдоль города и дальше, по-над бухтой к обрыву над морем. Впереди уже виднелся ядовито-зеленый торец углового дома, в котором жила Лиза.

— Не понимаю, как она могла так рисковать, — пробормотал он. — В любой момент могла попасться. Не могла же она рассчитывать на то, что убийства возьмет на себя эта несчастная наркоманка?

«Или могла? — подумал он. — Вполне могла, если хранила где-то в записке медузу, доставшуюся от отца».

— Вы не понимаете. Просто ей было все равно, что будет дальше, — грустно ответила Лиза и отвернулась, пряча

подозрительно заблестевшие глаза. — Если бы папа простил ее — все остальное было бы уже не важно.

Жалость и тревога охватили Тимура. Перед глазами встало опухшее лицо Дмитрия и мутный взгляд, в котором не видно было ни капли чувства к дочке.

— Послушай, Лиза, — осторожно сказал он, — я тебе друг...

Она вдруг резко повернулась, и в ярких глазах вспыхнула злость.

— А еще вам очень нужен воробей, да? Не врите! Я видела, как вы на него смотрели.

И ведь не жалко ей воробья, страха от предмета больше, чем пользы. Просто невыносима мысль, что обретенный друг — не друг вовсе, а корыстный лжец. Правда. Только правда... Господи, девчонка спасла его задницу — а теперь считает, что ему нужен только предмет. Как же тяжело ей пришлось... «Так и осталась, будто обожженная», — вспомнились слова Лешки.

— Мне бы здорово пригодился воробей, — осторожно сказал Тимур. — Но я действительно друг тебе и хочу помочь. Я не знаю, чем, но очень хочу.

Лиза молчала. Он остановил машину, оглядел занесенный снегом пустырь перед домом, темное пятно помойки — над ней кружились чайки, ныряли, выхватывали из кучи мусора кусок повкуснее, и снова взмывали в небо, прекрасные и стремительные.

— Поморник, — сказала вдруг Лиза. — Видите?

Тоже чайка, но крупнее обычной, в ярком шоколадно-белом оперении, с хищным тяжелым клювом. Остальные птицы ее опасливо сторонились, оставляя лучшие куски. Поморник взлетал с резким криком, выписывал на острых, как лезвия, крыльях причудливые пируэты и вновь пикировал вниз, жадно и голодно целясь клювом.

Лиза по-взрослому поджала губы и отвернулась. Распахнула дверцу машины.

— Что ты собираешься делать? — спросил Тимур. Глупый вопрос: да что она может сделать, эта маленькая девочка? Только приспособиться и жить дальше, как корявая, изуродованная ветрами, но живучая лиственничка, на свою беду проросшая на морском обрыве.

Однако он ждал ответа.

— Я найду ее и заставлю во всем признаться.

Лиза смотрела на него настороженно, ожидая увидеть снисходительную ухмылку. Но Тимуру было не смешно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

КАРИНА ШАИНЯН

Родилась 14 сентября 1976 года в городе Грозном. Биография автора укладывается в треугольник, подминающий под себя практически всю страну, — жизнь Карины прошла между городами Грозный, Оха (Сахалин) и Москва. Представительница славной династии: родители — геологи, дед — геолог, бабушка — инженер-нефтяник, папина сестра и мамин брат — геологи. Положение, как говорится, обязывает, поэтому геологом пыталась стать неоднократно, три года подряд поступая в Губ-

кинскую академию нефти и газа, на геофак МГУ и еще раз на геофак МГУ. В итоге закончила психфак МГУ. Работала школьным психологом, но сбежала после того, как одна девочка начала ловить агентов Скалли и Малдера у нее в кабинете. В данный момент учится на сценарном факультете ВГИКа.

Помимо учебы играла на скрипке, рисовала, отработала сезон с геологической партией на полуострове Шмидта (самый север Сахалина) — по ее словам, «на должности «за козленка», она же «мальчик за все». Была вокалисткой панк-рок-группы, немного поработала в журналистике. С детства увлекается лошадьми, каждое лето проводит на Алтае — водит инструктором туристов в конные походы. Профессионально занимается изготовлением дизайнерских украшений. Еще одна страсть — поездки в экзотические страны. Путешествовала по Эквадору, Индонезии и Малайзии, поднималась на Килиманджаро, основательно изучила нетуристические места Камбоджи и Таиланда.

Писать начала в 2001 году, активно публикуется с 2002 года. Считается одним из самых перспективных авторов нового поколения российских фантастов. В 2010 году вышел дебютный роман Карины Шаинян «Долгий путь на Бимини». Карина — лауреат премий им. В. Савченко «Открытие себя», «Мраморный фавн», «Золотой кадудцей», «Бронзовый Роскон» и «Золотой Роскон». Дипломант «АБС-премии» 2012 года с романом «Че Гевара. Боливийский дедушка».

АВТОР О «ДУШАХ»

В вашей книге действие происходит в краю, для многих читателей далеком и экзотическом. Суровом, но красивом, судя по описаниям. Приходилось ли вам проживать в подобных местах?

Да, практически все детство я провела на севере Сахалина, в городе Охе, и до шестнадцати лет экзотикой для меня была сирень, березовые рощи и серые вороны (на Сахалине они черные). Черноводск очень похож на Оху и географией, и историей, и социально-экономическими условиями. Как, впрочем, похожи друг на друга все города, выросшие на севере вокруг нефтяных промыслов.

«Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и потому в счёт не идёт» — написал Чехов о Сахалине. Очевидно, некий город Черноводск как раз в той самой части и находится?

Думаю, места, где находится Черноводск, Чехов оценил бы так же. Правда, он не знал, что там найдут нефть — и климатические и почвенные условия сразу станут не важны...

Удалось, значит, людям труда опровергнуть слова литературного классика? Или поселения там временные, и людям там «ничего не светит»?

Классик все-таки высказался слишком решительно. Живут же в Гренландии, на Огненной Земле и за Полярным

кругом, и уходить не собираются. Вполне можно жить в тех местах. Да, жуткие бураны зимой, короткое, промозглое лето, почва, в которой даже картошка не растет... Зато какая рыба! Выживание людей уже давно не зависит от погоды и урожая в одной конкретной точке, мы можем устроиться где угодно, был бы смысл.

И это все — о европейцах, а ведь есть еще местные жители, которые веками приспособивались к тяжелым условиям этих земель — и вполне успешно.

Лиза всей душой стремится в Черноводск. Не только к маме и папе ведь? Снежные пещеры со свечами внутри, хорошая лыжня в погожий день... Что еще? Чем отличается детская жизнь на Сахалине от жизни детей на материке?

У нас было больше самостоятельности, воли. На первый взгляд, меньше контроля... но если ты попадался на глаза любому взрослому, можно было считать, что родители уже все знают. Город — крошечный, а вокруг — сопки и лесотундра, бухта и море, и во дворе нас было не удержать. Кататься на лыжах зимой, собирать ягоды летом... Постоять на обрыве над штормящим морем. Мерить сапогами бездонные лужи — весной и осенью. Лазать по болоту из хвостовства и ради адреналина. Грызть вяленую корюшку и мелкие кедровые шишки вместо семечек. В общем, отличная жизнь была, Чехов просто не умел ее готовить.

А еще у нас всегда была надежда, что уроки отменят из-за бурана. Начальным классам такое счастье выпадало, конечно, чаще, но и старшеклассникам иногда везло. Я до сих пор норовлю проспать, когда на улице ветрено: снится, что объявили штормовое предупреждение, и в школу идти не надо.

Воображаемый друг — хорошо или плохо?

Когда тебе, например, семь лет, даже самые лучшие реальные друзья никогда не смогут поболтать с тобой ночью или отправиться в опасное приключение по волшебной стране, пока вы сидите на уроке. Когда ты ребенок — в реальности вообще мало чего удастся сделать — ни один родитель в здравом уме не отпустит ребенка в пампасы или подраться с драконом. Зато в воображении можно отрывать на полную катушку, и в компании это делать веселее. Потом ты становишься старше и свободнее — и воображаемые друзья уходят, освобождая место настоящему. Наверное, так правильно, но без них было бы невыносимо скучно.

А еще воображаемые друзья — это просто нормально. Перед тем, как взяться за эту книгу, я провела небольшой опрос, и оказалось, что воображаемые друзья в детстве были почти у всех — а у некоторых есть и сейчас.

Таинственный визитер, которого шаман потчевал плохим чаем — кто он? Чью сторону представляет? Почему он стремится остановить разработку шельфа?

Могу только предполагать и намекать, кто работодатель этого визитера. Практически все читатели «Этногенеза» знают, кто сделает ставку на новые источники энергии и будет хорошо знать, как работают предметы и линзы. В девяностом первом он еще не стал миллиардером и вряд ли задумывается о том, что активная разработка шельфа может ему помешать. А вот позже наверняка захочет принять меры...

Насколько сильно влияние шаманов в тех местах? Доводилось ли наблюдать шаманские обряды?

Боюсь разочаровать, но за годы жизни в Охе я сталкивалась с шаманами только в книжках, а за годы работы на

Алтае — только в рассказах и воспоминаниях местных жителей. Возможно, шаманы действительно давно потеряли свое влияние. А может, просто стараются его не афишировать.

Хотя мне доводилось слышать байку о шаманах, возмущенных буровой посреди священного для местных жителей места. Объединившись, они приняли меры, провели нужные ритуалы... Результат можно считать совпадением, однако всем известному владельцу нефтяной компании пришлось туго. Но это всего лишь история, рассказанная ночью у костра.

Ритуальные убийства — были, есть и будут?

В Черноводске — да. Безумие — штука заразная, и даже если Лиза сможет остановить убийцу... возможно, кто-то еще решит, что чайку надо кормить. Такое сумасшествие работает как снежный ком, — тот, кто начал лепить его, может отойти в сторону, но шар будет катиться, увлекая за собой все новые и новые комья снега.

Лиза стремительно взрослеет, проходя сквозь череду событий, которые не каждый взрослый вынесет. Какой мы увидим ее в следующей книге?

Лизе понадобится вся ее храбрость, чтобы не только пережить все, что с ней произойдет, но и остаться при этом собой. Ей придется выбирать между доверием и холодной замкнутостью, между сочувствием людям и ожесточенностью. И, главное, Лизе надо будет решить — а на что лично она готова пойти ради отца?

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1	
Приключения в арыке	7
Глава 2	
Ссора	19
Глава 3	
Лизу загоняют в угол.....	32
Глава 4	
Не здесь и не там	50
Глава 5	
В железном брюхе	66
Глава 6	
Заперты.....	79
Глава 7	
Поиск и находки	96
Глава 8	
Снегурочка	107

Глава 9	
Все, что угодно...	124
Глава 10	
Как уходят с шельфа	141
Глава 11	
Бессонница	158
Глава 12	
Паранойя	172
Глава 13	
Голоса	187
Глава 14	
Платить должен чужак	203
Глава 15	
Выйди вон	216
Глава 16	
Вести от старого друга	225
Глава 17	
Успеть на кладбище	235

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ

В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****МОСКВА:**

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Карина Шаинян

ЗАПАДНЯ

Книга первая

Шельф

Руководитель проекта Константин Рыков

Редакторы: Полина Волошина, Вадим Чекунов

Корректор Ольга Тот

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Александра Гаськова

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 06.06.12 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,4 pt

Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32